

**ИСТОРИКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЕ
ОБЩЕСТВО**

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

6

**МОСКВА
ИПО
2005**

Редакционная коллегия:
к. и. н., доц. С. В. Алексеев (председатель),
к. и. н., доц. Д. М. Володихин, к. и. н. А. Ю. Смирнов.

На обложке: Костурский храм рубежа X — XI вв. Болгария.

Историческое обозрение. Вып. 6. М.: ИПО, 2005. — с.

Шестой выпуск ежегодного альманаха, включающего статьи и материалы, подготовленные Историко-просветительским обществом. В сборник включены научные работы и эссе, посвященные древней, средневековой и новой истории, истории религии и культуры.

ISBN 5-93319-008-X (Вып. 6).

© Коллектив авторов, 2005

Подписано в печать 02.04.2005. Тираж 500 экз.

ОГЛАВЛЕНИЕ

СМИРНОВ А. Ю. ВЕТЕРАНСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ В ЭПОХУ РАННЕГО ПРИНЦИПАТА (I ВЕК Н.Э.)	4
АЛЕКСЕЕВ С. В. ДВА ПАМЯТНИКА БОЛГАРСКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ О ДРЕВНЕЙШИХ БОЛГАРАХ V — VIII ВЕКОВ.	15
КОНОТОП А. Б. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ КАК О «НОВОМ ИЗРАИЛЕ» И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ПАМЯТНИКАХ ЛИТЕРАТУРЫ, ЖИВОПИСИ И АРХИТЕКТУРЫ XVI В.	38
ВОЛОДИХИН Д. М. ТЕОРИЯ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ	49
<i>Публикации</i>	
САВИЦКИЙ П. Н. ЗАПИСКА О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ЕВРАЗИЙЦЕВ С «ТРЕСТОМ»	58
<i>Новые имена</i>	
МЫШИНСКАЯ Н. Н. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ИВАНА ГРОЗНОГО О ЗАДАЧАХ ГОСУДАРСТВА.	63
ПАРОМОВ К. Я. НАИВНЫЙ КОНСЕРВАТОР. А.И. РОЗИН И ЕГО «ОЧЕРКИ ИЗ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ»	76
<i>Эссеистика</i>	
АЛЕКСЕЕВ С. В. ЕЩЕ РАЗ О ТЕМНОМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И СВЕТЛОМ ВОЗРОЖДЕНИИ	83
ВОЛОДИХИН Д. М. ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ АКМЭ РОССИИ	87
<i>Критика</i>	
Алексеев С. Возвращение эпохи	97

А. Ю. СМИРНОВ
ВETERАНСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ В ЭПОХУ РАННЕГО ПРИНЦИПАТА
(I ВЕК Н.Э.)

Отмирание республиканских учреждений и усиление императорской власти в Риме явились закономерным следствием превращения города — государства в Средиземноморскую империю, создания постоянной армии и бюрократического аппарата. Исторически власть принцепса развилась из двух республиканских магистратур: проконсульства и народного трибуната. В силу проконсульского трибуната Август являлся верховным командиром (императором) всех вооруженных сил на всём огромном протяжении империи, в том числе в Италии и самом Риме. Помимо этого, Август как император распоряжался всеми доходами императорских провинций, поступавшими в специальную императорскую казну — фиск. При наличии колоссальных средств принцип мог вербовать себе клиентов, вести «предвыборную» агитацию, устраивать торжества, приобретать земли для ветеранов, рекомендовать угодных ему лиц на государственные должности или, наоборот, устранять негодных; формально всё это протекало в рамках закона.

Институт принципата возник в результате гражданских войн второй половины I века до н.э. Своим возвышением Август был обязан поддержке армии, которая оставалась главной опорой его власти — принципат был основан на военном господстве, являясь своего рода военной диктатурой¹. Однако, не стоит забывать, что степень влияния армии могла быть различной — от выбора солдатской массы зависела судьба не только отдельной кампании, но и личная судьба правителя. Так, во время гражданских войн военная диктатура грозила выродиться в диктатуру легионов — вот почему все претенденты на власть были необычайно чутки к требованиям солдат. С установлением Августом принципата армия становится главной опорой власти принцепса.

Римская армия эпохи принципата и легионы как основная её часть исследуется исторической наукой давно и по многим направлениям. Внимание учёных к армии традиционно, поскольку общепризнанно, что армия являлась одной из важнейших опор системы принципата и играла активную роль в политической истории этого периода. Проблема выхода ветеранов в отставку, а также наделение их землёй является неотъемлемой частью серьёзного исследования по армии эпохи принципата. Интерес к этой теме тем более значителен в условиях продолжающейся реорганизации российской армии и поиска выхода из реформаторского тупика. В Римской империи удалось разрешить одну из сложнейших проблем — обеспечить достойную жизнь ветеранам и создать слой зажиточных землевладельцев, ставший залогом устойчивости власти в стране.

Изменения в условиях службы римских легионеров в империи как правило рассматриваются в контексте реорганизации всех вооружённых сил при Октавиане Августе. Первоначально вопрос рассматривался исключительно на материале литературных источников. Т. Моммзен подключил данные эпиграфики, а с начала XX века усилиями французских учёных в оборот были введены данные папирологии. Римская профессиональная армия рассматривалась в советской историографии как продукт разложения античного полиса, важнейшими инструментами уничтожения республики и утверждения принципата. С.Л. Утченко предпринял попытку доказать, что в Италии утверждение ветеранского землевладения является одним из проявлений разложения античной формы собственности². Н.А. Машкин, нанеся своей концепцией серьёзный удар по взгляду на принципат как военную диктатуру, опирающуюся на армию и ветеранство,

¹ Сергеев В.С. Очерки по истории Древнего Рима. М., 1983. С. 382.

² Утченко С. Л. Кризис и падение Римской республики. М., 1965. С. 15.

отметил тем не менее, их важность как существенных элементов социальной базы принципата³. Ю.К. Колосовская наиболее детально из советских учёных на примере римской колонии Паннония, детально рассматривает проблему величины земельного владения ветеранов и его юридического статуса, условий и самой процедуры ассигнации. Автор рассматривает ветеранов легионов как отдельное сословие, конституировавшееся на рубеже I века до н.э. — I века н.э. или как самостоятельную сословно — социальную группу⁴. В свою очередь В.И. Кузищин отмечает, что ветеранское землевладение играло важную роль в экономической жизни всей Римской империи в особенности в провинциях⁵.

В работах зарубежных авторов последнего времени признаётся, что пенсионное вознаграждение при Юлиях-Клавдиях ветеранам выдавалось либо в форме денег, либо в форме земельного надела. Д. Уэбстер обращает внимание на финансовые затруднения фиска и видит в этом причину выделения ветеранам порой вместо денег земельного участка⁶. В настоящее время можно говорить об определённом пересмотре традиционных представлений — от суждений о жалком существовании легионеров наметился переход к признанию того факта, что финансовое и социальное положение солдат легионов I — II вв. н.э. было выше, чем большинства простого народа. По вопросу о формах пенсионного вознаграждения ветеранов преодолевается абсолютизация крайностей в подходах и считается, что они получали либо деньги, либо землю.

Одной из первых попыток решить проблему наделения ветеранов землёй следует считать проект аграрного закона трибуна 104 г. до н.э. Л. Марция Филиппа. Следующей важной вехой истории развития ветеранского землевладения следует признать мероприятия, проведённые Суллой после его победы над марианцами. Как известно на основании ряда *leges Corneliae*, вывод колоний и наделение ветеранов землёй были организованы достаточно широко. Получаемые сулланскими ветеранами земельные участки считались неотчуждаемыми — таким путём диктатор хотел создать себе прочную и длительную социальную опору в Италии. Однако ветераны по большей части не превратились в зажиточный и устойчивый слой сельского населения, по тем или иным причинам быстро потеряв землю⁷.

Постепенно земельные участки, предназначенные для наделения ветеранов всё в меньшей и меньшей степени черпались из фонда *ager publicus*. Сулла изгонял из городов и областей как союзников, так и римских граждан и поселял на этих освободившихся местах своих ветеранов. Сервилий Рулл был вынужден ставить вопрос о закупках земель в Италии у их владельцев, на тот же путь пришлось встать и Цезарю. После битвы при Тапсе Цезарь провёл ряд внутривосточных мероприятий. После пышных празднеств, связанных с его триумфом, Цезарь приступил к наделению своих ветеранов землёй, причём, когда вставал вопрос о неотчуждаемости участков, он руководствовался *lex Julia agraria* 59 г. до н.э.⁸ Наделение земельными участками производилось постепенно и в соответствии с программой, которую сам Цезарь изложил ещё в 47 г. до н.э. бунтующим солдатам. Основное её положение сводилось к тому, что Цезарь обещал раздать землю общественную и свою собственную. Скорее всего чрезвычайно сложная работа по наделению земельными участками не могла быть выполнена в течение следующего — 46 года до н.э.

Положение солдата в армии определялось специальным воинским уставом. Со-

³ Машкин Н. А. Принципат Августа. М., 1949. С. 159.

⁴ Колосовская Ю. К. Паннония в I — III вв. н.э. М., 1973. С.70.

⁵ Кузищин В.И. Римское рабовладельческое поместье. М.: МГУ 1973.

⁶ Webster G. The Roman imperial army of the 1-st and 2-nd centuries A. D. London 1969. P. 257.

⁷ Утченко С.Л. Указ. соч. С. 184 — 185.

⁸ Там же. С. 231.

гласно уставу срок службы определялся в регионах в 20 лет, в преторианской гвардии — 16 лет. За свою службу солдат получал определённое жалование, к этому надо прибавить ещё экстраординарные награды и подарки в виде земельных наделов и денег⁹. Как указывает Светоний Транквилл, Август установил фиксированное вознаграждение за службу, прежде всего для того, чтобы предотвратить недовольство и беспорядки среди военных, вышедших в отставку. «Всем воинам, где бы они не служили, он назначил единое жалование и награды, определив для каждого чина и сроки службы и пособие при отставке, чтобы после отставки ни возраст, ни бедность не побуждали их к мятежам»¹⁰. В распоряжении Октавиана Августа после разгрома Антония и Клеопатры оказалась внушительная армия в 500 тысяч человек. Содержать такую большую армию было трудно и опасно, и поэтому он приступил к постепенной демобилизации, переводя армию на мирное положение и по возможности превращая солдат в земледельцев.

Массовое испомещение ветеранов на землях вызывалось двумя соображениями: требованием самих ветеранов, тяготившихся военной службой, и соображениями государственной политики, стремлением укрепить мелкое и среднее землевладение в противовес крупному¹¹. Из 500 тысяч солдат 300 тысяч были освобождены от службы и получили в виде награды деньги и земли. Из них около 120 тысяч были выведены в колонии в 30 и 29 гг. до н.э., а остальные 180 тысяч получили отставку и награду в виде земельного надела или денег с 29 г. до н.э. по 14 г. н.э.¹² Прочие же 200 тысяч либо не дожили до отставки, либо вышли отставку уже при Тиберии. Из боязни вызвать недовольство мирного населения в результате массовой конфискации Август отказался от своего прежнего метода насильственного внедрения колонистов на муниципальные территории, перейдя к другому методу приобретения земель — покупке. Сам Октавиан, который является автором «Деяний божественного Августа» — исторического автобиографического произведения, упоминает об этом событии. «Я заплатил муниципиям деньги за земельные наделы, которые я отвёл воинам в своё 4-е консульство и позднее в консульство М. Красса и Гн. Лентула Авгура. Та сумма, которую я отсчитал жителям Италии за их земельную собственность, достигала около 600 млн. сестерциев, а та, которую я заплатил жителям провинций за их земельные участки, достигала около 260 млн. сестерциев. Так поступил я первым и единственным из всех, кто на памяти моего века выводил колонии воинов в Италии и в провинциях. И позднее...я вывел воинов, отслуживших свой срок, в их муниципии, выплатив им вознаграждение за службу»¹³. Хотелось бы заметить, что, выходя в отставку, легионеры прослужившие 20 лет, получали донативу в 12.000 сестерциев, а преторианцы за 16 лет службы получали донативу в 200 тыс. сестерциев. Таким образом, как это можно заключить из приведенного отрывка, земли для ветеранских поселений приобретались в Италии и провинциях, а на покупку земель были истрачены громадные суммы. Светоний Транквилл приписывает Августу инициативу создания военного эрария: «Чтобы средства для жалования и наград всегда были наготове, он учредил военную казну и обеспечил ее за счет новых налогов»¹⁴. Военный эрарий был учрежден в 6 г. н. э., а для дальнейшего его пополнения был введен налог с наследства 5%, а с аукционов — 1%. Август особенно подчеркивает, ставя себе в заслугу то, что из своих личных средств оказал помощь эрарию. «Четырежды я из своих средств оказывал помощь эрарию. С этой целью я передал тем, кто заведовал эрарием, 150 млн сестерциев... Этот эрарий был учрежден по моей ини-

⁹ Сергеев В.С. Указ. соч. С. 384 — 385.

¹⁰ Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1993. С. 53 — 54.

¹¹ Сергеев В.С. Указ. соч. С. 384 — 385.

¹² Хрестоматия по истории Древнего Рима. Под ред. проф. В.И. Кузищина. М., 1987. С. 169.

¹³ То же.

¹⁴ Светоний Транквилл. С. 54.

циативе для того, чтобы выплачивать вознаграждение за службу солдатам, прослужившим 20 лет и более»¹⁵. На мой взгляд, основание эрария явилось как бы гарантией того, что отслужившие свой срок легионеры будут вознаграждены за заслуги принципсом. Помимо того, что ветераны наделялись землей и получали установленное жалование за выслугу, в колониях им нередко выдавались экстраординарные подарки. Так, Август упоминает: «В колониях моих воинам я выдал из военной добычи по 1000 сестерциев на человека. Этот триумфальный понарий получили в колониях около 120 тыс. человек»¹⁶.

Хотелось бы особенно подчеркнуть, что Август не отказался совсем от практики наделения ветеранов конфискованными землями. Во время гражданской войны он отбирал земли для ветеранов у противников триумвиров. Земельными конфискациями Август, на мой взгляд, в данном случае решал скорее политическую проблему: он пытался путем ослабления экономической базы своих противников, а ими прежде всего являлись крупные землевладельцы, добиться укрепления своей власти, а следовательно всей системы принципата.

Реформистская деятельность Августа в отношении армии, таким образом, затронула и принципы обеспечения ветеранов, получающих отставку. Покупка земель, основание эрария, установление вознаграждения и другие мероприятия были направлены на то, чтобы в лице вышедших в отставку военных иметь устойчивую опору своей власти. Ветераны, ведущие мелкое и среднее хозяйство, кроме того должны были бы стать как бы в противовес крупным землевладельцам, чьи чаяния и интересы были связаны с республиканским строем правления. Необходимо отметить, что принципам, заложенным при Августе, следовали последующие принципсы как династии Юлиев-Клавдиев, так и Флавиев, которые так же как Октавиан, видели в ветеранском землевладении опору своей власти, а также одно из средств удержания в повиновении армию и вышедших в отставку.

Поселение ветеранов в провинциях по своему характеру и значению были сходны с колонизацией Римом италийского полуострова¹⁷. В 1 в. н. э. в эпоху раннего Принципата существовало несколько путей образования ветеранских дедукций в колониях. Большое распространение имела отдача под ветеранские дедукции территорий, находящихся до этого в юрисдикции воинских частей. В Далмации на территории, занимаемой прежде VII легионом, возникла ветеранская колония Эквум. В Паннонии на месте бывшего легионного лагеря была основана колония Эмона. В Нижней Германии ветераны получили наделы не только за счет союзной общины убиев, но и за счет земель, окружавших оставленный двулегионный лагерь в их землях.

Другим распространенным путем образования ветеранских дедукций было переселение бывших солдат на земли peregrinских общин. Так были основаны ветеранские дедукции в Скарбомции и Саварии в Паннонии. В Британии на территории племени смеуров была образована ветеранская колония Камулудун. Ветеранская колонизация была в это время единственной формой устройства римских городов в Паннонии и Британии, которые получали статус колоний, тогда как в Далмации и на Рейне они возникали независимо от ветеранских поселений. Эпиграфический материал показывает, что многие ветераны обзаводились землей при возвращении на родину — в города Северной Италии, Нарбоннской Галии, Далмации. Ветераны не только приобретали земли, но и наследовали землю за своими родственниками.

Политика императорского правительства по отношению к провинциям является одним из существенных вопросов истории ранней Римской империи. В автобиографи-

¹⁵ Хрестоматия по истории Древнего Рима. Под ред. проф. В. И. Кузищина. М., 1987. С. 169.

¹⁶ То же.

¹⁷ Колосовская Ю.К. Указ. соч. С. 84.

ческом историческом произведении «Деяния божественного Августа» мы можем найти упоминание тех мест, куда Октавиан вывел колонии своих ветеранов. «Колонии ветеранов я вывел в Африку, Сицилию, Македонию, в обе Испании, Ахайю, Азию, Сирию, Нарбоннскую Галлию, Писидию. Италия же имеет 28 колоний, выведенных по моей инициативе, которые при моей жизни были многолюднейшими и богатейшими»¹⁸.

В истории романизации Африки, бывшей житницей Рима, эпоха Августа имеет исключительное значение. Он вывел в нее значительное число колоний из числа ветеранов и издал ряд распоряжений, касающихся положения городов. В пределах Нумидии и Мавритании Августом было выведено 12 колоний, из них 8 были расположены по морскому побережью, а 4 — в пределах материковой части Мавретании¹⁹. Для укрепления римского могущества в Испанию был выведен ряд новых колоний. Некоторые колонии выводились как в сенатские, так и в императорские провинции. Выводились колонии и на месте старых городов. Так, Барцина при Августе получила название Colonia Faventia Iulia Augusta Pia. Покорение северо-западной части Испании сопровождалось основанием ряда колоний (Bracara Augusta, Lucus Asturum, Asturica Augusta). Основание колоний, а также проведение дорог — все это должно было упрочить римское влияние в стране и содействовать ее романизации. Романизация в Испании сделала большие успехи, чем в Африке, но никогда не достигала такого уровня, как в Галлии. Города в Галлии существовали и ранее, однако при Августе число старых городов пополняется колониями. Так возникли Augustobona Tricassium в области троев, Augusta Treverorum — в области тревов и Aquae Augustae Tarbellorum — в области тарбеллов. Выстроенный Мунацием Планком по римскому образцу и заселенный италийскими эмигрантами и ветеранами Лугдун стал главным городом провинции, центром романизации²⁰.

В результате мятежа 14 г. н.э. паннонских легионов, Тиберий в начале своего правления был вынужден заняться срочным увольнением ветеранов, наделяя их землёй в местах, соседствующих с лагерями паннонских и далматинских легионов. Вероятно, при Тиберии также был основан ряд ветеранских поселений в Италии, о чём сообщается в «Книге колоний». При Клавдии ветеранская колонизация Далмации и Паннонии получила дальнейшее развитие. Ветеранские колонии появляются в Британии, а также в Нижней Германии.

Хотелось бы отметить обособленность положения Испании, куда при Юлиях—Клавдиях не выводились ветеранские колонии. Широкий охват римской политике при Нероне означал, что особое внимание должно было быть уделено моральному состоянию армии, уже переживавшей тяжёлые неудачи в Армении. Поэтому новые военные колонии, или новые поселения в старых колониях (как правило в Испании) были подготовлены чтобы принять нуждающихся. Почётное поселение в месте рождения Нерона Antium было зарезервировано для преторианцев, другие ветераны были помещены в новой колонии Nuceria и в старых колониях — Капуе и Таренте. Возможно, что ветераны были поселены и в Тедеанит в Кампании, и в Помпеях, для чего Нерон их обе возвёл в статус колонии²¹. Вероятно, что ветераны были поселены и в Luceria, в то время как колония, выведенная Августом в Грецию, стала колонией, находящейся под покровительством Нерона, и также приняла часть ветеранов. Постепенный отток ветеранов из этих колоний начался из-за отхода Нерона от обозначившейся при Тиберии и Клав-

¹⁸ Хрестоматия по истории Древнего Рима. Под ред. проф. В.И. Кузищина. М., 1987. С. 172.

¹⁹ Машкин Н.А. Указ. соч. С. 475.

²⁰ Там же. С. 484 — 485.

²¹ The ancient history. Cambridge, 1934. V. XII. P. 714.

дии тенденции наделять ветеранов землёй в пограничных провинциях²². Мелкоробовладельческие и крестьянские хозяйства ветеранов успешно развивались в Панонии и Далмации, где только начиналось проникновение передовых форм хозяйствования в аграрных отношениях, или же они ещё не получили там широкого распространения. В Южной Италии ветеранским хозяйствам приходилось конкурировать с латифундиями. Хотя Веспасиан был бережлив и скуп на раздачи и подарки даже воинам, но и он организовал колонии ветеранов в Южной Галлии и наделил их землёй. В период правления Домициана римские войска овладели крайней юго-западной частью Германии, землями между верхним течением Рейна и Дуная. Эти так называемые десятинные поля были заселены римскими колонистами (вероятно ветеранами) и защищены с северо-востока лимесом. Таким образом, можно отметить, что завоевание новых территорий и основание колоний были взаимосвязаны у римлян. По свидетельству Сикула Флакка войны служат причиной для разделения полей, ибо захваченное у врага поле предоставляется победителю и ветерану, после того как изгнаны враги.

Римскими земледельцами были разработаны целы трактаты по разделению земель между ветеранами и их благоустройству (проведение дорог, расстановка указателей и др.). Они стремились обеспечить их всем необходимым для успешного развития хозяйства. Ветеранам выделялся плодородный, достаточно большой земельный надел, к которому прилегал пастбища и леса, чтобы у вышедших в почётную отставку ни в чём не было недостатка. В отношении ветеранских колоний государство проводило льготную налоговую политику, участки же им передавались в полное владение. Были детально разработаны юридические аспекты наделения, чтобы среди ветеранов не возникло вражды или споров из-за земли между собой или местными жителями, а царили порядок и благоденствие.

Подобная тщательность в осуществлении политиков принцепсов объясняется тем, что в лице ветеранов-земледельцев они хотели создать надёжную социальную опору своей власти, состоящую из зажиточных и обеспеченных хозяев. Данные эпиграфики говорят о том, что в какой-то мере этой цели в период раннего принципата удалось достичь. Во времена династии Флавиев нехватка земли для наделения ветеранов послужило причиной того, что сами легионеры закупали себе землю во время службы, а это снижало боеспособность армии. Этой причиной был вызван указ о запрещении покупать земли ветеранам, не вышедшим в отставку, однако делалась оговорка, что если о факте покупки участка не будет известно командованию, то участок останется за легионером, когда он получит отставку. Говорить же о полном прекращении вывода ветеранских колоний на основании этого запрета, а также определенного земельного и финансового кризиса в это время нельзя.

До нашего времени сохранилось значительное число фрагментов трактатов римских землемеров I — II вв н.э. (сочинения Гигина Младшего, Сикула Флакка, трактаты Фронтини и др.), фиксирующих принципы раздела земель, а также юридические нормы их пользования. Этими правилами руководствовались при размежевании территорий колоний. Высокая квалификация и большой практический опыт авторов, изучение ими фондов государственных архивов по римскому землеустройству позволяют считать трактаты достоверными источниками по аграрным отношениям Рима эпохи Принципата. В наиболее полном виде до нас дошло сочинение Гигина Младшего «Устройство лимитов». В его произведении дан анализ римской практики межевания земель во всём Средиземноморье. По трактату об «Устройстве лимитов» можно реконструировать схему центуриации римской колонии, проследить, как на определенной территории обеспечивалось закрепление прав собственности на участки. Гигин Младший показы-

---

²² Колобов А.В. Социальное положение солдат и ветеранов легионов в западных провинциях Римской империи при Юлиях-Клавдиях. Автореферат.

вает основные принципы государственной политики по предоставлению колонистам угодий и учёту общественных земель на территории римских колоний.

При основании колоний соблюдались определённые нормы планировки и соответствующие религиозные церемонии. Но если в период Республики колонии римских граждан (в частности ветеранов) выводились специальной сенатской комиссией, то в период Империи колонии выводились от имени императора (принцепса). «Божественный Август по всей земле установил мир. Тех, кто воевал под командой Антония и Лепида, как и воинов из своих легионов, он сделал колонистами...»²³ — указывает Гигин Младший. В его же трактате мы находим и упоминание о принципе наделения землёй ветеранов. «(Земли) колоний ассигновались (только) тем воинам, которые в то время находились при оружии... тогда то земля давалась за заслугу в качестве награды.

Многим воинам легионов счастливо удалось пройти войны, и (иные), даже едва начав военную карьеру, смогли перейти к мирному труду по возделыванию полей. Ведь когда старшие командиры и трибуны выводили для ассигнации весь легион со значками и орлом, то размер участка зависел от заслуг. Согласно документам, земельные участки раздавали воинам после того, как они провели сотую схватку с врагами»²⁴. Автор в приведённом отрывке указывает на то, что земля ветеранам давалась в качестве награды за заслуги, и что для ассигнации выводили весь легион.

Подлежащая раздаче колонистам земля определялась как пахотная, и подобная практика ведёт своё начало ещё со времён Августа. К пахотной земле, если была возможность, также добавлялся участок под выпас скота. — «Земельные площади многих колоний значительно превосходят необходимую норму для ассигнации (участков), и поскольку избыток земли велик, то она раздаётся ближайшим владельцам под пастбищные угодья»²⁵. Если же рядом находился лесной массив, то ветераны использовали его для откорма свиней, а также для вырубки на дрова. Однако, леса и пастбища, находящиеся на территории колоний, оставались собственностью государства и не подлежали ассигнации. «Есть много (категорий) земель, — находим мы в трактате Гигина Младшего, которые при проведении ассигнации (государство) уступает владельцу под пастбищные участки. Такие участки являются как бы даром государства колонии, и на плане они должны быть обозначены... с них получают небольшой налог»²⁶, то есть колония выступала как бы коллективным арендатором, и уже от неё каждый поселенец получал во владение определённый пастбищный участок.

Размер территории колонии устанавливался законом о выведении колоний в расчёте на определённое число поселенцев. В том случае, когда все же не хватало земли для наделения ветеранов, государство могло в виде исключения предоставить комиссии по устройству колонии право изъять некоторый земельный массив из соседнего муниципия. Эта отторгнутая от муниципия земля включалась в границы колонии под название префектуры. Сам же размер ассигнуемого участка зависел от срока службы ветерана, его военного чина и качества земли. Сикул Флакк отмечает, что не всем давались равные наделы. Рядовой из манипулы получал один надел; офицеры могли получить полтора или два надела. «Обычно (при ассигнации) расчёт пригодных к обработке земель происходит в зависимости от заслуг колониста, — указывает Гигин Младший. — Если же для данной колонии площадь центурии будет рассчитана по 200 югеров, то участки для каждого из трёх колонистов будут по 66 2/3 югеров»²⁷. Таким образом, можно отметить, что более или менее обычной нормой земельного участка, выдаваемо-

²³ Хрестоматия по истории Древнего Рима. Под ред. проф. В.И. Кузищина. М., 1987. С. 194.

²⁴ То же.

²⁵ То же.

²⁶ То же.

²⁷ Там же. С. 196.

го ветеранам в 1-2 вв. н. э., равнялась $66 \frac{2}{3}$ югера; на это также указывает тот факт, что для времён Траяна величина земельного надела ветеранов в Панонии, также равнялась $66 \frac{2}{3}$ югерам²⁸. Однако стоит заметить, что если ветераны получали более крупные участки, то они были или преторианцами, или имели особые заслуги. Итак, римские землемеры считали нормальными участками колонистов в I — II вв. н. э. надел в $\frac{1}{3}$ центурии. Правда, следует принять во внимание тот факт, что это касается колоний ветеранов, основанных в провинциях. А ветераны выходявшие в отставку в I — II вв. н. э., зачастую были довольно состоятельными людьми и, получая участки свыше 30 югеров, в сущности говоря, пополняли не столько ряды мелких производителей, сколько мелких рабовладельцев²⁹.

Гигин Младший оставил предписание как должна была происходить жеребьёвка ветеранами наделов и составляться запись в книгах колоний. «Поскольку одна центурия предназначена для трёх получателей, то и обозначение границ всех трёх её частей должно быть одинаковым. Записанные на жребиях названия (обозначения) участков опускают в урну, и тот (номер участка), который будет вынут первым, станет первым жребием для (этой) центурии»³⁰. Ветераны образовывали группы из трёх человек — свидетельство того, что центурия отводилась под наделы троим — и тянули жребий, в котором был указан номер центурии, где надлежало получить надел, сам надел назывался акента. «Таким способом проводится (жеребьёвка участников) и в других центуриях»³¹.

Следует более подробно остановиться на самом процессе межевания (лимитации) земли как на одной из важнейших операций в самом процессе наделения ветеранов землей. Стоит заметить, что деление площадей лимитами на центурии, то есть центуриация, была самой совершенной системой римского межевания. Прямые дороги обеспечивали проезд к каждой центурии, в которой ветеранам выдавались участки земли. На центурированной территории легко осуществлялся и вывоз сельскохозяйственной продукции на рынок. Процедуре центуриации земли предшествовал обряд религиозного очищения земли, подлежавшей раздаче колонистам. Затем следовала сама разбивка поля на центурии — квадратные участки земли со сторонами в 240 шагов (710,4 м); заключавшие 200 югеров земли. Эти квадраты — центурии образовывались проведением на поле лимитов (параллельных линий) на расстоянии 2400 шагов одна от другой. Линии эти ориентировали по направлению двух главных улиц — Кардо, шедшей с севера на юг, и Декиманус — с запада на восток. Направление этих улиц в поле давало главные линии — Кардо и Декуманус Максимус, по которым ориентировали все остальные. Автор трактата «Устройство лимитов» указывает на то, что необходимо чётко придерживаться этих правил, поскольку при их несоблюдении могла нарушиться вся сложная система земельного устройства колонии³². Границами же центурий были линии шедшие параллельно Кардо и Декуманус Максимус. Они выкладывались камнями и служили также дорогами. Большими проезжими дорогами были Кардо и Декуманус Максимус и каждый пятый лимит, параллельный обеим дорогам. Гигин Младший указывает размер центурии, а также Кардо и Декамануса для колоний, основанных Августом. «Божественный Август установил размер центурий в Ветурии Элерите 400 югеров. После проведения измерений (в этом районе) по Дециману длина центурии составляет 40 актов, а по Кардо 20 актов. Дециманус обращён на Восток».

²⁸ Колосовская Ю.К. Указ. соч. С. 81.

²⁹ Кузицин В.И. Указ. соч. С. 36.

³⁰ Хрестоматия по истории Древнего Рима. Под ред. проф. В.И. Кузицина. М., 1987. С. 196 — 197.

³¹ Там же. С. 197.

³² Там же. С. 196.

Каждая центурия попадала в одну из четырёх частей, на которые оказывалось разбитым всё поле, и находилась соответственно справа или слева от Декуманус Максимус по ту или иную сторону от Кардо Максимус. Местонахождение отдельного участка определялось в зависимости от того, в какой из частей поля он оказывался. Для того, чтобы быстро определить кому какой принадлежит участок расставлялись на границах участка внутри центурии пограничные столбы, снабжённые надписями. Для каждого участка составлялась карта, удостоверявшая право владения им. После назначения ветерану участка земли, он включается в земельную опись колоний, в этой описи должно было быть указано, сколько дано каждому ветерану земли, в какой центурии и каковы границы участка, чтобы между ветеранами не могли возникнуть никакие споры и конфликты. Копия каждого такого документа хранилась в Риме в *tabularium* сената; две другие оставались в архиве колонии.

Первые города и сельские общины как колонии ветеранов должны были получить италийское право. На провинциальной земле это право означало для римских граждан освобождение от уплаты налога на землю и переход земли в собственность владеющего ею. На основании действующих норм этого права земля могла быть продана, сдана в аренду, разделена между наследниками. А. Рудорф указывал, что установленный Цезерем 20-летний срок неотчуждаемости наделов ветеранов был отменён уже Брутом и Кассием (надел ветерана переходил по наследству и принимал родовое имя ветеранов), и что запрещение Цезаря было последним и позднее ничего неизвестно о подобных ограничениях³³. Однако, если ветеран не имел наследника, надел поступал в распоряжение императора. Таким образом, предоставление колониям италийского права ставило граждан, владеющих землёю на их территории в самое привилегированное положение, в котором вообще мог оказаться муниципальный землевладелец на территории Империи. Наделы ветеранов были их наследственными имениями и подлежали изъятию от налога на землю.

Свободное земледельческое население империи постоянно (в частности в I — II вв. н. э. пополнялось за счёт населения в разных районах отслуживших солдат-ветеранов. Свободные землевладельцы были собственниками небольших земельных наделов и, возделывая их, применяли рабский труд; также существовали мелкие земледельческие хозяйства без рабов. Однако, можно говорить и о таких крестьянских семьях, которые владели наделом порядка 20 -30 югеров. Подобные семьи не только удовлетворяли свои нужды за счёт получаемого дохода, но и располагали излишками сельскохозяйственной продукции, которую они могли реализовать на рынке или каким-либо иным способом. Собственники подобных наделов располагали денежными средствами и чаще, чем другие категории крестьян, привлекая дополнительную рабскую силу, могли создать устойчивое и крепкое хозяйство. Среди таких собственников, по мнению В.И. Кузицина, было много бывших ветеранов, получивших землю после выхода в отставку³⁴. Применение нескольких систем земледелия, в частности трехполья и двухполья с примитивными севооборотами говорит о существовании относительно интенсивных хозяйств, использовавших передовые системы земледелия, и более консервативных по своей организации. К ним по большей части принадлежали зажиточные крестьянские и ветеранские хозяйства, где была возможность вкладывать некоторые средства и применять рабскую силу. Возможно, что эти хозяйства располагались вблизи городов и были теснее связаны с городским рынком, чем крестьянские с более маленькими земельными участками. Кроме полевых культур (полба, овёс, лён, бобовые и т.д.) в каждом крестьянском хозяйстве непременно возделывали виноградную лозу, из винограда делали вина и уксус. Крупные скотоводы разводили лошадей для конницы,

³³ Колосовская Ю.К. Указ. соч. С. 83.

³⁴ Кузицин В.И. Указ. соч. С. 36 — 37.

ристалищ и так далее, но в мелких хозяйствах уход за лошадьми вряд ли экономически оправдывал себя. Скорее всего этим занимались в хозяйствах многочисленных ветеранов, которые, будучи его средствами, как бывшие военные позволяли себе роскошь содержать коня. В большей же части крестьянских хозяйств, видимо, лошадей не разводили, однако прочий скот — пара волов, коровы, несколько овец, коз и свиней — был обычным явлением.

Таким образом, необходимо отметить, что среди хозяйств свободных крестьян место ветеранских хозяйств было значительным. Причём нередко были случаи, когда ветераны, выходявшие в отставку в I — II вв. н. э. пополняли не столько ряды собственно мелких производителей, сколько мелких рабовладельцев, и относились уже к господствующему рабовладельческому классу. Упоминание о подобных зажиточных хозяйствах мы находим у Вергилия, который писал о жизни сельских землевладельцев. В их число, вероятнее всего он включал и ветеранов³⁵. Однако, часть ветеранов всё же забрасывала свои участки. Так, например, колонисты, поселённые Нероном в Тарент и Аттиум медленно возвращались в провинции, где они служили³⁶. Это явление, впрочем, нельзя рассматривать как типичное и распространять его на всю практику выведения ветеранских колоний; поскольку государство стремилось создать благоприятные условия для занятий ветеранами земледелием. Также многие факты свидетельствуют о том, что на участках, ассигнуемых ветеранам на льготных условиях государством³⁷, колонистам была предоставлена возможность добиться процветания своего хозяйства, и они старались её использовать.

Как уже упоминалось, армия Августу была необходима не только для победы над противниками. Она должна была укреплять его авторитет среди гражданского населения. В муниципиях служившие в армии пользовались преимуществами при выборах в городские магистраты, поэтому среди муниципальной знати было много отставных военных, офицеров и заслуженных солдат-ветеранов³⁸. По Империи расселялись ветераны, которые должны были укреплять и поддерживать политический режим Принципата. Поселённые ветераны составляли то ядро, вокруг которого группировались сторонники Августа³⁹. Итальянские надписи дают много указаний на роль ветеранов в муниципальной жизни различных городов. Из них мы узнаём, например, что военный трибун, участвовавший в наделении землей, получил сан понтифика и легион, расселённый в этой местности, посвятил ему особую надпись. Надпись из Капуи говорит о почестях каких был удостоен ветеран Цезаря и Августа, который нёс все муниципальные должности и прославился щедростью⁴⁰. В правление Юлиев-Клавдиев ветераны, ведущие зажиточное хозяйство и активно участвовавшие в общественной жизни, продолжали оставаться верной опорой принципата, хотя социальный статус различных групп ветеранов был неадекватным. Далеко не все получившие участок ветераны занялись земледелием или стали зажиточными землевладельцами; тем не менее данные эпиграфики свидетельствуют, что ассигнация земель ветеранов не прошла бесследно. Роль бывших военных в муниципальном правлении была значительной и в последствии стало оказывать важное влияние на общественную жизнь страны.

---

³⁵ Там же. С. 45.

³⁶ The ancient history. Cambridge. 1934. V. XII. P. 227.

³⁷ О них упоминается в надписи на деревянном диптихе из Александрии от 94 года — «...солдаты-ветераны, освобождённые от всех государственных налогов и торговых пошлин должны быть свободны (и от повинностей)». Хрестоматия по истории Древнего Рима. Под ред. С.Л. Утченко. М., 1962. С. 511.

³⁸ Сергеев В.С. Указ. соч. С. 376.

³⁹ Машкин Н.А. Указ. соч. С. 462.

⁴⁰ Там же. С. 479 — 480.

Таким образом, после установления своего принципата Август был вынужден в силу указанных причин, провести ряд реформ в армии. Одна из них затронула проблему обеспечения ветеранов после выхода в отставку; им полагалось денежное и земельное вознаграждение. Политика расселения ветеранов, которую проводил в широких масштабах Август не только в Италии, но и в провинциях была продолжена в последующем. Разные цели преследовались принципсами в I в. н. э. при выводе ветеранских колоний. Если в Италии их поселение было в большей степени связано с желанием подорвать влияние крупных землевладельцев (большинство из которых стремились к восстановлению республиканского строя) и обеспечить себе поддержку со стороны выведенных в отставку ветеранов, то в провинциях римские колонии бывших военных по существу являлись опорами, форпостами Империи в её внешней политике, служили центрами их романизации. Развитие землевладения ветеранов, а также конфискация земель у знати, подрывало позиции противников принципата. В целом мелкие и средние хозяйства ветеранов стали важным фактором в эволюции римской экономики I века н. э.

Смирнов Андрей Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент Московского гуманитарного университета.

С. В. АЛЕКСЕЕВ
ДВА ПАМЯТНИКА БОЛГАРСКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ О ДРЕВНЕЙШИХ
БОЛГАРАХ V — VIII ВЕКОВ.

Под названием «Болгарская апокрифическая летопись» в науку вошел текст, названный в оригинале «Сказание Исаие пророка, како възнесенъ бысть аггломъ до 7-го небесы». Он сохранился в единственном, сербском списке — в рукописном сборнике Преображенского монастыря в Москве (рукопись № 123 из собрания А.Ф. Гильфердинга).

Рукопись, введенная в научный оборот во второй половине XIX в., впервые была опубликована сербским ученым Л. Стояновичем.¹ Л. Стоянович провел лишь первичный анализ содержания, без особого труда придя к выводу о болгарском происхождении памятника. В этом не оставляла сомнений глубокая укорененность его содержания в болгарской истории и практическое отсутствие сербской сюжеттики. Не вызывала сомнений также принадлежность сочинения к обширному кругу балканской апокрифической литературы, центром распространения которой в средние века являлась в славянском мире опять же Болгария. Стоянович первым дал памятнику название («т. н. Болгарская летопись»).

Первое подробное исследование памятника принадлежали чешскому слависту К. Иречку.² В центре его внимания находились библейско-апокрифический, «внешний», и конкретно-исторический составные элементы географической номенклатуры памятника. Выводы К. Иречка имели значение и для постановки вопроса о значении сочинения как исторического источника, и для анализа его соотношения с устной традицией (прежде всего, с топонимическими преданиями). Важнейший вывод, к которому пришел К. Иречек в своей работе, тем не менее, не имел прямого отношения к ее непосредственной теме. Но это положение не было поставлено под сомнение позднейшими исследователями и совершенно справедливо утвердилось в науке — «Болгарское видение Исаии пророка» является одним из немногих сохранившихся подлинных памятников болгарской богомильской ереси. Уникальность памятника усиливается тем, что здесь мы единственный раз имеем дело с богомильской историографией.

Подробное исследование памятника, не потерявшее значение до сего дня, предпринял крупнейший болгарский историк Й. Иванов.³ Именно ему принадлежит утвердившееся название памятника — «Болгарская апокрифическая летопись». В тексте сочинения Й. Иванов выделил две составные части — «апокалиптическую» и «летописную». Рубежом между ним он считал исчезновение пророка Исаии в качестве действующего лица и описание поселения болгар в Добрудже.⁴ Впрочем, в этой связи нельзя не отметить, что, как увидим далее, «историческая», «летописная» часть связана с «апокалиптической» довольно искусным переходом, и механическое деление текста едва ли возможно — что, конечно, признавал и сам Й. Иванов. Тема болгарской истории вводится, по его членению, еще в конце «апокалиптической» части.

В соответствие с общей темой своей работы «Богомильские книги и легенды», Й. Иванов основное внимание уделил религиозному содержанию памятника, его идейным тенденциям и литературному происхождению. Он развил гипотезу К. Иречка о богомильском происхождении «летописи», превратив ее, по сути, в уверенность. Иванов обосновал наличие в «летописи» конкретных признаков богомильской идеологии.

¹ Споменик на Србската Кралска Академия. Вып. 3. 1890. С. 160 — 163.

² Иречекъ К. Християнският елемент в топографическата наменклатура на балканската земи.// Пер. списания на Българско книжно дружество. Кн. 55 — 56. 1899. С. 261 — 268.

³ Иванов Й. Богомилски книги и легенди. София, 1925. С. 273 — 279.

⁴ Иванов Й. Богомилски книги и легенди. С. 273.

Так, бросается в глаза негативное отношение «летописца» к браку — наиболее «положительные» цари у него никогда не описываются ни как супруги, ни даже как рожденные в браке и имеющие обоих родителей дети. Автор иногда призывает на службу в этой связи даже языческие тотемные представления (царя «Испора» — хана Аспаруха три года вынашивает корова). Известный «пацифизм» богомилов отразился, по мнению Й. Иванова, в заметном избегании сообщений о войнах (особенно с Византией). Памятник приписан Исайе — библейскому пророку, имя которого нередко использовалось в богомильской среде. Болгария, в IX — XII вв. сердце богомильства, представлена «обетованной страной» и подспудно противопоставлена той же Византии. Наконец, в памятнике отражается богомильская космология — концепция семи небес, отделяющих материальный мир от Бога.⁵

Проанализировав и болгарский апокриф «Видение Исайи» (также содержащий некоторые исторические добавления), с которым сближал «летопись» К. Иречек, Й. Иванов пришел к выводу, что текстуальная близость не является свидетельством вторичности «летописи». «Летопись», действительно, весьма близка в первой, «апокалиптической» части к «Видению». Но эта близость объясняется тем, что оба богомильских апокрифа независимо восходят, в конечном счете, к одному греческому источнику — первоначальному «ветхозаветному» апокрифу «Видение Исайи».⁶

Политическая тенденция памятника сочетает ярко выраженный (более религиозный) болгарский патриотизм с несколько неожиданным в пору византийского владычества благожелательством к грекам. Конфликты с ними искусно замалчиваются, византийские императоры (даже Василий Болгаробойца) прославляются. Одним пацифизмом автора-богомила это едва ли можно объяснить — к русским (правда, не называемым прямо) и печенегам автор настроен резко отрицательно.⁷ По политическим реалиям, в ней отраженным, Й. Иванов датировал «летопись» временем не ранее середины XI в.⁸

Общий вывод Й. Иванова относительно исторической (не историко-культурной и историко-религиозной) ценности сочинения неизвестного богомила неутешителен: «как историческое сочинение эта летопись не имеет никакого значения».⁹ Действительно, исторические события предстают в туманном, иногда фантастически искаженном виде. Достаточно отметить, что византийский император X в. Константин Багрянородный в памятнике отождествлен с Константином Великим (и, соответственно, византийское христианство и государство оказываются вторичны по отношению к болгарскому). В то же время Й. Иванов признал, что сохраненные в «летописи» предания, в первую очередь, топонимического характера, могут отражать и некие реальные события. Однако от подробного исследования этой стороны памятника ученый сознательно отказался, ограничившись отдельными сопоставлениями в подстрочных примечаниях.

Издание памятника в коллекции богомильских текстов Й. Иванова стало основой для последующих переизданий и переводов на болгарский язык.¹⁰ На нем же основан единственный перевод памятника на современный русский язык.¹¹

В основном позднейшие исследования памятника подтверждали выводы Й. Ива-

⁵ Иванов Й. Богомилски книги и легенди. С. 275 — 276, 278 — 279.

⁶ Иванов Й. Богомилски книги и легенди. С. 277 — 278.

⁷ Иванов Й. Богомилски книги и легенди. С. 274 — 275.

⁸ Иванов Й. Богомилски книги и легенди. С. 274.

⁹ Иванов Й. Богомилски книги и легенди. С. 274.

¹⁰ Дуйчев И. Из старата българска книжнина. София, 1943. Т. 1. С. 237 — 240; Писахме да се знае. Приписки и летописи. София, 1984. С. 267 — 270.

¹¹ Родник златоструйный. Памятники болгарской литературы XI — XVIII вв. М., 1990. С. 177 — 179.

нова. Несколько разнилась в одном существенном аспекте точка зрения П. Динекова на отношение автора «летописи» к Византии. В обоснование ее он выделил тот очевидный факт, что в «летописи» Болгария предстает, по сути, предшественницей византийской государственности и едва ли не родиной «истинного», по мнению богомилов, христианства. По мнению П. Динекова, подобное возвеличение Болгарии в условиях византийского господства носило объективно антивизантийский, патриотический характер. В этом же ключе можно толковать и возвеличение, идеализацию прошлого Болгарского ханства и Первого Царства. Политическую тенденцию памятника Динеков определил, соответственно, как сознательно антивизантийскую.¹²

Историческое содержание «апокрифической летописи» анализировал В. Бешевлиев. Он пришел к выводу о возможности (со значительной долей осторожности) использования этого богомильского сочинения в качестве исторического источника — прежде всего, по истории формирования Болгарского ханства на Балканах.¹³ «Летопись» в качестве источника по ранним этапам истории и предыстории Балканской Болгарии привлекает российский исследователь Г.Г. Литаврин.¹⁴

Интересен сделанный болгарскими исследователями вывод об известности памятника историку и церковному деятелю XVIII в. Паисию Величковскому (Хилендарскому), автору «Истории славеноболгарской». Он упоминает в связи с раннесредневековой историей Болгарии мифического царя Селевка, нигде, кроме «летописи», не фигурирующего.¹⁵ Однако использование летописи Паисием было более чем ограничено. Тщательный и заботливый собиратель любых остатков литературы царской Болгарии, Паисий вместе с тем с очевидностью не мог полагаться на источник заведомо апокрифический и явно во многом недостоверный.

Итак, основные выводы о происхождении и характере памятника мало изменились со времен труда Й. Иванова. Они сводятся к следующему. «Болгарская апокрифическая летопись» — сочинение богомильского круга, созданное во второй половине XI в. В нем отражаются космологические, социальные и религиозные представления болгарских богомилов. Первая («апокалиптическая») часть памятника основана на греческом «Видении пророка Исаяи» и близка его болгарскому, также богомильскому переводу-переложению. Вторая (условно «летописная») часть в числе источников основана, в первую очередь, на фольклорных припоминаниях, а также на политических тенденциях автора. Ее сведения носят туманный, часто откровенно фантастический характер.

Сложным остается вопрос о политической тенденции памятника («провизантийской» или «антивизантийской»). Думается, что двойственность памятника в этом плане представляет собой закономерное отражение двойственности отношения к Империи самих болгарских богомилов. Известно, что богомилы отнюдь не всегда были однозначно враждебны по отношению к Константинополю и не оставляли попыток завоевать себе приверженцев в имперской элите. Катастрофическая для вождя болгарских богомилов Василия попытка обращения им в свою веру императора Алексея Комнина¹⁶ — вершина усилий такого рода. Но она произошла, скорее всего, уже позже написания летописи.

С другой стороны, родиной богомильства в его тогдашней форме (конечно, не

---

¹² Динеков П. Литературният живот през XIII в.// История на българската литература. София, 1963. Т. 1. С. 253.

¹³ Бешевлиев В. Началото на българската държава според апокрифен летопис от XI в.// Средновековна България и Черноморието. София, 1982. С. 39 — 45.

¹⁴ Литаврин Г.Г. Формирование и развитие Болгарского раннефеодального государства (конец VII — начало XI в.)// Литаврин Г.Г. Византия и славяне. СПб., 2001. С. 240.

¹⁵ Писахме да се знае. С. 368.

¹⁶ Анна Комнина. Алексиада. СПб., 1996. С. 419 — 425.

внешних источников — павликианского «манихейства» и, возможно, мессалианства¹⁷) была Болгария. Болгары же (преимущественно из низших социальных слоев) составляли основную паству богомилских проповедников. Византия же была цитаделью православия и после крушения Первого Болгарского царства неизбежно превращалась для богомилов в источник опасности.

Неудивительно, что под пером богомилского автора возникла странная с точки зрения реальной истории идея вторичности греческого христианства (и греческого царства) по отношению к болгарскому. Особенно ярко это выражается в легенде о Константине Великом, который в «летописи» становится болгаринном и отождествляется к тому же с Константином Багрянородным, то есть переносится в X в., на время после крещения Болгарии. Первое Болгарское царство отнюдь не было благожелательно к богомилам, но это обстоятельство забылось. Теперь вера первокрестителя царя Бориса оказывается первичной по отношению к вере Константина, и как следствие вера болгар (подспудно уравниваемая с богомилством) — первичной по отношению к «греческому» православию.

Более того, связи болгар с Богом возводятся напрямую к ветхозаветным временам, а об их язычестве в древнюю эпоху автор вспоминает, будто спохватываясь, как бы между прочим — хотя и двукратно. Болгар приводит в их обетованную землю пророк Исаия (особый смысл в этой связи получают обращенные к нему слова: «По тебе другого пророка не будет»¹⁸). Внешний источник крещения при Борисе остается в совершенном тумане. Само присоединение Болгарии к Византии рисуется лишь как перенос столицы отныне единого государства. Вывод для болгарской аудитории труда (при доверии ему) мог быть только один — греки отступили от истинной, первоначальной веры, которую хранят болгары-богомилы.

Итак, тенденция памятника была не «анти-» и не «провизантийской». Как представляется, она была не столько политической, сколько религиозной — пробогомилской и антиправославной. При этом, конечно, справедливо, что она могла работать объективно на то или иное политическое движение — например, на борьбу за отделение Болгарии от Империи. Хотя более вероятно, что памятник вдохновлял бы тех, кто стремился по примеру царя Симеона объединить все Балканы (включая Византию) под властью нового болгарского царства.

Все это, однако, не до конца отвечает на вопрос — кем и зачем могло быть создано подобное сочинение. О его весьма своеобразном обращении с историческими фактами (в том числе сравнительно недавними) уже говорилось. Мог ли сам автор, неплохо ориентированный в библейских образах, грамотный и, скорее всего, знавший греческий язык — верить в то, что писал? Мог ли он полагать историческим фактом тождество жившего лишь немногим более сотни лет назад Константина Багрянородного с Константином Великим? Мог ли он верить в фантастические сроки жизни сравнительно недавних болгарских царей? Мог ли считать достоверной свою схему истории «греко-болгарского» государства? Известность ему основных фактов византийской истории указывает на хотя бы поверхностное знакомство с историографией — так могло ли быть неумышленным полное игнорирование ее хронологии и самой канвы реальных событий?

Ответ на все эти вопросы, с очевидностью, отрицательный. О «домыслах» и «интерпретациях» известных реальных фактов не может идти и речи. Мы имеем дело

---

¹⁷ Ангелов Д. Влияния на чужди ереси върху богомилството.// Известия на семинарете при историко-филологическия факултет на университет св. Климент Охридски в София. Кн. 1. София, 1942; Липшиц Е. Павликианское движение в Византии в VIII и первой половине IX в. — Византийский временник. Вып. 5. М., 1962.

¹⁸ Иванов Й. Богомилски книги и легенди. С. 281.

со сравнительно редким в средневековой литературе явлением — сознательным и тенденциозным идеологическим (в данном случае религиозным) вымыслом. Автор «летописи» сознательно измышлял и искажал исторические факты, создавая картину, совершенно фантастическую для любого знакомого хотя бы с основными вехами действительной истории.

Но очевидно, автор рассчитывал на доверие аудитории. Тогда какой должна была быть эта аудитория? Очевидно, необразованной или малообразованной, практически полностью оторванной как от византийской, так и от старославянской культуры. Это, видимо, соответствует уровню тех болгарских и валашских крестьян гор Гемского хребта, среди которых и вели преимущественно проповедь богомилы. Но могла ли эта аудитория прочесть и понять «летопись»? Опять же вряд ли. Поэтому не исключено, что перенасыщенный фольклорными мотивами памятник создавался как памятка проповеднику или для чтения вслух.

Однако характер «летописи» как памятника сектантской религиозно-политической пропаганды не нивелирует полностью, вопреки Й. Иванову, ее значения как исторического источника. И в данном случае речь идет отнюдь не только о роли историко-культурного и историко-религиозного источника. Она как раз сомнению в любом случае не подлежит. Но нельзя полностью сбрасывать со счетов и возможность использования памятника для реконструкции конкретной истории. И историко-культурное его значение не ограничивается сферой изучения культуры болгарских еретиков XI — XII вв.

Чтобы придать достоверность оригинальной исторической картине, резко расходящейся с официальной, богомилский «летописец» с неизбежностью должен был опираться на господствующие в пропагандируемой аудитории представления. В данном случае кладзем таких исторических представлений являлись, несомненно, народные предания, в основном топонимического характера, на которые автор «Сказания», по сути, прямо ссылается. Использование более или менее широко известной в простом народе устной традиции верифицировало в глазах читателей и слушателей домыслы, вымыслы и умолчания предлагавшегося им агитационного текста, способствовало его лучшей усвояемости.

Будучи по происхождению болгарин (в чем, кажется, ни один исследователь не усомнился), автор апокрифа, конечно, сам являлся носителем этой традиции. Отсутствие же всяких следов соответствующего уровня познаний и в традиции литературно-аристократической, в родословно-исторической легенде и конкретной истории болгарских ханов и царей (отраженной ранее всего в «Именнике болгарских князей»), скорее всего, указывает на демократическое происхождение богомилского писателя. Такой автор, изначально близкий народной среде, надо думать, представлял ее запросы и уровень исторических познаний. То, что памятник не только был известен Паисию Хилендарскому, но и сохранился в сербском списке, — то есть вышел вместе с богомилскими проповедниками за пределы Болгарии — свидетельствует, вероятно, о его известной успешности в свое время.

Текст «Сказания Исаие пророка» далее приводится по единственному ее списку, согласно изданию Й. Иванова. Опускается начало текста, восходящее к греческому апокрифу и не имеющее никакого отношения к болгарской истории.

«И посемиъ услышахъ глас другое ко мне глаголюща: «Исаие, възлюблени мои пророче, иди на западъ одъ вышнихъ страни Рима, отлучи третию часть отъ кумани, рекоми блгаре, и насели землю Карвунскую, еже опустиша римляне и елини». Тогда же азъ, братие, Божиемъ повелениемъ приидохъ на левои стране Рима, и оделих третию часть отъ кумани, и поведохъ ихъ путемъ, тръстию показуе, и доведохъ ихъ до реце, еже глаголетъ се Затиуса и къ другои реце глаголеме

Ереуса. И тогда бысть има 3 реки великие. И насадихъ землю Карвунску, реченоми Българска, беше бо опустела от елинъ за 130 летъ».¹⁹

Географические реалии в этом отрывке довольно запутанны. Особенно странна локализация первоначального места обитания болгар («на западь одъ вышнихъ страни Рима», «на левой стране Рима»), тем более что автор отождествляет их с куманами-половцами. «Карвунская страна», вне сомнения, — Добруджа. Смысл названий рек (явно «книжных» по происхождению) туманен.²⁰

Фрагмент играет роль связующего звена между «апокалиптической» и «исторической» частями сочинения. Соответственно, он сочетает в себе ярко выраженный «книжный» элемент и сведения, с очевидностью почерпнутые из народных преданий. Смысл целиком вымышленного именно в этом сочинении сюжета о приводе болгар в Добруджу пророком Исаией ясен — представить Болгарию обетованной, богоданной болгарам земель. Их заселение в нее предстает не как завоевание или дарование земными царями (скажем, византийскими), но как непосредственно божественный дар. Это существенная составная часть прослеживаемой концепции богомилства как истинной болгарской веры.

Теоретически можно допустить (как это иногда и делается), что рассказ об Исаие заменял собой более древнее, подлинное предание о даровании славянам земель Добруджи византийскими властями. Связать этот факт можно было бы с угрозой со стороны Аварского каганата.²¹ С другой стороны, описание переселения носит мифологический характер, действия Исаии описываются по стереотипу. Кажется, что мотив организованного перехода во главе с пророком введен в переселенческую легенду искусственно.

Кроме же того — нет уверенности, что «летописец» имел в виду именно переселение славян на Балканы в начале VII в., а не приход собственно болгар около 680 г. Самое большее, можно утверждать, что оба эти события в его сознании (а может, в его времена и в исторической памяти народа) неразрывно слились воедино. Причем ядром слияния стал как раз сюжет о приходе кочевых болгар.

Из «Апокрифической летописи», и данного ее места в частности, вообще невозможно сделать вывод о славянском происхождении болгар. Термин «словене» не употребляется ни разу, а болгары прямо отождествлены с «куманами». Термин был довольно растяжим, но у читателей и слушателей XI в. ассоциировался, несомненно, в первую очередь с кочевниками европейских степей. Младший (?) современник автора «Апокрифической летописи», создатель русской «Повести временных лет», писал, что болгары пришли «от скуф, рекше от козар». Впрочем, это может быть отражение известий византийских авторов (Феофана, Никифора и др.) об изгнании болгар хазарами из «Сарматии».²² На возможность подобного смещения указывает и восходящее отчасти к Феофану известие Льва Диакона (X в.) об отделении болгар «от северных котрагов, хазаров и хунавов».²³

В «Апокрифической летописи» мы впервые, кажется, в славянской традиции встречаемся с обобщенным употреблением этнонима половцев — «куманы». К началу XII в. такое обобщенное употребление закрепилось в византийской и отчасти славян-

¹⁹ Иванов Й. Богомилски книги и легенди. С. 281 — 282

²⁰ Иречекъ К. Християнският елемент в топографическата наменклатура на балканската земи. С. 261 — 263; Иванов Й. Богомилски книги и легенди. С. 281 — 282.

²¹ Литаврин Г.Г. Формирование и развитие Болгарского раннефеодального государства. С. 239 — 240.

²² Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. М., 1980. С. 36 — 37/60 — 61, 153 — 154/161 — 162.

²³ Лев Диакон. История. М., 1988. С. 56.

ской традиции и, как будет видно далее, пережиточно держалось еще в XIV в., когда сами куманы как особый этнос прекратили существование. Определение «куманы» понадобилось автору апокрифа еще и потому, что по его схеме болгары назвались своим нынешним именем лишь во времена Аспаруха (Испора). Однако здесь он не избежал противоречия — в обращенном к Исаяе глаголе утверждается, что куманы, которых он поведет в Добруджу, уже называются болгарами. Это противоречие было, видимо, результатом несколько скороспелого слияния разных устных традиций, которые, к тому же, следовало нанизать на сюжет апокрифического «апокалипсиса».

Для того, чтобы вычленив в этом новом единстве элементы, восходящие к подлинному преданию, и продемонстрировать контекст, в котором работали все вообще болгарские средневековые историки, необходимо обратиться к византийской историографии. Византийские свидетельства о приходе болгар на Балканы (в том числе известия переведенных на славянский хроник Георгия Амартола, Симеона Логофета, позднее Георгия Кедрина и Иоанна Зонары) восходили, в конечном счете, к «Хронографии» Феофана начала IX в. Ее пространный рассказ — основной наш источник об этих событиях. Его в малой степени дополняет, а главное — верифицирует «Бревиарий» Никифора (VIII в.), восходящий, по выводу современной науки, к общему с трудом Феофана источнику. Единственную альтернативу версии Феофана — Никифора в писаной литературе (не считая неизвестного в Европе свидетельства «Армянской географии») представляла короткая запись в «Именнике болгарских ханов»: «5 князь дрѣжаше княжение об ону страну Дуная лет 500 и 15 остриженами главами. И потом приде на страну Дуная Исперих князь тожде и доселе».²⁴ Очевидно, что ни текстуальных, ни сюжетных параллелей к «Именнику» «Апокрифическая летопись» не дает.

Но не дает она параллелей и к версии византийской историографии. Для того, чтобы убедиться в этом, а также лучше представить преломление исторических фактов в фольклорной и далее раннекнижной славянской традиции, имеет смысл привести известие Феофана о приходе болгар за Дунай (с некоторыми сокращениями). Текст приводится в переводе И.С. Чичурова (ср. также перевод Г.Г. Литаврина в «Своде древнейших письменных известий о славянах»²⁵).

«В этом году [679/680] народ болгар напал на Фракию. Но следует рассказать о древности унногундугов, болгар и котрагов... [следует географическое описание «Великой Булгарии» у Меотиды] Во времена Константина Западного умер властитель упомянутой Булгарии и котрагов Кроват. Он оставил пять сыновей, завещав им ни в коем случае не отделяться друг от друга и жить вместе, так, чтобы они властвовали надо всем и не попадали в рабство к другому народу. Но спустя недолгое время после его смерти разделились пять его сыновей и удалились друг от друга каждый с подвластным ему народом. Первый же сын, по имени Батбаян, храня завет отца своего, оставался на земле предков донныне. А второй его брат, по имени Котраг, перейдя реку Танаис, поселился напротив первого брата. Четвертый же и пятый, переправившись через реку Истр, называемую также Дунай, один — оставался в подчинении вместе со своим войском у хагана аваров в Паннонии Аварской, а другой — достигнув Пентаполя, что у Равенны, попал под власть империи христиан. Наконец, третий из них, по имени Аспарух, переправившись через Днепр и Днестр и дойдя до Огла — реки севернее Дуная, поселился между первым и последним, рассудив, что место это отовсюду укрепленное и неприступное: спереди болотистое, с других же сторон окруженное, как венцом, реками, оно позволяло народу, ослабленному разделом, отдохнуть от нападения врагов. Так вот, после того, как они разделились таким образом на пять частей и стали малочисленны, из глубин Берзилии, первой Сарматии, вышел великий народ ха-

²⁴ Именник на българските ханове. София, 1981. С. 12.

²⁵ Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2. М., 1995. С.274 — 279.

зар и стал господствовать на всей земле по ту сторону вплоть до Понтийского моря; сделав своим данником первого брата, Батбаяна, властителя первой Булгарии, получают с него дань и поныне. Василевс Константин, узнав о том, что неожиданно племя мерзкое и нечистое поселилось за Дунаем на Огле и совершает набеги на прилежащие к Дунаю, разоряет их, то есть земли, которыми теперь владеют они и которыми тогда владели христиане, был очень обеспокоен. Он приказал всем фемам переправляться во Фракию. Снарядив флот, Константин отправился по земле и по морю против них, пытаясь войной изгнать варваров... [Следует описание неудачной кампании Константина против болгар]. Преследуя ромеев до Дуная и переправившись через него, дошли до так называемой Варны, поблизости от Одисса и здешнего материка. Они увидели местность, хорошо укрепленную: сзади — рекой Дунаем, спереди и с боков — ущельями и Понтийским морем. Покорив из живущих там племен славингов так называемые семь родов, северов булгары расселили от начала ущелья Берегава до восточных областей, а на юге и на западе до Аварии — остальные семь родов, которые платили им дань. Распространившись здесь, они возгордились, начали нападать на крепости и поселения, находящиеся под властью ромейского государства и захватывать их... [Константин заключает мир с болгарями].²⁶

Независимость «Апокрифической летописи» от «Хронографии» и ее последователей — греческих и славянских — совершенно очевидна. Богомильский «летописец» или не знал византийских повествований о переселении болгар, или (что не менее вероятно) не собирался уделять им внимания.

Тем интереснее отдельные схождения между «летописью» и сочинением Феофана. Они явно свидетельствуют об использовании устной традиции и о достоверности этой традиции в своей основе. Прежде всего, это припоминание о кочевом («куманском») происхождении болгар. Столь же достоверным оказывается и припоминание о разделении народа. Правда, пятая часть бывшего народа заменяется «третьей», очевидно, вследствие сакральности числа «три». Может быть, воспоминаниям о разделении способствовали еще в XI в. доходившие до Балкан сведения о Волжской «Булгарии» — важном экономическом «узле» Восточной Европы.

Наконец, трудно не соотнести со сведениями Феофана об «Огле» (Никифор определенно называет «Огл» местностью, а не рекой²⁷) известие «летописи» о расселении между реками — правда, богомильский автор говорит о Добрудже, «Карвунии», то есть помещает болгар уже к югу от Дуная. Примирить сохраняемое (и искаженное — ср. книжные названия рек) им предание с известием Феофана могут лишь высказывавшиеся предположения о размещении Огла в дельте Дуная.²⁸ Это мнение подтверждает, кажется, и «Армянская география», рассказывающая о завоевании острова «Певки» (дунайской дельты), борьбе с аварами и ромеями.²⁹

Но гораздо больше отличий между историческими фактами, как излагают их Феофан, Никифор, «Армянская география» и болгарский «Именник» — и сведениями «Летописи». Первое, что бросается в глаза, — отсутствие самого имени Аспаруха. Это неудивительно — по исторической схеме летописи, «царь Испор» правил позднее. Его появление здесь, несомненно, повредило бы картине богоданности Болгарии, в рамках которой предводителем переселения, своеобразным болгарским «Моисеем» уже оказался библейский пророк. Далее увидим, каким образом «летописец» использовал и ин-

²⁶ Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. С.36 — 38 (текст), 60 — 62 (перевод).

²⁷ Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. С. 153/162.

²⁸ Златарски В. История на българската държава през средните векове. София, 1970. Т. 1. Ч. 1. С. 184 — 185.

²⁹ Еремян С.Т. Армения по «Ашхарацуйцу» («Армянской географии» VII в.). Ереван, 1963. С. 97 — 101.

терпретировал предания об Аспарухе, как встроил их в рамки, задаваемые своим концептом.

Тот же концепт, несомненно, изгнал за пределы текста существовавшие еще, возможно (ср. упоминания о «измаильтянских», «восточных» войнах далее), сюжеты о борьбе с хазарами. Переселение предстает как дело совершенно добровольное, болгары ничем не подталкиваются и притом не противятся вышней воле. Вообще, сами «куманы» предстают в тексте «летописи» как начало сугубо пассивное — их «ведут», ими «насаждают», но сами они остаются бездейственными и бессловесными (в разительный контраст с библейским «народом»). «Летописец», возможно, намеренно создавал картину подобной добродетельной покорности — не осознав, какую иронию привносят в нее следующие вскоре же вынужденные воспоминания о язычестве предков.

Самое же разительное отличие, вне сомнения, — отсутствие всякого упоминания о военных действиях при занятии страны. «Летописец» исходит из того, что к моменту прихода Исаяи с болгарами страну уже «опустиша римляне и елини». Стойкие в Болгарии предания о войнах с «греками» он проигнорировать не мог, но сдвинул их на потом. Возможно, в этих же целях он использует архаичные термины «римляне» и «елини». Тем самым он создает ощущение, что будущая Болгария была оставлена обитателями еще в античную эпоху, до современного ему «Греческого царства». Срок запустения определяется в 130 лет. Любопытно, что как раз столько лет прошло к моменту возникновения ханства во Фракии (680 г.) с первого крупного славянского нашествия на эти земли (550 — 551 гг.).³⁰ Но это, вероятнее всего, случайное совпадение.

Таким образом, — при очевидной независимости от византийских источников — практически все расхождения с ними болгарского автора в данном отрывке объясняются его субъективной концепцией, а не «огрехами» лежащей в основе его труда устной традиции. С другой стороны, последнее и самое существенное расхождение может отчасти и восходить к устным преданиям, и иметь рациональное зерно. Следует учитывать, что земли Фракии и особенно Скифии (Добруджи) были основательно разорены к моменту прихода болгар, и славянское население уже замещало здесь греко-латинское.³¹ Несомненно, в болгарском самосознании немалое место — особенно после уничтожения ромеями Первого Царства — должно было занимать представление о незаконности византийских претензий на Фракию, о ее «запустении», заброшенности к моменту прихода Аспаруха. Это представление подспудно и, скорее всего, сознательно, поддерживает и богомилский «летописец».

«И насадихъ ею съ множество люди отъ Дунаеви до море, и поставихъ имъ цара отъ нихъ, ему же бе име Славъ царь. И ть убо царь насели хору и градове. Неколико же людие ти быше погани. И тьи бо царь створи 100 могилъ въ земли Блгарьстеи; тогда нарекоша име ему 100-могълъ царь. И в та лета избылиа бысть отъ всего. И быше 100 могилъ в царство его. И тьи же бысть првии царь в земли блгарьскои, и царствова лет 100 и 14 и сконча се».³²

Здесь «апокалиптическая» часть окончательно завершается, и пророк Исаяя, «поставив» над «куманами» «царя», закономерно исчезает из их истории. Ясно, что представление всех древних правителей Болгарии «царями» — существенная часть концепции «летописца» (в «Именнике», например, они «князья»). С другой стороны, это могло быть и элементом фольклора, где официальная титулатура легко забывалась, а память о собственном Царстве сохранялась.

Относительно имени «царя» Слава в болгарской историографии выдвигались

³⁰ Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1. М., 1991. С. 190 — 201.

³¹ Федоров Г.Б., Полевой Л.Л. Археология Румынии. М., 1973. С. 220 след.; Седов В.В. Славяне в раннее средневековье. М., 1995. С. 157 — 162.

³² Иванов И. Богомилски книги и легенди. С. 282.

две концепции. Согласно одной, имя связано с этнонимом «славяне», согласно второй — со словом «слава».³³ Славянское происхождение имени едва ли можно поставить под сомнение, что побуждает исследователей при любом решении связывать время «правления» Слава с «доболгарским» периодом истории славянской Фракии.³⁴

Теория, связывающая имя «Слав» с этнонимом, абсолютно исключает и фольклорное происхождение, и какую бы то ни было достоверность сюжета. В церковнославянских литературах известна лишь одна форма общеславянского самоназвания — «словене». Староболгарская литература исключением не была. Форма же «Слав» должна исходить из греко-латинской формы этнонима. Соответственно, и образ первого «царя» оказывается всецело искусственным и книжным. Но мог ли сюжет, четко увязываемый с местным топонимическим преданием, быть выдумкой «летописца», к тому же с использованием чуждых славяноязычной среде этнонимических ассоциаций? Едва ли; такой вымысел представляется немотивированным. Более вероятно, что в основе имени легендарного «царя» лежит славянский антропоним, производный от слова «слава».

В Болгарии личное имя «Слав» известно в среде высшей аристократии еще в XIII в.³⁵ Видимо, это был усеченный вариант славянского двусоставного «княжеского» имени типа «Славомир». В период Болгарского ханства подобное имя зафиксировано у полусамостоятельного правителя «славинии» (греческое название славянских племенных «княжений») северов. В связи с описанием болгаро-византийского мира 767 г. Никифор сообщает в «Бревиарии»: «Василевс же, тайно отправив посланцев в Булгарию, схватил архонта северов Славуна, сотворившего Фракии много зла».³⁶

Гораздо позднее «Апокрифической летописи», в конце XIII в., в труде латиноязычного польского историка Богухвала появляется еще один «Слав», на этот раз явный эпоним славян.³⁷ Однако сам текст Богухвала дает все основания думать, что это имя — искусственное образование хрониста на основе латинских форм славянского этнонима, с одной стороны, и распространенных и в Польше имен на «-слав» — с другой. Таким образом, с соименным болгарским персонажем этнонимический герой польской хроники никак не связан.

Слав «Апокрифической летописи» — явно персонаж топонимического предания, связанного с реальной местностью «Сто Могил» на северной периферии древнего Болгарского ханства.³⁸ Очевидно, что предание (как и большинство преданий такого рода) не несло в себе никаких внутренних хронологических указаний. Не было в фольклоре, конечно, и имени библейского Исаяи как «поставившего» Слава на царство. «Летописец» мог хронологически расположить Слава перед болгарскими ханами, князьями и царями именно потому, что Слав, герой локального предания, выпадал из их последовательности и казался изолированным. Таким образом, однозначно видеть здесь отражение реалий доаспаруховой, «славянской» Скифии или Фракии, видимо, рискованно.

³³ Писахме да се знае. С. 368; Родник златорструйный. С. 479.

³⁴ Бешевлиев В. Началото на българската държава според апокрифен летопис от XI в. С. 39 — 40; Литаврин Г.Г. Формирование и развитие Болгарского раннефеодального государства. С. 240.

³⁵ Георгий Акрополит. Летопись великого логофета.// Иоанн Киннам. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. Георгий Акрополит. Летопись великого логофета. Рязань, 2004. С. 295; Henri de Valenciennes. Histoire de l'empereur Henri de Constantinople. Paris, 1948. С. 555 — 556.

³⁶ Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2. С. 284/285.

³⁷ Великая хроника о Польше, Руси и их соседях. М., 1987. С. 52.

³⁸ Иванов Й. Богомилски книги и легенди. С. 282.

Интересно, что как раз на северо-востоке Болгарии были поселены Аспарухом северы. Таким образом, историческим прототипом Слава, в принципе, мог быть и тот же известный нам Славун. Учитывая же традицию «родовых» имен у славян, нельзя исключить за известным нам «архонтом» северов и после него длинный ряд князей со схожими именами.

На примере Слава довольно рельефно вырисовывается характер дошедшей до «летописца» устной традиции — сугубо народной, внимательной более к топонимическим, чем к хронологическим и генеалогическим данным. Ни о предках, ни о потомках Слава ничего не сообщается. С другой стороны, становится очевидной вольность интерпретаций древних преданий богомилским автором, который «сшивал» их условно и притом безапелляционно, выстраивая в итоге совершенно фантастическое хронологическое и генеалогическое единство.

Яркой чертой этого нового, отсутствовавшего в исходном материале единства является абсурдная в контексте и тогдашней исторической науки, и наших сегодняшних знаний хронология. «Летописец» искусственно завышает даже не сроки жизни, а сроки правления и легендарных, и вполне исторических персонажей. Можно было бы допустить, что в некоторых случаях мифические сроки правления давала сама устная традиция. Но едва ли они могли содержаться во всех до единого разрозненных, привязанных к местностям преданиях, зафиксированных «летописцем». Однако именно эта черта сообщает апокрифу черты «летописи». Одновременно она уподобляет его родословному преданию, не столько утраченному фольклорному, сколько ветхозаветному, — а следовательно, парадоксальным образом сообщает ему некую «достоверность» в глазах аудитории. Метод этот применялся в апокрифической литературе еще с рубежа нашей эры («Книга Юбилеев» и др.).

Время правления «Слава» рисуется как «золотой век». Впрочем, это относится ко всем первым «царям». Некоторые положительные черты, возможно, приписаны Славу самим «летописцем» просто как основателю государства. Лишь одна черта сбивает в целом положительный акцент — первое упоминание о «поганстве». Очевидно, языческий характер Славовых «100 могил» был настолько очевиден аудитории «летописца», что тот не мог его проигнорировать. Однако упоминание о «поганстве» вводится настолько мимоходом, что остается во многом невразумительным. Кажется, «летописец» хотел сказать, что при Славе среди жителей будущей Болгарии только стали появляться «поганые».

«И ту по немь обрете се инь царь въ земли бльгарстеи, детищъ в краве ношень 3 лет, еже нарече се име ему Испоръ царь, преемъ царьство Бльгарское. И тои царь създа гради великие: и на Дунав Дрьстеръ градъ онъ созда, и великъ президъ от Дунава до море, онъ созда и Плюска град. И тьи царь множество много измаильтене погуби. И ть царь насели всу землю Карвунскую, и убо беху прежде ефиопи. И роди же Испор едино отроче, и нарече ему Изоть. Царь же Испоръ царьствова на земли блгарьской летъ 172. И по томъ погубише его измаильтене на Дунаеве. И по умрътию же Испора цара бльгарскаго нарекоше кумане бльгаре, а прежде беху Испора цара погани зело, и безбожные суще, и в нечестиа много, и биваху всегда врази гръчьскому царьству на лета много».³⁹

Не вызывает сомнений, что предания о «царе Испоре», то есть основателе Болгарского ханства Аспарухе, были важнейшим элементом болгарской устной исторической традиции. Содержание главки о нем в «Апокрифической летописи» явно указывает на широкое бытование соответствующих преданий. Аспарух (Испор) — единственный исторический правитель Болгарского ханства, фигурирующий в «сказании». В от-

---

³⁹ Иванов Й. Богомилски книги и легенди. С. 282.

личие от Слава и даже от крестителя Болгарии Бориса Испор не связывается жестко с какой-то одной местностью либо одним событием. Это даже несколько затемняет жанровую принадлежность используемых «летописцем» преданий и сближает главку об Испоре с родословным эпосом. Однако эта иллюзия пропадает при ближайшем рассмотрении. В основе текста — просто серия локализованных сюжетов (основание Плиски, Доростола, битва «при Дунае»), связанных воедино общими представлениями автора.

Срок «царствования» Испора в 172 года — одно из основных указаний на то, что «летописец» не знал ни «Именника болгарских ханов», ни связанной с ним дружинно-аристократической традиции. В «Именнике» Есперих (Исперих) правит также достаточно долгое, хотя и более реальное время — 60 лет.⁴⁰ Но в «летописи» срок правления, как видим, совершенно другой, без единой совпадающей цифры. Да и имя хана богомилский «летописец» передает в форме, иной, чем в «Именнике», хотя явно восходящей к общему устному источнику, к подлинному болгарскому произношению, которое для нас оказалось искажено греческой транскрипцией Феофана — Никифора.

С первых строк рассказа об Испоре мы вступаем в мир образов славянского фольклора. Царь, как оказывается, был выношен коровой и пребывал в ее чреве три года (типичный сказочно-фольклорный срок). Предание о рождении эпического героя-богатыря коровой, вероятно, — древний славянский мифологический сюжет, связанный с культом коровы или быка. Сюжет хорошо сохранился в восточнославянском фольклоре, в сказках о богатыре-змееборце (Иване Быковиче, Иване Коровьем сыне).⁴¹ В Болгарии, как видим, эта мифо-эпическая черта добавилась к образу основателя государства. В контексте даже апокрифического источника, но порожденного все-таки христианской культурой, она выглядит совершенно чуждой. Думается, прав был Й. Иванов, связывавший предпочтение мифологической версии происхождения основателя династии праведных царей с негативным отношением богомилов к браку.⁴² С той же целью подчеркивается, что у Испора был всего один сын.

Исторические сведения об Аспарухе, по сути, целиком приведены выше. Известия «Апокрифической летописи» ценны тем, что представляют образ первого правителя Балканской Болгарии с точки зрения самих болгар гораздо полнее и ярче, чем сухой «Именник болгарских ханов». Аспарух предстает устройтелем государственности, строителем крупнейших городов — столицы Плиски и Доростола, защитником края от внешних врагов. Основание Плиски Аспарухом — исторический факт, подтверждаемый археологически (притом, что на месте болгарской столицы прежде было славянское селище).⁴³ Доростол же, греческая Силистрия, существовал задолго до прихода болгар. Именно район этой крепости стал центром славянского заселения Фракии уже в VI в. (т. н. попинская археологическая культура).⁴⁴

Безотносительно к исторической достоверности отдельных сообщаемых фактов, ясно, что образ Аспаруха приобрел, особенно после падения Первого Царства и окончательного слияния «тюркского» этнического компонента со славянским, черты общезвестного и общепочитаемого героя-родоначальника. Недаром «летописец» связывает с ним (а не с Исайей или Славом) полное заселение страны, строительство городов, и — совершенно справедливо — появление на Балканах самого имени болгар (правда, почему-то «по умъртию»). Связывает он с Испором и основание правящей династии царства, к которой принадлежали воспеваемые им Борис и Симеон. Это уже представ-

⁴⁰ Именник на българските ханове. С. 12.

⁴¹ Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. Т. 1. М., 1985. С. 216 — 232, 478 — 479.

⁴² Иванов Й. Богомилски книги и легенди. С. 275.

⁴³ Седов В.В. Славяне в раннее средневековье. С. 261.

⁴⁴ Седов В.В. Славяне в раннее средневековье. С. 157, 162.

ляется несправедливым — род Дуло, к которому принадлежал Аспарух, лишился ханского престола еще в VIII в.⁴⁵ Но здесь, скорее всего, действуют законы эпической циклизации вокруг излюбленного персонажа.

Интересен сюжет о войнах Испора с «измаильтянами». Судя по тому, что театр военных действий помещается на Дунае, здесь можно видеть отражение древних столкновений с хазарами. О вражде болгар и хазар, как мы видели, сообщают и греческие авторы. Гибель Аспаруха в бою с хазарами на Дунае принимается современной наукой как факт.⁴⁶ В то же время следует отметить, что ни один другой источник, кроме «Апокрифической летописи», об этом событии не упоминает.

В единственной рукописи текст местами кажется испорченным. Так, трудно истолковать фразу о заселении «земли Карвунской», «и убо беху прежде ефиопи». Почему эфиопов следует считать аборигенами Добруджи? Очень может быть, что «летописец» (а несомненно, что этот книжный термин принадлежит ему) в очередной раз попытался показать необоснованность византийских претензий на Болгарию. Возможно также, что «ефиопи» ассоциировалась у него с «измаильтянами», то есть — здесь — хазарами.

Хронологические указания в последнем предложении настолько запутаны, что прямое понимание его приводит к разительным противоречиям. Если только «прежде» Испора болгары «беху погани зело», то кого крестил его внук Борис? Какой смысл второй раз упоминать о «поганстве» их при предшественнике Испора Славе, да еще с усилением («неколико» — «зело»)? Очевидно, что текст подвергся порче, хотя, не исключено, с самого начала был довольно невразумителен. Речь должна, видимо, идти о том, что болгары стали «зело» поганы «прежде» смерти Испора.

Другой вопрос — почему вообще эта негативная характеристика проникла в пафосное описание правления основателя болгарской государственности. Очевидно, сюжет о победоносной войне с «греческим царством» — основном подвиге Аспаруха в деле по устройению страны — был настолько широко известен в Болгарии, что проигнорировать его «летописец» не смог. В результате на страницах его труда появилось единственное (!) упоминание о войне с Византией. Но, верный принципу внешней лояльности к Империи, автор осуждает за войну своих соплеменников, совершенно справедливо и к месту вспомнив об их язычестве. Любопытно, впрочем, что никакой конкретики, касающейся языческих культов и почти обязательной в исторических и полемических сочинениях, даже «библейзмов», автор не приводит. Не говорится ни об идолопоклонстве, ни о культе природы, ни о жертвоприношениях и оргиастических обрядах. Осуждение «поганства» здесь — набор трафаретов, обозначающих, по сути, одно и то же — само по себе язычество.

«И потомъ намы преемъ царство Българское сынъ Испора цара, ему же име Изоть. И тѣи царь погуби Озиа царя от вѣстокъ съ вой своими, и Голиафа фруга поморскаго. И въ лета же царя блгарскаго быше гради чѣсти зело. И роди же Изоть цар 2 отрочет: единаго же назва Борисъ, а дугаго Симеонъ. Царь же Изоть царствова 100 летъ и 3 мѣсець, и въ град рекомемъ Плюсе и сконча се».⁴⁷

Изот — один из самых «проблемных» с точки зрения историчности персонажей «летописи». Имя его явно «книжное», не болгарское и не славянское. Ни в одном другом источнике этот «царь» не фигурирует. С другой стороны, этот персонаж был весьма нужен «летописцу». Во-первых, он обеспечивал «связку» между основателем мифологизированной династии Испором и его «потомками» — царями Первого Царства. Во-вторых, он позволял сделать Бориса и Симеона братьями (исторический Симеон — сын

⁴⁵ Именник на българските ханове. С. 12.

⁴⁶ Краткая история Болгарии. М., 1987. С. 48.

⁴⁷ Иванов Й. Богомилски книги и легенди. С. 282.

Бориса) и, следовательно, святого Бориса безбрачным. Изот не связывается с какой-либо конкретной местностью, кроме столицы Плиски, где он будто бы скончался. Ни один основанный им город не назван. Ни одна из его битв с врагами не локализована. Странноватый срок правления — «100 лет и 3 месяца» — изобретен явно с расчетом на показную точность.

Столь же книжный характер носят и другие упоминаемые в связи с Изотом имена. «Голиаф», «Озия» — имена библейские. Теоретически последнее мог бы носить хазарин-иудаист, но в списке правителей Хазарии VIII — X вв., после принятия иудаизма, Озия или Осия не отмечен.⁴⁸ Все это не позволяет видеть в рассказе о войнах Изота ни отражение реальных фактов (например, расцвета Болгарии в начале IX в. при хане Круме, воевавшем с франками — такое соотнесение предлагается⁴⁹), ни фольклорный сюжет.

Другое дело, что «летописец» составил описание правления самолично вымышленного «царя» из типических мест фольклора и идеальных характеристик. Поэтому Изот — градостроитель и победитель внешних врагов. Последние наступают на него и с востока, и с запада — образ, достаточно типичный для славянского фольклора и раннеисторической традиции. Несколько неожиданным выглядит определение «фругов» как «поморских» — если отождествлять их с франками IX в. Но во второй половине XI в. европейские провинции Византии подвергались разорительным нашествиям южноитальянских норманнов, приходивших исключительно по морю. Таким образом, и этот мотив указывает не на древнюю традицию, а на собственные времена «летописца».

В целом данные «Апокрифической летописи» фиксируют процесс умирания аристократической, собственно «исторической» устной традиции после падения Первого Болгарского царства. В VIII в., во времена оставления «Именника», эта традиция еще играла роль официальной истории. Выше говорилось о том, что нет следов знакомства «летописца» с нею ни в литературной, ни в устной форме. Естественно связать это обстоятельство с фактом исчезновения старой болгарской аристократии как сколько-нибудь существенного социального слоя после Болгарской войны 968 — 971 гг. и — окончательно — с падением Западноболгарского царства в 1018 г. и последующими репрессиями Василия Болгаробойцы.

Отсутствие четких и автохтонно переданных исторических представлений о Первом Царстве у новой болгаро-влашской аристократии Второго Царства XIII — XIV вв. подтверждается и следующим рассматриваемым памятником — заметками при переводе «Летописи» Манассии. И придворный комментатор Манассии, как и богомилский «летописец», как увидим, должен был пользоваться как единственным местным источником по древнейшей эпохе отрывочными народными преданиями. «Сказание Исая пророка» фиксирует процесс умирания в новых социально-политических реалиях дружинно-аристократических традиций. Фиксирует она и неизбежную в этих условиях конвергенцию преданий «простонародных» с книжной ученостью.

Болгарская «Апокрифическая летопись» ценна (и в каком-то смысле символична) еще одним обстоятельством. Наряду с русским Начальным летописным сводом, созданным также во второй половине XI в., это один из двух древнейших памятников славяноязычной историографии. И по многим признакам это памятники-антиподы. Речь не только о коренной разнице идейно-религиозных посылов (автор Начального свода — православный монах, преклоняющийся перед византийской культурой). Люди явно различного социального статуса (хотя скорее одного «сословия») в диаметрально разных социально-политических условиях создали сочинения, резко расходящиеся содержанием и структурно.

⁴⁸ Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. С. 98.

⁴⁹ Родник златоструйный. С. 479.

Остро (может быть, даже наиболее зримо) это различие проявляется при освещении событий древнейшей истории. Русский летописец писал в условиях существующей государственности. Он располагал более или менее целостным представлением господствующего дружинного слоя об истории и государства, и династии Рюриковичей. Не суть важно, существовало ли целостное родовое предание вроде германоскандинавских «династических саг» — принципиально то, что был некий комплекс традиций, обеспечивавший историческое самосознание правящей элиты. В рамках христианской летописи произошло соединение этих преданий с новой концепцией исторического процесса. Началось также постепенное включение их в контекст истории христианской ойкумены.

Обработка языческих по времени возникновения преданий при этом, вне сомнения, должна была идти по линии их рационализации, удаления дохристианских представлений о сверхъестественном — и соответственно фантастических элементов. В ранних хронологических разделах древнейших русских летописей таких элементов до удивительного мало, в сравнении даже с западноевропейскими хрониками.

Совершенно иначе обстояло дело с болгарским памятником. Болгарская государственность пала, и местное боярство как минимум пришло в сильнейший упадок. Дружинно-аристократическая устная традиция разложилась, и источником для богомильского «летописца» являлись топонимические народные предания. Их «локальность» передалась и его труду. К тому же она помножилась на недостаточную образованность автора и его идейный изоляционизм. В результате болгарская история у него существует совершенно вне контекста реальной мировой, по крайней мере до возникновения мифической, мечтаемой болгаро-греческой державы.

У богомильского автора не было необходимости и желания согласовывать данные подчас весьма архаичных (вспомним историю рождения Испора) преданий ни с мировой историей, ни в целом с православной ученостью. Согласовывал он их только с собственным литературно-историческим вымыслом, который и сообщил разрозненным сюжетам иллюзию целостного повествования. В результате языческие предания перешли в текст почти неизменными, и при всей религиозной ангажированности труда история предстает в нем в гораздо более фантастичном, первобытном — и фольклорно-языческом — виде, чем в русском летописании.

Это проявляется даже в структуре и хронологии сочинения. В русской традиции (насколько мы можем судить по дошедшим памятникам) к концу XI в. торжествует линейная хронология «от сотворения мира» и анналистический способ строения трудов из погодных статей. Это знаменует в известном смысле расставание с архаичным поколенным счетом времени и, помимо этого, позволяет закрепить свою историю в широком пространстве истории ойкумены. Время в «Апокрифической летописи» организуется вроде бы по образцу ветхозаветных исторических книг и византийских «царских хроник». Но в отличие от последних, отсутствуют всякие следы линейной хронологии. В целом «летопись» летописью не является, повторяя метод счета времени «по правлениям», обычный для раннегосударственных обществ и известный в Болгарии по языческому еще «Именнику».

Но здесь проявляется еще одна особенность «летописи», резко отделяющая ее уже от «Именника». Умирание древней традиции вместе с обслуживаемой ею государственностью привело к тому, что «подлинная» (считавшаяся подлинной на официальном уровне) информация о тех же сроках правления была утрачена. «Летописцу» она оставалась неизвестной. Подлинно народные предания хронологии не знают вовсе, разве что обобщенные цифры лет со значением «очень много». Нетрудно понять, что такие мифические «сроки» и дали почву фантазиям «летописца». Даты «Летописи» — фикция, и скорее просчетом их создателя явилась попытка соотнести их с апокрифиче-

ской «реальностью», поместив начало болгарской истории в ветхозаветные времена.

Хронологические изобретения — лишний штрих к общей оценке «летописи». Перед нами не слишком удачный в замысле и исполнении, но весьма ценный для современности памятник славянской историографии, доносящий до нас, в частности, фольклорную традицию болгар XI в. Это едва ли не уникальное свидетельство о характере подлинно народных славянских преданий о ранней истории, не несущее следов ни христианской науки, ни придворной дружинно-аристократической традиции.

«Хроника» Константина Манассии — памятник византийской историографии XII в. Константин Манассия, митрополит Навпактский, по заказу жены брата императора Мануила Комнина, составил в середине XII в. стихотворное повествование о всемирной и византийской истории от сотворения мира до прихода Комнинов к власти в 1081 г. Популярность этому сравнительно небольшому произведению (6733 стиха) обеспечило сочетание компактной формы и высоких литературных достоинств (Константин был плодовитым писателем). Оно широко разошлось в списках, появилась и прозаическая переделка.⁵⁰

Славянский перевод хроники был выполнен в XIV в. в Болгарии при дворе царя Ивана Александра.⁵¹ Хроника приобрела достаточную популярность и в славянской среде, проникла в сербские земли и на Русь. На Руси летопись широко использовалась, в частности при создании хронографических компиляций. Русский извод памятника сохранился в трех списках XVII в., хотя его возникновение датируют уже XVI в.⁵²

Внимание исследователей сразу по выявлении списков славянского перевода привлекали оригинальные, восходящие к болгарскому протографу приписки, не имеющие соответствий в греческом оригинале «Хроники» Манассии. В них естественным образом стали искать отражение собственно болгарской исторической традиции, в том числе восходящей к эпохе Первого Царства.

Первым на приписки обратил внимание русский ученый А. Д. Чертков, издавший и впервые исследовавший приписки древнейшего Синодального списка.⁵³ Приписки второго древнейшего списка, Ватиканского, отмечены выявившим список П. Гудевым.⁵⁴ Хилендарский список (сербский извод памятника), также имеющий приписки, был впервые описан Н. Дучичем.⁵⁵

Этапное значение для исследования памятника в целом, и его приписок в частности, имели две появившиеся в 1922 г. работы. Румынский исследователь И. Богдан осуществил издание славянской «Хроники» по всем доступным ему спискам. В издании приведен как восходящий к оригиналу переводной текст, так и приписки.⁵⁶

Чехословацкий историк М. Вейнгарт, проанализировав в рамках обширной работы о славянских переводах византийских хроник приписки к Манассии, сделал определенный вывод об их происхождении. Как показал Вейнгарт, приписки в основе своей не являются памятником оригинального болгарского летописания, а восходят к друго-

⁵⁰ Бибииков М.В. Византийская историческая проза. М., 1996. С. 98 — 99.

⁵¹ Среднеболгарский перевод хроники Константина Манассии в славянских литературах. София, 1988. С. 72 след.; Источниковедение истории южных и западных славян. С. 222.

⁵² Среднеболгарский перевод. С. 98 — 102; Памятники литературы древней Руси. Конец XV — первая половина XVI в. М., 1984. С. 693 — 694.

⁵³ Чертков А. О переводе Манассиной летописи на словенский язык.// Русский исторический сборник. Т. VI. М., 1843. С. 39 — 152.

⁵⁴ Гудев П. Българският ръкопис във Ватикане.// СЛУНК. VI. 1891. С. 327 — 344.

⁵⁵ Дучић Н. Старине Хиландарски.// Гласник Српског ученог друштва (Београд). 1884, №56. С. 106 — 110.

⁵⁶ Bogdan J. Cronica lui Constantin Manasses, traducere mediobelgara. Bucuresti, 1922.

му переводному памятнику — «Хронике» Иоанна Зонары.⁵⁷ Вейнгарт переиздал отдельно приписки Синодального списка.⁵⁸ С его выводом о происхождении приписок из «Хроники» Зонары согласился и виднейший болгарский исследователь Й. Иванов.⁵⁹

Й. Иванов издал отдельно приписки Хилендарского списка переводной «Хроники».⁶⁰ Авторитет этого издания привел к тому, что именно на нем основывались переводы приписок на современные болгарский⁶¹ и русский⁶² языки (еще один русский перевод⁶³ выполнен «по спискам XIV в.» со ссылкой только на факсимильное издание И. Дуйчевым Ватиканского списка). Однако Хилендарский список не является болгарским памятником. Современные исследования подтвердили первоначальный вывод Н. Дучича о его сербской принадлежности. Сербский извод, представленный одним этим списком, вторичен по отношению к болгарскому.⁶⁴ Впрочем, текстуальная близость приписок во всех изводах несколько снижает значимость этого переводческого недочета.

Крупнейший вклад в исследование «Хроники» в целом и приписок ее в частности внесли исследования И. Дуйчева.⁶⁵ И. Дуйчев, в частности, показал, что приписки несут в себе избыток информации по отношению к «Хронике» Зонары и, следовательно, отчасти восходят все-таки к собственно болгарской исторической традиции. В совокупности эти приписки образуют своеобразный летописчик Первого Болгарского царства, являясь уникальным памятником болгарской средневековой историографии.

Одним из наиболее значительных результатов исследований И. Дуйчева стало фототипическое издание украшенного миниатюрами, «парадного» Ватиканского списка «Хроники».⁶⁶ Во вводной статье И. Дуйчев суммировал свои выводы о происхождении и характере приписок к памятнику (в Ватиканской рукописи приписки иллюстрированы 18 миниатюрами).⁶⁷

В 1988 г. совместными усилиями болгарских и советских исследователей появилось академическое издание памятника по всем семи сохранившимся спискам трех изводов, с подробными сопроводительными статьями.⁶⁸ Памятник подготовлен к изданию И. Дуйчевым, О.В. Твороговым и М.А. Салминой. Приписки изданы отдельным блоком, по трем изводам (издание подготовлено М.А. Салминой).⁶⁹

На сегодняшний день известно три списка болгарского извода переводной Хроники. Два из них близко восходят к оригиналу и созданы при дворе царя Ивана Александра, для которого и был выполнен перевод. Третий датируется XVI в., но не является копией ни одного из них. Приписки по всем трем спискам в сопоставлении приведены М.А. Салминой в издании 1988 г.⁷⁰ Учитывая сложное происхождение приписок из разных, прежде всего иностранных источников, мы приводим только те из них, кото-

⁵⁷ Veingart M. Byzantiske kroniky v literature cirkevneslovanske. Bratislava, 1922. Č. 1. S. 216.

⁵⁸ Veingart M. Byzantiske kroniky. Č. 1. S. 222 — 223.

⁵⁹ Иванов Й. Български старини из Македония. София, 1931. С. 618 — 620.

⁶⁰ Иванов Й. Български старини из Македония. С. 620 — 623.

⁶¹ Писахме да се знае. С. 265 — 267.

⁶² Хрестоматия по истории средних веков. М., 1963. Т. 1. С. 306 — 309.

⁶³ Родник златоструйный. С. 189 — 202.

⁶⁴ Среднеболгарский перевод. С. 95 — 97.

⁶⁵ Дуйчев И. Из старата българска книжнина. Т. 2. София, 1944. С. 366 — 367; Дуйчев И. Одна цитата из Манасиевой хроники в среднеболгарском переводе.// Труды отдела древнерусской литературы. Т. XVI. М., 1960. С. 647 след; Дуйчев И. Миниатюрите на Манасиевата летопис. София, 1964. С. 17 — 26.

⁶⁶ Летописа на Константи Манаси. София, 1963.

⁶⁷ Летописа на Константин Манаси. С. XV след.

⁶⁸ Среднеболгарский перевод.

⁶⁹ Среднеболгарский перевод. С. 226 след.

⁷⁰ Среднеболгарский перевод. С. 226 — 233.

рые имеют отношение к болгарской истории. Опускаются, соответственно, следующие в начале приписки, связанные с библейской (и апокрифической) историей,⁷¹ а также перемежающие приводимый «болгарский» материал краткие пометы по церковной истории (например — «Въ дни сего царя [Льва Иконоборца] отверже ся Римъ къ фругомъ за ради хуль его»⁷²), в основном, впрочем, касающиеся Вселенских соборов. Иностран- ные источники этих приписок как раз совершенно не вызывают сомнений.

Что касается источников автора приписок по истории болгар и Болгарского хан- ства в V — VIII вв. (таких приписок четыре), то использование им в первую очередь текста Зонары здесь вполне очевидно. В отличие от более позднего периода, здесь едва ли может идти речь об использовании каких-либо летописных или памятных записей болгарского происхождения. Как уже говорилось, летописание ханов велось в эпигра- фической форме, на греческом языке. Единственным и частичным исключением явля- ется ханский «Именник» — но им автор приписок не пользовался. Это не значит — не знал «Именника». Напротив, «Именник», сохраненный болгарскими клириками эпохи Второго царства, должен был быть известен придворным грамотеям XIV в. Похоже, автор приписок сознательно уходит от его повторения. Ниже будут приведены допол- нительные аргументы в пользу этого предположения. Как бы то ни было, избыток све- дений по отношению к византийским хронографам у болгарского автора в этой части труда может объясняться либо его домыслами или общеисторическими представления- ми, либо использованием каких-то устных преданий.

Синодальный список болгарского извода хранится в настоящее время в Москве, в Государственном историческом музее.⁷³ Он был привезен в Россию с Афона в 1654 — 1655 гг.⁷⁴ Филигранные списки относятся к 1336 — 1340 гг., но он датирован достоверно — 1345 г. Известно и имя переписчика — поп Филипп, работавший при дворе Ивана Александра.⁷⁵ Уже в XIX в. в России со списка была снята копия,⁷⁶ самостоятельного значения не имеющая.

Ватиканский список получил название по месту хранения.⁷⁷ Список выполнен в 1344 — 1345 гг. монахом Симоном (или Симеоном) для царя Ивана Александра. Эта «парадная» копия перевода сопровождалась красочными, талантливо выполненными миниатюрами, превратившими ее в выдающийся памятник средневекового болгарского искусства, притом в один из наиболее известных памятников. В Италию рукопись по- пала, очевидно, после разгрома Второго Болгарского царства турками-османами.⁷⁸ Именно при папском дворе, как полагает сейчас большинство исследователей, список был снабжен глоссами на латинском языке. Ранее высказывалось мнение о болгарском происхождении латинских приписок.⁷⁹ Мнение это было поставлено под сомнение Б. Филовым⁸⁰ и окончательно опровергнуто в специальном исследовании И. Дуйчевым.⁸¹

Тульчинский список выполнен в Молдавском княжестве в XVI в. По филигра-

⁷¹ Среднеболгарский перевод. С. 226 — 227.

⁷² Среднеболгарский перевод. С. 229.

⁷³ ГИМ, Синод. собр., № 38.

⁷⁴ Белокуров С. Арсений Суханов. Ч. 1. М., 1891. С. 341, 348.

⁷⁵ Среднеболгарский перевод... С. 72 — 77.

⁷⁶ БАН, № 131.

⁷⁷ Cod. Vatic. Slav. № 649.

⁷⁸ Среднеболгарский перевод. С. 71 — 90.

⁷⁹ Отчеты о заседаниях общества любителей древней письменности в 1901 — 1902 гг.// Памят- ники древней письменности и искусства. 148. СПб., 1902. С. 16 — 18.

⁸⁰ Филев Б. Миниатюрите на Манасиевата хроника във Ватиканската библиотека. София, 11927. С. 5 — 6.

⁸¹ Дуйчев И. Латинските надписи във Ватиканския препис на Манасиевата хроника.// Известия Българска археологична института. 8. 1938. С. 369 — 384.

ням его можно датировать 1506 — 1516 гг. В настоящее время он хранится в библиотеке Румынской академии наук.⁸² Таким образом, завуалированный упрек Й. Иванова в адрес И. Богдана в связи с возможной утерей списка,⁸³ отразившийся в ряде позднейших исследований, оказался несправедлив. Очевидна близость Тульчинского списка к Синодальному.⁸⁴ Его самостоятельная ценность (по крайней мере, в части приписок) сравнительно невелика. Большая часть его разночтений, как можно будет видеть, связана с порчей текста.

Детальное исследование списков болгарского извода на предмет их взаимосвязи произведено в связи с изданием 1988 г.⁸⁵ Проблема сравнительно проста. Наличествуют лишь три списка, отношения двух из которых как копий с недавнего оригинала очевидны. Близость Тульчинского списка к Синодальному позволила уточнить взаимосвязь. Между Синодальным и оригиналом стоял еще один список, ставший общим протографом для него и протографа Тульчинского.

Далее приписки приводятся по Синодальному списку, поскольку именно в этом из болгарских списков они сохранились в наибольшей полноте. В Ватиканском списке приписки явно сокращены.

Приписка при царствовании Анастасия (491 — 518):

«При Анастасии цари начяшу блъгаре поемати земя сия, прешедьше в Бъдыне, и прежде начяшу поимати долняу земя Охридську и по том сия земя вься. От исхода же блъгаром донине 870 лет».⁸⁶

В приписке имеются в виду набеги кочевых болгар из Северного Причерноморья и Нижнего Подунавья на Фракию, начавшиеся действительно при Анастасии, в конце 490-х гг. Они достаточно подробно описаны в византийских источниках.⁸⁷

Болгарская приписка в основном восходит к известию Зонары, однако интерпретация сведений греческих авторов о болгарских набегах как начале процесса «поимания» страны принадлежит, конечно, болгарскому автору. Далее, ни в одном византийском источнике в связи с этими событиями не упомянут Бдын (Видин, Бонония).⁸⁸ Город находится гораздо выше по Дунаю, чем традиционное место болгарских переправ ближе к дельте. Однако именно в этом районе, против Олтении, в середине VI в. нередко переправлялись славяне.⁸⁹ Кроме того, город подвергался аварскому нашествию (при несомненном участии включенных в аварскую орду болгар-кутригур).⁹⁰ Возможно, что в начале VII в., при падении дунайского лимеса, район Видина в аваро-славянском пограничье стал одной из основных точек переправы славян, расселявшихся на землях Фракии.

Интересен в этой связи образ болгарского «исхода». В сознании христианизированного народа, и тем более христианских книжников, древнее переселение неизбежно ассоциировалось с библейским сюжетом. Мы видели это уже в «Апокрифической летописи», где в роли Моисея выступил другой библейский персонаж — Исая, «жезлом показующий» «куманам» путь на новую родину. Здесь перед нами другой фрагмент — и иной, более «славянизированный» вариант — того же переселенческого эпоса об

⁸² Библиотека Румынской академии наук. Ms slav. № 649.

⁸³ Иванов Й. Болгарские старини. С. 619.

⁸⁴ Среднеболгарский перевод. С. 90 — 94.

⁸⁵ Среднеболгарский перевод. С. 32 — 43.

⁸⁶ Среднеболгарский перевод. С. 228.

⁸⁷ Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Berlin, 1958. Bd. 1. S. 108; Златарски В. История на българската държава през средните векове. Т. 1. Ч. 1. София, 1970. С. 84 — 88.

⁸⁸ Дуйчев И. Из старата българска книжнина. II. С. 366.

⁸⁹ Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2. М., 1995. С. 59.

⁹⁰ Феофилакт Симокатта. История. М., 1996. С. 20 — 21.

«исходе». Если в «Апокрифической летописи» слияние воспоминаний о приходе славян в конце VI — начале VII в. и приходе болгар около 680 г. можно только угадывать, то здесь это слияние очевидно. В эпоху Второго царства славяне, перешедшие во Фракию в районе Видина, уже воспринимались (в местном ли предании или в общепринятой и общеизвестной традиции) как болгары. Более того, встретив первое упоминание о древних, кочевых болгарях у Зонары, болгарский летописец не усомнился отождествить его с известным ему преданием об «исходе».

Можно еще отметить, что дата «исхода», если считать ее от 1344 г., указывает на правление еще не Анастасия, а его предшественника Зенона.⁹¹ Трудно сказать, просчет это автора приписки или след его знакомства с известиями о более ранних столкновениях с «гуннами». Этот хронологический расчет важен тем, что указывает на создание приписок вместе с переводом, в середине XIV в. Подобные выкладки повторяются и далее, показывая, что приписки не являлись целостным памятником, созданным ранее эпохи Второго царства.

Приписка при царствовании Константина «Брадатаго» (Погонат, 668 — 685).

«При сем Константине цари преидошу бльгаре през Дунавъ и отяшу грком земя сия, в ней же живут и донине, разбивше ихъ. Прежде бо нарицааше ся земе Мисиа. Много же бесчисльни суще, испльнишу и сиу страну Дунаву, и ону до Драча и дале, ибо и власи, и сръбле и прочии вси едино суть».⁹²

Это одна из наиболее ценных и оригинальных приписок, хотя и ее «костяк» восходит к известию Зонары. Интерес представляет, прежде всего, последняя фраза, показывающая границы Болгарии (времен наивысшего расцвета Первого и Второго царств) и говорящая о «единстве» с болгарями влахов, сербов и «прочих всех». И. Дуйчев толковал это сведение в том смысле, что Сербия и владшские земли вошли в состав Болгарского государства.⁹³ В то же время иные источники, говорящие о первых веках истории Сербии, позволяют предложить и иное толкование.

Константин Багрянородный (X в.) сообщал о мирных и союзных отношениях болгар с сербами с момента появления тех и других на Балканах до IX в.⁹⁴ Как показывает сербская «Летопись попа Дуклянина», память об этом древнем союзе долго сохранялась в сербском предании. Нельзя сказать, был ли знаком болгарский переводчик с сербской «Летописью» или иными, неизвестными нам подобными памятниками. Однако он вполне мог быть знаком с устойчивой сербской фольклорной традицией (притом, что мы не вправе исключать существование аналогичной и у самих болгар).

Что касается влахов, то здесь объяснение (в том же ключе) лежит на поверхности. Второе Болгарское царство было в известном смысле продуктом болгаро-владшского симбиоза. В ряде старейших говорящих о нем источников оно само определяется как «Валахия», основавшие же его братья Асени и их соратники в восстании против Византии — как «валахи».⁹⁵ Придворный Ивана Александра мог с легкостью экстраполировать современную ему ситуацию болгаро-владшского сотрудничества в прошлое, даже если устные предания не давали ему таких оснований.

Любопытно, но этот перенос в прошлое единства болгар, влахов и сербов в противовес «грекам» скорее прямо противостоял подлинной и более древней устной традиции дунайских славян. Данная приписка выглядит прямой, хотя, скорее всего, и совершенно невольной полемикой с отражающей эту традицию русской «Повестью вре-

⁹¹ Дуйчев И. Из старата българска книжнина. II. С. 366.

⁹² Среднеболгарский перевод. С. 228.

⁹³ Дуйчев И. Из старата българска книжнина. II. С. 366.

⁹⁴ Константин Багрянородный. Об управлении Империей. М., 1991. С. 142/143.

⁹⁵ См.: Никита Хониат. История. Т. 2. Рязань, 2003; Жоффруа де Виллардуэн. Завоевание Константинополя. М., 1993.

менных лет». Здесь утверждается, что болгары «населницы словеномъ быша»; «угри белии» же (т. е. оногуры-унногундуры, т. е., вероятнее всего, те же болгары) захватили славянские земли, «прогнавши волохы».

В отличие от автора «Апокрифической летописи», летописец времен Второго царства, возникшего в ходе освободительной войны, даже и не пытается замалчивать войны болгар с Византией. Судя по характеру и тональности его выборок из Зонары, эти войны для него — предмет гордости (ср. описание «бесчисленности» болгар, их обширного расселения). По сути, за счет свидетельств византийских авторов о поражениях своей страны в войнах с северными «варварами» двор Второго царства восполнял недостаток собственного дружинного эпоса с типичным для него завоевательным пафосом.

Любопытно, что при всех оригинальных чертах, автор приписок даже не упомянул Аспаруха. Представить, что ему остался вовсе неизвестен этот персонаж, упоминаемый и в болгарских, и в византийских источниках, едва ли возможно. Об «Испоре царе» писал даже создатель «Апокрифической летописи». Впрочем, эта странность обращает наше внимание на другую — автор приписок не упомянул вообще ни одного хана («князя»), названного в «Именнике». Вместе с тем ханы, правившие после обрыва сведений «Именника», в приписках появляются.

Логично, по всей вероятности, сделать следующий вывод — по каким-то причинам приписки рассматривались своим создателем как дополнение еще и к «Именнику». Во всяком случае, он явно старается не повторять его. Возможно, «Именник» был слишком хорошо известен, в то время как место в рукописи было дорого (приписки изначально носили маргинальный характер). Но возможно и иное предположение — «Именник» как памятник официальной болгарской историографии в оригинале выполненного по царскому заказу перевода «всемирной» хроники был сам приложен к нему.

Приписка при царствовании Льва Иконоборца (717 — 741).

«При сем цари Льве кумани нападошу на Цариград и на вся земля, иже и потонушу въ мори, избиени гръкы, а прочяу блъгаре съсекошу вся».⁹⁶

Известие целиком восходит к Зонаре. Только у него вместо «куманов» совершенно справедливо названы арабы, атаковавшие Царьград в начале правления Льва. «Куманы» употреблено, видимо, как обобщенное обозначение «варваров».⁹⁷

Нельзя в этой связи не упомянуть, что Зонара применительно к событиям IX в. называет «куманами» русов, и это определение («роди, нарицаемии руси, иже и кумани») без изменений перешло даже в пользуемую тем же источником русскую Никонскую летопись.⁹⁸ История о потоплении русского флота по заступничеству Богородицы была широко известна в Византии. Она рассматривалась как повторение чуда, совершавшегося над аварами в 626 и над арабами в 718 г. Сходство обстоятельств могло привести к превращению арабов в «куманов» у автора приписок. О крещении Руси в IX в., при Василии I, он, следуя Зонаре, говорит далее.⁹⁹

Причины вставки этого эпизода из византийской истории очевидны — это еще одно свидетельство воинской доблести древних болгар. Здесь, как видим, она проявляется в союзе, а не во вражде с Византией. Таким образом, автор времен Второго царства рисует древнюю Болгарию как государство суверенное, само выбирающее врагов и союзников. Помимо этого, он напоминает, что Византия кое-чем обязана болгарам — нелишнее напоминание в общем контексте приписок, завершающихся описанием деяний Василия Болгаробойцы. Стоит отметить, что вновь не упомянут правитель Болга-

⁹⁶ Среднеболгарский перевод. С. 228 — 229.

⁹⁷ Писахме да се знае. С. 365.

⁹⁸ Полное собрание русских летописей. Т. 8. М., 2000. С. 13.

⁹⁹ Среднеболгарский перевод. С. 230.

рии, известный и «Именнику», и византийским хроникам — Тервель, наследник Аспаруха.¹⁰⁰

Приписка при царствовании Льва, сына Константина (Лев Хазар, 775 — 780).

«При сем Льве бысть князь блъгаромъ Кардам».¹⁰¹

Упоминание Кардама довольно загадочно — хотя бы потому, что с ним не связывается никаких событий. Одно это исключает использование летописцем каких-либо преданий, тем более что они не могли бы дать ему информации о синхронизации Кардама именно с этим императором.

По мнению некоторых болгарских исследователей,¹⁰² упоминание Кардама в приписках имеет самостоятельное источниковое значение и позволяет уточнить время его правления (в византийских источниках имя хана появляется позднее). К этому тезису, очевидно, следует подходить с большой осторожностью. Кардам не фигурирует ни в одной сохранившейся болгарской надписи.¹⁰³ Следовательно, гипотетические летописцы Первого царства второй половины IX в. или последующего времени едва ли могли располагать точными данными о его правлении. «Именник» не доводит повествования до него, хотя обрывается незадолго (768 г.)¹⁰⁴ Правление Кардама нельзя поставить в один ряд по значимости с правлением таких ханов, как Аспарух или Тервель — а они не упомянуты в приписках.

Только одно объединяет Кардама с последующими, названными в приписках правителями Болгарии и отличает его от предшествующих, неназванных (кроме его непосредственного предшественника Телерига, чье правление кончилось бегством в Византию и при котором, вероятно, и был создан «Именник») — упоминание в византийских источниках и неупоминание в «Именнике».

По сути, с этого момента приписки становятся продолжением «Именника», с тем отличием, что при имени правителя он лишь синхронизируется с византийским императором, зато сообщаются и важнейшие его деяния. При этом деяния самого Кардама в глазах летописца Второго царства, видимо, показались не слишком значительными. Но его именем он отметил рубеж, с которого ему необходимо было вносить в свой труд имена болгарских правителей. Что касается хронологического несовпадения, то оно, в конечном счете, могло оказаться следствием небрежности или просчета автора, и потому едва ли должно служить почвой для исторических построений. Насколько мы можем судить, иными источниками, кроме византийских, о Кардаме автор XIV в. пользоваться не мог.

Приписки к хронике Константина Манассии рисуют в основном ту же картину сохранности устной исторической традиции в виде сюжетно разрозненных, в том числе местных (ср. «видинский» сюжет) преданий, что и «Апокрифическая летопись». Впрочем, на интерпретацию этих преданий в приписках накладывает отпечаток идеология возрожденной болгарской государственности. И отсюда, и из самого характера летописных заметок вытекают основные отличия их тональности и сюжетики от «Сказания Исая».

В богомильской «летописи» болгарская история существует вне реального мирового контекста. Сама форма приписок ориентирует на этот контекст, болгарская история как бы добавляется в всемирной. У богомильского автора история разворачивается в вымышленном фольклорно-апокрифическом пространственном и временном измерении. В приписках она жестко привязана к реальной хронологии и изложена рацио-

¹⁰⁰ Именник. С. 12.

¹⁰¹ Среднеболгарский перевод. С. 229.

¹⁰² Писахме да се знае. С. 365.

¹⁰³ См.: Бешевлиев В. Първобългарските надписи. София, 1992.

¹⁰⁴ Именник. С. 12.

нально.

Различным образом, следовательно, происходила интерпретация и циклизация преданий о древнейшем периоде болгарской истории. Богомильский автор нанизывал локальные сюжеты на нить собственного литературного и историко-политического вымысла. Придворный царя Ивана Александра использовал в качестве нитей для болгарских сюжетов (в том числе и устных по происхождению) сразу два византийских хронографа. Переведенная, скорее всего, им же хроника Константина Манассии послужила первоначальной основой труда. Основным же источником для «болгарских» дополнений-приписок стала хроника Зонары, к которой, в свою очередь, добавлялись отдельные оригинальные сведения.

Нельзя, впрочем, также исключить, что помимо хроники Константина Манассии, в качестве продолжения этой первой «нити» выступал собственно болгарский памятник — «Именник болгарских князей». И это в известном смысле укрепляет взгляд на приписки как на «государственническую» интерпретацию истории Болгарского ханства и Первого Болгарского царства. Богомильский «летописец» предал письму картину истории, выведенную из толщи народных преданий, не нуждавшихся в согласовании с известной ученым реальностью. Летописец придворный уже не мог, да едва ли желал поступать подобным образом. Для него ключевым было именно реалистичное, подкрепленное данными самой византийской учености утверждение величия древней Болгарии. Потому столь эпизодично, почти случайно привлечение им древних языческих преданий, о фантастическом мире которых мы можем судить теперь только по «Апокрифической летописи».

Алексеев Сергей Викторович – кандидат исторических наук, доцент Московского гуманитарного университета.

А. Б. КОНОТОП
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ КАК О «НОВОМ ИЗРАИЛЕ»
И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ПАМЯТНИКАХ ЛИТЕРАТУРЫ, ЖИВОПИСИ
И АРХИТЕКТУРЫ XVI В.

Образование единого Русского государства, которое после Ферраро-Флорентийско собора 1437 г. и завоевания Константинополя турками в 1454 г. стало единственным оплотом православия, не могло не сказаться и на развитии общественной мысли. Русские книжники в своих сочинениях пытались показать славный исторический путь, который прошла Русь от момента своего зарождения до начала XVI столетия, когда она провозглашается еще и мессианским государством. Именно в это время появляется известная теория о Московском государстве как о «Третьем Риме», чье предназначение — непоколебимо хранить истинное христианское учение вплоть до второго пришествия Спасителя и Страшного суда над всем человечеством¹. В основе этой теории, сформулированной в 1523 г. в послании старца Филофея псковскому дьяку М.Г. Мисюрю Мунехину, лежит убеждение в существовании некоего «нерушимого» «Ромейского царства», которое, возникнув в Римской империи вместе с приходом в мир Иисуса Христа, затем переместилось в Византию, а после впадения последней в латинскую ересь местом его пребывания становится крепнущее Русское государство².

Однако в середине — второй половине XVI в. представления об особом статусе Московского царства все больше смещаются в сторону отождествления его с древним Израилем, а русского народа с народом Израиля. В литературных сочинениях широкое распространение получает выражение «новый Израиль», которое обнаружено нами также в надписи на иконе «Страшный суд», хранящейся в Национальном музее Швеции в Стокгольме³. Но если идеи о перемещающемся царстве (*translatio imperii*) оказались оформленными в цельную теорию «Третьего Рима», то представления о переходе божественного покровительства от одного народа к другому такого оформления у русских интеллектуалов не получили. Между тем, во многих памятниках, как литературных, так изобразительных и архитектурных, эти представления об избранности перед Богом именно русского народа, который унаследовал славу древнего Израиля, нашли свое воплощение.

В данной статье мы предприняли попытку обобщить все эти памятники.

Так как русскими книжниками был выработан специальный термин «новый Израиль», который они использовали для обозначения своей исключительности, то решение поставленной задачи необходимо начать с выяснения его содержания. Известно, что впервые название «Израиль» употреблено в книге Бытия в 32-й главе, где описывается борьба Иакова с Богом (Быт. 32: 28), после которой Бог дает это имя Икову. Затем Бог еще раз называет Иакова Израилем и сообщает ему, что он ставит его родоначальником целого народа, который унаследует землю, завещанную Аврааму и Исааку: «И сказал ему Бог: имя твое Иаков; отныне ты не будешь называться Иаковом, но будет имя тебе: Израиль. И нарек ему имя: Израиль. И сказал ему Бог: Я Бог Всемогущий; плодись и умножайся; народ и множество народов будет от тебя, и цари произойдут из чресл твоих; землю, которую Я дал Аврааму и Исааку, Я дам тебе, и потомству твоему по тебе дам землю сию» (Быт. 35:10-12). В данном случае Израиль употребляется как второе имя Иакова. Далее название «сыны Израилевы» начинает применяться по отношению к

¹ Синицина Н.В. Третий Рим. Истоки эволюции русской средневековой концепции (XV — XVI вв.). М., 1998. С. 326.

² Там же. С. 194.

³ Kjellin H. Ryska ikoner i svensk och norsk ägo. Stockholm, 1956; Abel U. Icons. Katalogue. Stockholm, 2002.

детям Иакова (Быт. 42: 5), а также ко всем его потомкам, т. е. ко всему еврейскому народу. Позже имя Иакова переходит и в название государства — Царства Израильского, а сами евреи становятся «израильтянами». С ними и заключает Бог свои заветы, сначала с Авраамом, а затем с Моисеем, в результате чего они становятся народом избранным и опекаемым Богом.

В христианстве в состав избранного народа включаются все, принявшие учение Христа и заключившие новый завет с Богом через крещение. Со временем идея богоизбранничества овладевает умами правителей и книжников стран, обращенных в христианство, и Древняя Русь также не являлась исключением⁴. По мнению Н. И. Ершова, представление о божественном покровительстве русскому народу завладело умами книжников задолго до Флорентийского собора и падения Византии. Постоянное сопоставление русских князей с ветхозаветными героями, вложение в их уста речей, с которыми те обращались к Богу, позволяло им отстаивать мысль о том, что Русь занимает в путях промысла место древнего «народа Божия»⁵. И как в ветхозаветной истории Бог руководит всеми делами Израиля, так и в истории новой он непосредственно участвует в государственном управлении возлюбленной им русской земли⁶. Д. Роулэнд полагает, что сопоставление русской земли с древним Израилем, а русских князей с ветхозаветными царями можно обнаружить уже в «Слове о законе и благодати» митрополита Иллариона. Эта же мысль присутствует и в житии Дмитрия Донского⁷. Однако в этих памятниках Русь нигде открыто не называется ни Израилем, ни новым Израилем, хотя

---

⁴ На популярность этой идеи в странах средневековой Европы указывает, например, Д. Роулэнд (Rowland Daniel Moscow — *The Third Rome or the New Israel? // Russian revue. Syracuse (N.Y.), 1996. Vol. 55. № 4. P. 596.*

Английские легенды выводили историю христианизации страны непосредственно из истории ветхого и новозаветного Израиля. В некоторых романах о короле Артуре он преподносится как божественный избранник. Желание представить бриттов в качестве избранного народа, по мысли Джеффри Аша, двигало и историком XII в. Джеффри из Монмута, написавшего трактат *Historia regnum Britaniae (The Arthurian Encyclopedia. The Boydell Press, Suffolk, 1988. P. 210)*. См.: Шендерович С. *Георгий Победоносец в русской культуре. М., 2002. С. 49.*

⁵ Ершов Н.И. «Русь — новый Израиль». Теократическая идеология своеземного православия в допетровской письменности. Казань. 1912. С. 35.

⁶ Там же.

⁷ Rowland Daniel Moscow — *The Third Rome...*, Pp. 601-602.

По Иллариону, в мировой истории Бог дважды заключал завет с народом, который и становился избранным его. «Благословен Бог Израилев, Бог христианск, яко посети и сотвори избавление людем своим», — говорит митрополит. Сначала Бог оправдал «племя Авраамле скрижалми и законом», а после «сыном своим вся языки спасе Евангелием и крещением» (БЛДР. Т. 1. С. 26). Следовательно, если сначала избранными были евреи, «племя Авраамле», то с приходом Христа избранным народом становятся все люди, принявшие крещение и ставшие христианами, избавившись от «идольского мрака». Русь, которая сначала была языческой, а затем приобщилась к божественной благодати, также становится народом Божиим: «И тако странни суще, люди Божии нарекохомся, и врази бывше, сынове его прозвахомся» (БЛДР. Т. 1. С. 40).

Илларион не стремится придать русскому народу (или государству) какого-то особого статуса, называя его «людьми божьими». Наоборот, совершив крещение, русские, которые до того «бесовским служеванием гибнути», открыли для себя истину и пополнили число христиан — нового богоизбранного народа.

Схожая мысль содержится и у монаха Иакова в его «Памяти и похвале князю русскому Владимиру». В ней он называет русских «новоизбранными людьми», подчеркивая тем самым, что они узрели свет истины. «И вси людие Руския земля познаша Бога тобою, божественный княже Владимире» и «новоизбранныи людие Руския земля восхвалиша Владыку Христа с Отцом и Святым Духом» (БЛДР. Т. 1. С. 320). Определение «новоизбранный» в данном случае имеет значение нового народа, принятого в лоно христианской церкви.

частое сопоставление русских князей с ветхозаветными героями, которым всегда помогает Бог, а врагов Руси с врагами древнего Израиля и позволяет уловить желание книжников видеть в своем народе новый богоизбранный народ, новый Израиль⁸.

Впервые определение «новый Израиль» появляется у инока Фомы в похвальном слове тверскому князю Борису Александровичу, датированном около 1453 г., и используется оно для указания на *состояние* особого благополучия и процветания, в котором пребывала тверская земля. У Фомы новым Израилем называется не столько народ, сколько конкретное государство — Тверское княжество⁹. Это вполне согласуется с ходом его рассуждений, поскольку он соотносит Бориса Александровича с израильскими царями, о правлении которых рассказывается в книгах Царств. Отсюда Израиль для него это, прежде всего, древнее Израильское царство, находящееся под постоянным патронатом Бога. Это обетованная земля, священный Сион, чьи правители являются ставленниками Бога, исполняющими Его волю и управляющие Его народом. Соответственно новый Израиль — это новое царство во главе с богоутвержденным царем — тверским князем¹⁰. «Воистинну пастырь бе великий князь Борис Александрович, еже пасы и строа новый Израиль Богом спасенный град Тферь»¹¹. Тверь называется также «обетованной» и «Богом обетованной» землей, в которую тянутся люди со всего света: «...и аще бы возможно, то и весь бы мир был Богом в обетованной той земли»¹².

Определив статус Тверского княжества как новой обетованной земли, Фома сравнивает самого князя с древними царями Давидом, Соломоном, а также Моисеем¹³, в связи с которым у него возникает тема Исхода как перехода от нужды и страданий к спокойствию и благополучию.

В результате вырисовывается следующая схема: князь Борис Александрович — «новый Моисей»; тверичи — богоизбранный народ («новый Израиль»); Тверь — царство «нового Израиля»; Исход — переход от нужды и страданий к почти райскому благополучию, характерному более для Сиона небесного, чем для земного¹⁴.

---

⁸ Однако следует быть предельно осторожным, иначе можно приписать авторам те выводы, которых они не делали.

⁹ Только в одном месте Фома использует термин «новый Израиль» в приложении к жителям Твери: «Но днесь бо мнози богомольцы, сынове тверстии в след тебе (Борису Александровичу. — А. К.) текут, обретше тя проводника, и якоже Моисий новыа израиль» (БЛДР. Т. 7. С. 86).

¹⁰ В «Слове» Борис Александрович неоднократно называется «царем», а тверская земля «царством». Такое усиленное внимание к царской терминологии могло быть вызвано повышенным интересом Фомы к книгам Царств, на которые он постоянно ссылается, и которые послужили для него образцом для написания его панегирика тверскому князю. «... и аще ли хочещи повестных книг, то почти Царства. Но зри же и сего — отложено ли есть чести Царства? И аще ли отложено тои писати о прежних царех, но несть ли писано, и которого какова суть деяния и воинства или строения? Но и мы же нынешнего царя, государя великого князя Бориса Александровича не слышим, но и видим и до святого Спаса добре строаща» (БЛДР. Т. 7. С. 100).

¹¹ БЛДР. Т. 7. С. 102.

¹² БЛДР. Т. 7. С. 82.

¹³ Кроме библейских царей упоминаются римские и византийские императоры Тиберий, Лев, Константин.

¹⁴ Здесь необходимо сделать одно замечание. В своем «Слове» Фома, описывая старания своего князя по украшению Твери святыми храмами, рассказывает о том, что он над городскими воротами «храм устроил самому царю Христу... и нарекова же имя храму тому же «Вход в Иерусалим» (БЛДР. Т. 7. С. 94). И далее следует интересное сравнение: «Но тамо бо вход Господу нашему Иисусу Христу в град Иерусалим и от детей еврейских велику почесть приим, но яко царем израилевым звахут его и «осанна в вышних» вопияхут ему... А zde же сквозе той храм вход сотвори в богоспасенный град Тверь...» (Там же). Размещение церкви «Входа в Иерусалим» над воротами, ведущими в город, несомненно должно было, и это ясно дает понять Фома,

В другой раз с определением «новый Израиль» мы встречаемся в послании великому князю Ивану III на Угру ростовского архиепископа Вассиана Рыло. Как и у Фомы, у Вассиана тема нового Израиля тесно связана с темой Исхода, однако он совершенно по-другому расставляет акценты. В отличие от Фомы, который лишь однажды обозначил этим термином народ, Вассиан использует его исключительно для характеристики русского *народа*, «христоименитых людей». Адресуя свое послание выступившему на борьбу с Ахматом Ивану, архиепископ ставил своей главной задачей убедить великого князя не только в необходимости, но и правомерности вооруженной борьбы с давним притеснителем его страны — ордынским ханом. По его словам, Ивану выпала особая миссия — стать избавителем своего народа от тяжелейшего рабства. В обосновании этой мысли Вассиан и проводит сопоставление борьбы с татарами с борьбой еврейского народа против фараона. «Ныне же той же Господь, аще покаемся душевно престати от греха и возставит нам Господь тебе, государя нашего, яко же древле Моисиа и Исуса и иных, свободивших Израиля. Тебе же подасть нам Господь свободителя *новому Израилю* (курсив мой. — А. К.), христоименитым людям, от сего окаанного, хвалящагося на ны, новаго фараона, поганаго Ахмата. Но его велеречие покорит Господь под нозе твои и послет ти способники, аггелы своя и святыя мученики, и смятут их, и погибнут»¹⁵.

Мы видим, что система аналогий у Вассиана имеет следующий вид: «новый Израиль» — новый богоизбранный русский народ; Моисей — Иван III; фараон — Ахмат, Исход — избавление русского народа от ордынского ига¹⁶.

означать перенесение славы града Иерусалима — центра древней обетованной земли, на Тверь, становившейся таким образом «Иерусалимом новым» и центром новой обетованной земли. Не случайным нам кажется и упоминание о царских почестях, которых удостоился Христос от жителей Иерусалима. Здесь вполне отчетливо прослеживается сопоставление «царя Израилева» Христа с царем «нового Израиля» Борисом Александровичем. Эту мысль может подкрепить и цитата из 44 псалма Давида, которую умело использует Фома для прославления князя: «Великий же князь Борис Александрович возлюбил еси правду и возненавидел еси беззаконие. И сего ради помаза тя Бог паче причастник твоих (курсив мой. — А. К.) и прославил тя есть паче всех великих князей русских» (БЛДР. Т. 7. С. 84). (Ср.: «Престол твой Боже в век века: жезл правости, жезл царствия твоего. Сего ради помаза тя боже Бог твой елеем радости, паче причастник твоих» (Пс. 44: 7- 8). Именно этот псалом использовался для воспевания царского достоинства и Бога Сына, воссевшего одесную Бога Отца на престоле славы и получившего жезл правления миром. (Цитату из этого псалма приводит в качестве обоснования божественности Сына Митрополит Макарий в ответе дьяку Ивану Висковатому (Материалы Розыска по делу дьяка И. М. Висковатого // ЧОИДР. 1858. Кн. 2. Отд. 3 С. 26). Фома подчеркивает, что как в Иерусалиме почесть Христу воздавали, устилая под ноги одежды и восклицая «осанна в вышних», так и в Твери, входящие в город люди простирали свои головы перед Иерусалимским храмом и «яко едины усты» восклицали: «Многа лета ти, великий князь Борис Александрович, но якоже таковой вход устроил еси в богоспасаемый град Тферь! Но великое спасение тобою приобретаем» (БЛДР. Т. 7. С. 94). Сопоставления Иерусалим — Тверь и Христос — Борис Александрович здесь совершенно очевидны.

¹⁵ БЛДР. Т. 7. С. 396.

¹⁶ Следует заметить, что в Ветхом завете Моисей и израильский народ не вступают в какое-либо вооруженное столкновение с фараоном. Бог посылает на египтян казни, а затем проводит свой народ через Чермное море, в пучинах которого войско фараона гибнет. У Вассиана же борьба с «новым фараоном» Ахматом понимается исключительно как борьба вооруженная, требующая проявления мужества и самопожертвования. Эта особенность рассуждений Вассиана наделяет дополнительными характеристиками образ Моисея, а точнее «нового Моисея». Если в момент выхода из Египта библейский Моисей не являлся военачальником и у него не было своего войска (не случайно в книжных миниатюрах, иллюстрирующих Исход, Моисей никогда не облачен в воинские доспехи, а Израиль представлен мужчинами, женщинами с детьми, ста-

Определение «новый Израиль» встречается и в Великих Минеях четых митрополита Макария. В Прологе на праздник Собора архангела Михаила (8 ноября) говорится, что «сей же ныне великий Божий преславный архистратиг Михаил и ветхым достойно послуживша, и новым служаща на спасение»¹⁷. Под «новыми людьми» автор Пролога подразумевает русский народ, который занял место древнего избранного народа. Он пишет, что Бог оставил попечение над прогневавшими его евреями «и призва нас от язык веровати и быти *новому Израилю* христотезоименитым и христоумным... и таковаго и божественаго архистратига Михаила... поставе оттоле нам *избранным христианом* великаго предстателя и спаса» (курсив мой — А. К.)¹⁸.

В этом отрывке содержатся идеи, звучавшие уже в послании Вассиана. Но так как отрывок взят из текста, воспевающего деяния архистратига Михаила, то основная мысль, заложенная в нем, состоит именно в том, чтобы показать, что русский народ в качестве нового богоизбранного народа, получает себе в покровители ангельского «чиноначальника» архангела Михаила.

Несмотря на то, что в Никоновской летописи, которая также составлялась при непосредственном участии митрополита Макария, выражение «новый Израиль» не используется ни разу, тема избранного народа, которому помогает Бог, затрагивается в связи с казанским походом Ивана IV. И здесь опять она тесно увязана с темой Исхода. «Збылася древняя благодать. Яко же древле создатель израильский род Моисеом из Египта изведе, тако же и ныне Христос царем нашим православным изведе из работы казанские множество душ христианских», — пишет летописец об освобождении 60 тысяч русских, находившихся в казанском плену, которое произошло в 1551 году¹⁹.

В очередной раз к определению «новый Израиль» прибегают авторы «Степенной книги». В этой книге, излагающей родословие московского великокняжеского рода, термин «новый Израиль» встречается в описании самых разных событий, но всякий раз он связан с темой Исхода. Так, дважды он употребляется в рассказах о взятии Корсуни Владимиром и о крещении Руси. «Яко же древле Моисей изведе Израиля от работы из Египта, взят с собою кости Иосифа прекраснаго, тако и Владимир, идий из Херсоня, хотя извести *новаго Израиля* (курсив мой. — А. К.), державу царствия своего, от работы кумиробесия, тако же взят с собою и многочисудесныя мощи святого... Климента, папы Римскаго»²⁰. «И тако вси изидоша от воды просвещени душею и телом, радующесе и славяще и хваляще Христа Бога, яко спасе их, яко же древле Израиля от работы рукою Моисеовою, тако и ныне *новаго Израиля* (курсив мой. — А. К.), руския люди, рукою Владимировою равноапостольнаго самодержца»²¹.

риками, но не воинами), а после перехода через море все войны Израиля ведет уже Иисус Навин, то «новый Моисей» Иван III мыслится именно как военачальник, совмещающая в себе характеристики и пророка Моисея и Иисуса Навина. Видимо, поэтому следом за Моисеем, как основным прототипом «нового Моисея», Вассиан называет и Иисуса Навина. Отсюда и божественная помощь является в виде активного участия ангелов и мучеников, которые «сметут» всех врагов Его народа.

¹⁷ ВМЧ. Ноябрь. Вып. 7. СПб. 1897. с. 253.

¹⁸ Там же.

¹⁹ ПСРЛ. Т. XIII, с. 170.

Обратим внимание на использованное автором сопоставление: Создатель изводит род израильский, Христос — души христианские. Здесь заметно его стремление подчеркнуть мысль, что если для ветхозаветного Бога Яхве его избранным народом были евреи, то для Христа его народом становятся христиане.

²⁰ ПСРЛ. Т. XXI. С. 103.

²¹ ПСРЛ. Т. XXI. С. 107.

Нетрудно заметить, что семантика термина «новый Израиль» в этих отрывках различна. Если в первом случае им обозначается государство — «держава царствия твоего», то во втором — «русския люди», т. е. народ, его населяющий.

Во втором значении этот термин используется и в описании чудесного избавления Руси от нашествия Тимура, и в рассказе о взятии Казани²².

Еще одно значение выражение «новый Израиль» приобретает в двух отрывках, в которых восхваляется род великого князя Владимира. «Яко же семя Авраамле, и Исаково, и Израилево никто же не может исчезти, тако и семя блаженного Владимира, *новаго Израиля* (курсив мой. — А. К.): по божественному Давиду «зело бо утвердишася владычествия их и паче песка умножася»²³. «Яко же древле возлюбил Бог и благослови и умножил семя праведнаго Авраама, тако и zde в новой благодати в Рустей земли возлюбил Бог и благослови и умножил *новаго Израиля* (курсив мой. — А. К.), семя праведнаго Василия... иже и до ныне вси тщахуся угодная Богу сотворити»²⁴. Здесь ясно видно, что название «новый Израиль» перекликается с названием собственного имени патриарха Иакова²⁵. Следовательно, новым Израилем назван сам Владимир, а его семя — это все русские князья вплоть до Ивана IV. Именно их подвиги, а среди них, по словам автора, были и мудрые правители, и славные военачальники, и мученики, а также те, чьи добрые дела еще «не явлены», и воспеваются на страницах «Степенной книги».

Как мы видим, в «Степенной книге» царского родословия термин «новый Израиль» употребляется: для обозначения Русского государства, для обозначения русского народа и как собственное имя князя Владимира.

Примерно в одно время с работой над «Степенной книгой» появляется и первое послание Андрея Курбского Ивану Грозному, а также ответ царя своему беглому боярину (оба датируемые 1564 годом). В этих документах тема Израиля также находит свое отражение, и хотя оба автора не используют выражение «новый Израиль», а обходятся более простой формой «Израиль», они хорошо понимают, что речь идет о Московском царстве. «Почто, царю, сильных во Израили побил еси и воевод, от бога данных ти на враги твоя, различными смертми расторгл еси...?» — вопрошает Грозного Курбский.²⁶ «А сильных во Израили не побил, и не вем, кто есть сильнейший во Израили, понеже бо Русская земля правится божиим милосердием и пречистые Богородицы милостию, и всех святых молитвами...», — отвечает в своем послании царь²⁷. А дальше он добавляет: «А всего тебя есми не лишивали и от *божия земли* не отогнали, но сам есми себя от своих лишил... не *божия земля* тебя от себе отогнала, но ты себе от *божия земли* отверг и на еи пагубу возстал еси» (курсив мой — А. К.)²⁸.

Очевидно, что под Израилем понимается Русское государство, а русская земля называется «божией землей».

---

²²«Паки сугубляет (Темир Аксак. — А. К.) безбожное свое воинство паки огорчевается на крестьянский род, на новаго Израиля ко своей ему погибели, яко же древний фараон...» (ПСРЛ. Т. XXI. С. 439).

«Милосердый Бог... Израиля же немокренно сквозе море проведе, тако и zde той же Бог подвиже благочестиваго царя Ивана, его же рукою хотя свободити новаго Израиля, христоименитыя люди, от племени татарска...» (ПСРЛ. Т. XXI. С. 644).

²³ ПСРЛ. Т. XXI. С. 134.

²⁴ ПСРЛ. Т. XXI. С. 168.

²⁵ Израилем именовал князя Дмитрия Донского автор «Слова о житии великого князя Дмитрия Ивановича»: «Израиля ли ты възглаголю?» (БЛДР. Т. 6. С. 224).

²⁶ Первое послание Курбского // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским, М., 1993. С. 7.

²⁷ Там же. С. 26.

²⁸ Там же. С. 41.

Выражение «новый Израиль» становится вновь часто употребляемым в сочинениях, описывающих события Смутного времени. В своем «Временнике» в названии первой же его главы дьяк Иван Тимофеев прямо называет Россию новым Израилем, который населяет «божий народ»: «Самодержавная вправду царствия благочестивых, иже царствоваша по благодати *новому Израилю, Велицей России* (курсив мой. — А. К.), при нашем роде, преимся во всех»²⁹. Иван Андреевич Хворостинин называет израильянами русский народ, который, приняв крещение, узрел истинного Бога, стал просвещенным, каким прежде был народ еврейский: «Мы убо воистини нарицаемся израильяне новопросвещенныя... Израиль бо сказуется ум зря Бога; тако и мы верою чистою зрим Бога в Троицы единоначалии и живот и живущее царство бесконечное»³⁰.

В изобразительном искусстве и архитектуре наиболее ранними памятниками, в которых нашла свое отражение идея о русских как избранном народе, «новом Израиле», можно считать иконы «Благословенно воинство небесного царя» (сер. XVI в.), «Церковь воинствующая» (сер. XVI в.), «Страшный суд» из музея в Стокгольме (сер. — вторая пол. XVI в.)³¹, «Страшный суд» из Воскресенского собора в Тутаеве (вторая пол. XVI в.)³², росписи «Золотой палаты» (1547-1553 гг.)³³ и Архангельского собора в Кремле (1564-1565 гг.)³⁴, храм Покрова на Рву (1554 — 1560 г.)³⁵, барельефы Царского места из Успенского собора Кремля (1551 г.)³⁶, а также в миниатюры Лицевого летописного свода (70 — 80 — е гг. XVI в.)³⁷. Однако сведения о строительстве храма «Входа в Иерусалим» над городскими воротами в Твери, содержащиеся в похвальном слове инока Фомы позволяют говорить о том, что уже в середине XV века тверские интеллектуалы искали средства для наиболее ясного выражения идеи об особом статусе их города и всего княжества. И строительство храма, освященного в честь праздника «Вход в Иерусалим», над городскими воротами можно трактовать как результат именно этих поисков.

Написание иконы «Благословенно воинство небесного царя» одни исследователи склонны связывать с победоносным завершением казанской кампании и торжественным въездом Ивана IV в Москву³⁸. Другие же рассматривают ее как одно из тех произведений, созданных в период с 1547 по 1553 гг. и обращенных, прежде всего, к моло-

---

²⁹ РИБ. Т. XIII. С. 269.

³⁰ РИБ. Т. XIII. С. 541.

³¹ Abel U. Icons. P. 73.

³² Икона находится в Воскресенском соборе Тутаева и никогда не публиковалась.

³³ Забелин И.Е. Материалы для истории, археологии и статистики г. Москвы. М. 1884. Ч. 1. Стлб. 1238 — 1255.

³⁴ Самойлова Т.Е. Тема избранного народа в росписи Архангельского собора // Библия в культуре и искусстве. М., 1995.

³⁵ Ильин М.А. Каменная летопись Московской Руси. М., 1966; Баталов А. Л., Успенская Л. С. Собор Покрова на Рву (храм Василия Блаженного), М., 2002.

³⁶ Соколова И.М. Мономахов трон. М., 2001.

³⁷ Амосов А.А. Лицевой летописный свод Ивана Грозного. М., 1998. С. 186.

³⁸ Каргер М.К. К вопросу об изображении Грозного на иконе «Церковь воинствующая» // ОРЯС: Сб. статей в честь А.И. Соболевского. Л., 1926. С. 466 — 469; Grabar A. Les croisades de l'Europe orientale dans l'art // Mélanges offerts à Charls Diehl. Paris, 1931. Vol. 2. P. 173; Антонова В.И., Мнева Н.Е. Каталог древнерусской живописи (ГТГ). М., 1963. Т. 2. С. 128 — 130; Подобедова О.И. Московская школа иконописи при Иване IV. М., 1972. С. 28; Морозов В.В. Икона «Благословенно воинство» как памятник публицистики XVI века // Государственные музеи Московского Кремля: Материалы и исследования. М., 1984. С. 22-24; Кочетков И.А. К истолкованию иконы «Церковь воинствующая» («Благословенно воинство небесного царя») // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 38. С. 202.

дому государю, в которых прославлялись подвиги его предшественников, подражание которым сделало бы его достойным быть избранным в ряды небесного воинства³⁹. В этой грандиозной по своим масштабам композиции изображены вооруженные полки святых воинов, которые облаченный в брони конный архангел Михаил ведет к вратам небесного Иерусалима. По мнению В.М. Сорокатого, образ этого «небесного шествия» мог быть навеян мученическими песнопениями, а также другими литургическими текстами, в которых выражается готовность «избранного народа» предстать перед престолом Божиим⁴⁰. Изображенное на этой иконе восхождение к горному Иерусалиму, служило образцом высшей миссии земного христианского царства, устремленности его к слиянию с царством Небесным⁴¹.

На иконах «Страшный суд» из Стокгольма и Гутаева, как и во многих литературных произведениях, рассмотренных нами выше, тема избранного народа выражена через образ Исхода. Здесь архангел Михаил ведет за собой ратников, во главе которых стоит Моисей⁴². Как следует из надписи на «стокгольмской» иконе, эти воины олицетворяют собой «богоизбранный новый Израиль», который, пройдя через «житийское море», готовится вступить в «горный Иерусалим».

Во фресках Золотой палаты тема избранного народа была одной из главных (если не главной) во всей системе росписи как самой палаты, так и ее сеней. Идеологи, составившие иконографическую программу этой росписи, и художники, украсившие фресками ее стены и своды, стремились подчеркнуть божественное происхождение царской власти, а также постоянное участие Бога в судьбе его народа. Примененный ими прием сопоставления истории древнего Израиля и его царей (в росписи Сеней) с событиями из русской истории (в самой Золотой палате), несомненно, должен был привить мысль о переходе статуса избранного народа от израильтян к русским, а боговенчаных царей — сначала к киевским, а затем и московским великим князьям⁴³. Интересное замечание сделала О. И. Подобедова об изображении Исхода, которое входило в состав росписи палаты. По ее словам, исполненные художниками его изображения «читаются как некое напоминание об избранности и божественном предначертании пути народа, как аналогия судьбам народа, которым управлял Иван IV»⁴⁴. Возможно, именно тема Исхода была выбрана художниками для иллюстрации идеи о *богоизбранности народа*, в то время, как *богоизбранность царской власти* раскрывалась в образах ветхозаветных царей и батальных сценах⁴⁵.

Фрески Архангельского собора созвучны идеям, которые воплотились в росписи Золотой палаты: русские князья — ставленники Божии и вожди нового избранного

---

³⁹ Сорокатый В.М. Икона «Благословенно воинство небесного царя». Некоторые аспекты содержания. // Древнерусское искусство. Византия и Древняя Русь. К 100-летию А.Н. Грабара (1890 — 1990). Спб., 1999. С. 413.

⁴⁰ Там же. См. также: Квливидзе Н.В. Икона «Благословенно воинство небесного царя» и ее литературные параллели. // Искусство христианского мира. М. 1998. Вып. 2. С. 49 — 52.

⁴¹ Сорокатый В.М. Икона «Благословенно воинство небесного царя». С. 414.

⁴² Надпись «Моисей» присутствует на иконе «Страшный суд» из Стокгольма. Ее прочитала еще В.И. Антонова (Антонова В.И. Мнева Н.Е. Каталог древнерусской живописи (ГТГ). С. 130.

⁴³ Подобедова О.И. Московская школа живописи при Иване IV, М. 1972. С. 66; Rowland D. Moscow — The Third Rome... P. 606; См. также: Флайер М. К семиотическому анализу Золотой палаты Московского Кремля // Древнерусское искусство. Русское искусство позднего средневековья. XVI век. СПб, 2003. С. 178 — 187.

⁴⁴ Подобедова О.И. Московская школа живописи при Иване IV. С. 66; Роулэнд Д. Две культуры — один тронный зал // Древнерусское искусство. Русское искусство позднего средневековья. XVI век. СПб, 2003. С. 195.

⁴⁵ Подобедова О.И. Московская школа живописи при Иване IV. С. 66.

народа, «нового Израиля»⁴⁶. В росписи собора заметно стремление мастеров прославить родословие русских князей, как продолжение родословия библейского⁴⁷. «Основным содержанием росписи, — пишет Т.Е. Самойлова, — становится... идея спасительной миссии христианского государства с его царем и со всем родословием последнего»⁴⁸.

По мнению М.А. Ильина, в Покровском соборе (храме Василия Блаженного), построенном в память о победе московского войска над казанскими татарами, нашли место «горделивые чувства, ...рожденные силой и славой Московского государства, и представление о Москве как о новом центре — «новом Иерусалиме», несущем спасение всему православному миру»⁴⁹. Особое значение имел придел, посвященный, как и тверская церковь, входу в Иерусалим⁵⁰. Ильин предположил, что это посвящение можно сопоставить с триумфальным въездом Ивана Грозного в Москву в октябре 1552 года⁵¹. «Грозный, — пишет Ильин, — торжественно въехал в Москву подобно Иисусу Христу, въехавшему в Иерусалим — в свой дом и город»⁵². Но Покровский собор, помимо Иерусалима земного, символизировал и Иерусалим горный, жилище праведных, где нашли вечный покой русские воины, сложившие свои головы при взятии Казани⁵³. Таким образом, этот собор олицетворял собой храм-город — «вышний Иерусалим» русского народа, которым он почтил память своих доблестных сынов⁵⁴.

В.Л. Баталов и Т.Н. Вятчина полагают, что идейно-символический замысел собора возник в книжной среде, «но наряду с книжными представлениями об Иерусалиме народное сознание подвергло самым парадоксальным перевоплощениям богословские понятия, связанные с символическими осмыслениями Иерусалима»⁵⁵.

Следовательно, Покровский собор одновременно являлся символом земного Иерусалима (как и в храме Воскресения в Иерусалиме, его центром является ротонда, увенчанная шатром⁵⁶), «нового Иерусалима» — Москвы (в основу всей архитектурной композиции собора могла быть положена архитектура Кремля и его соборов⁵⁷), а также небесного Иерусалима, священного Сиона, где пребывают святые (башнеобразные приделы могли символизировать его башни, а промежуточные — «селения праведных»⁵⁸).

---

⁴⁶ Самойлова Т.Е. Тема избранного народа в росписи Архангельского собора // Библия в культуре и искусстве. М. 1995. С. 127.

⁴⁷ Там же. С. 132.

⁴⁸ Там же. С. 133.

⁴⁹ Ильин М.А. Каменная летопись Московской Руси. С. 49.

⁵⁰ По названию этого предела и весь собор во второй половине XVI века часто называли Иерусалимом. См.: Снегирев В.Л. Памятник архитектуры храм Василия Блаженного. М., 1953. С. 130; Ильин М.А. Пути и поиски историка искусства. М., 1970. С. 92.

⁵¹ Ильин М.А. Каменная летопись Московской Руси. С. 51; Ильин М.А. Пути и поиски историка искусства. С. 92; О наименовании пределов собора Василия Блаженного // Новое в археологии. Сб. статей, посвященный 70-летию А.В. Арциховского, М., 1972. С. 292

⁵² Ильин М.А. Каменная летопись Московской Руси. С. 52

⁵³ Ильин М.А. Каменная летопись Московской Руси. С. 52; Пути и поиски... С. 93.

⁵⁴ Ильин М.А. Пути и поиски... С.94.

⁵⁵ Баталов В.Л., Вятчина Т.Н. Об идейном значении и интерпретации иерусалимского образца в русской архитектуре XVI — XVII вв. // Архитектурное наследство, М., 1988. № 36. С. 35.

⁵⁶ Иоанисян О.М. Храмы-ротонды в Древней Руси // Иерусалим в русской культуре. М., 1994. С. 194 ; Баталов В.Л., Вятчина Т.Н. Указ. соч. С. 34.

⁵⁷ Ильин М.А. Пути и поиски... С. 34. Ильин отмечает, что раньше все соборы Кремля были соединены друг с другом огромными переходами в единое нерасторжимое целое. Это же могло быть осуществлено и в Покровском соборе, где все его приделы соединены галереями.

⁵⁸ Ильин М.А. Каменная летопись... С. 52.

Остается определить место избранного народа, «нового Израиля» в этой сложной системе. Рискнем предположить, что таким народом могут являться как все православные, живущие в Российском государстве с центром в Москве — «новом Иерусалиме», так и те, кто отдал жизни «за други свои» в борьбе за веру против татар, и, по словам митрополита Макария, приняв новое, мученическое крещение «кровавой банею» удостоился вселиться в Горний Иерусалим.

Последние работы исследователей показывают, что идея нового избранного народа, во главе которого поставлен венчаный самим Богом царь, руководила и создателями так называемого Мономахова трона — молельного места Ивана IV, установленного в юго-восточной части Успенского собора Кремля⁵⁹. По мнению М. Флайера, этот трон был призван подчеркнуть «сущность русского монарха как правителя, Богом поставленного над новым богоизбранным народом»⁶⁰. Архитектурная форма места, особенно его верхняя часть, сделанная в виде шатра, вызывают ассоциации с иерусалимскими храмами Воскресения Господня и Соломона, а также с наместительными сионами, которые рассматривались как подобие «небесного Иерусалима»⁶¹. Его создание и установка в главном соборе Кремля являлись частью программной сакрализации первого русского царя⁶². Расположенный перед иконостасом, Мономахов трон должен был показать, что боговенчанному царю отводится роль пастыря, который призван вести новый избранный народ к Богу в небесный Сион, образом которого и служил иконостас.

В миниатюрах свода избранность московского государства проявляется в постоянной помощи Бога сначала воинам древнего Израиля (иллюстрации подвигов Иисуса Навина, Гедеона составляют большую часть в хронографической его части), а затем и русским ратникам⁶³. В нем исключительное внимание уделено именно воинской тематике и проводится идея избранности русских воинов, которые никогда не остаются без поддержки «небесного воинства»⁶⁴. Здесь с новой силой звучит тема «Воинствующей церкви», которая легла в основу иконы «Благословенно воинство небесного царя» из Успенского собора Кремля⁶⁵.

---

⁵⁹ Флайер М. «Мономахов трон» Ивана Грозного // Иконостас. Происхождение — развитие — символика. М. 2000. С. 610; Соколова И.М. Мономахов трон. М. 2001. С. 30.

⁶⁰ Флайер М. «Мономахов трон» Ивана Грозного. С. 610.

⁶¹ Соколова И.М. Мономахов трон. С. 30; Флайер М. «Мономахов трон» Ивана Грозного. Р. 607. Флайер отмечает, что полное отсутствие христианской символики в декорации места заставляет говорить о его ассоциации не столько с храмом Вознесения, сколько с храмом Соломона.

⁶² Флайер М. «Мономахов трон» Ивана Грозного. С. 610.

⁶³ Подобедова О.И. Московская школа живописи. С. 73.

⁶⁴ По подсчетам О.И. Подобедовой, 1/3 миниатюр свода посвящена воинской тематике, еще 1/3 изображает батальные сцены (Там же. С. 75). Например, на миниатюрах к житию Александра Невского, иллюстрирующих битву на Неве и Ледовое побоище, мы видим ангельское войско, участвующее в сражениях на стороне русских воинов. Причем интересно отметить, что если в миниатюре с изображением Ледового побоища конные ангелы, облеченные в броню и с мечами в руках, сражаются бок о бок с воинами Александра, то на одной из иллюстраций к Невской битве показаны только парящие ангелы с занесенными над головами противника мечами. Александр же со своими соратниками стоит за лещадками гор и взирает на то, как небесные ратники безжалостно секут противника.

⁶⁵ Там же. С. 75.

Однако новые политические задачи заставляют иллюстраторов свода несколько изменить акценты. В 60-е годы XVI в. главным противником Русского государства являлись не казанские татары, а католики и протестанты. Поэтому, по словам О.И. Подобедовой, «тема «Воинствующей церкви» распространяется на весь цикл исторических известий, связанных с победой на

Проведенный анализ памятников показал, что желание видеть в своем народе новых избранников божьих появилось у русских книжников уже в середине XI в., то есть спустя всего половину столетия после принятия Русью христианства. В дальнейшем авторы многих произведений указывали на постоянное божественное участие в делах русского государства. Таким образом закреплялась мысль о том, что у Бога место древнего народа Израиля занял русский народ, а слава царей израильских перешла на русских великих князей.

Однако сам термин «новый Израиль», по-видимому, впервые появился лишь в середине XVI в. в Похвальном слове инок Фомы тверскому князю Борису Александровичу. Широкое же распространение он получает в середине следующего, XVI в., а также в памятниках первой половины XVII в.

Термин «новый Израиль» имеет сложную семантику, и авторы разных сочинений могли использовать его в каком-то одном значении. Так, «новым Израилем» могли называть и конкретное государство (у Фомы это Тверское княжество, а у составителей Степенной книги — все Русское государство), и народ, его населяющий. «Новым Израилем» могли называть и князей (например, Владимира или Дмитрия Донского) и в данном случае он употреблялся в качестве имени собственного.

В большинстве случаев идея о богоизбранности русского народа передана через тему Исхода.

Особенно актуальными представления об избранности Русского государства и его народа стали в середине XVI в., когда великий князь Московский был провозглашен помазанником Божьим, главной обязанностью которого становилось охранять и пасти Его народ. Именно в это время московские интеллектуалы, вероятно, во главе с самим митрополитом Макарием, разрабатывая концепцию царской власти, могли обратиться к идеям, сформулированным еще иноком Фомой, но приложить их уже ко всему Русскому государству. Именно в середине — третьей четверти XVI в. создается целый ряд памятников изобразительного искусства и архитектуры, в которых эти идеи нашли свое отражение.

Конотоп Андрей Борисович – аспирант Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

западных рубежах, а отсюда и действия Ивана IV органически явились продолжением заранее предначертанной миссии» (Там же. С. 75).

Д. М. ВОЛОДИХИН ТЕОРИЯ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ¹

История — общественная наука.

Врата ее храма всегда распахнуты настежь для социальных запросов. Без связи с социумом ее существование теряет смысл.

Если исключить из числа потребителей исторического знания ученых, это самое знание производящих, то вся оставшаяся масса так или иначе на протяжении всей жизни сталкивается с историей, но не задается вопросами «откуда мы это знаем?», «корректно ли изложено то, что мы прочитали (увидели по TV)?», «где кончается факт и начинается домысел?». Подавляющее большинство людей интересуется интеллектуальным товаром, т.е. знаниями, четко сформулированными, уложенными в определенную схему, упрощенными под восприятие неспециалистов, иными словами, развешанными, упакованными, уложенными с ценниками по магазинным полкам.

В самом деле, каковы на общественном уровне основные источники информации, связанной с прошлым?

Роль основного источника играет школа и высшее учебное заведение. Школьник и студент получают «кубики» параграфов, скомпонованные методистами и министерскими экспертами. Дидактическая форма бытования исторического знания крайне упрощена и в конечном интеллектуальном продукте всегда оформляется так, чтобы оказать на учащегося заранее запрограммированное педагогическое воздействие.

Одним из главных источников является потребление художественной или игровой продукции. Иными словами, чтение исторических романов, просмотр фильмов, телепередач или и спектаклей на исторические темы, использование компьютерных программ, где так или иначе задействован антураж старины или древности и т.д. Сюда же входит фолк-истори — ветвь литературы, рядящаяся в научные одежды, но в действительности представляющая собой шоу, лишь невнятно перекликающееся с историей — например, книги М.Аджи и А.Фоменко. Порой историческое знание в художественной форме обладает столь яркой образностью, столь разительной артистичностью, что читатель (зритель) усваивает родную историю гораздо глубже и прочнее по нему, нежели по учебнику. Иногда и факты бывали изложены романистом или, скажем художником — автором батального полотна, абсолютно верно. Но фактическая точность никогда не была сильной стороной художественной истории. Ведь в этом секторе исторического знания иные параметры приоритетны: самовыражение автора и прибыль от продаж.

Иные сектора — историческая часть государственной идеологии, программные произведения политических партий и общественных движений, продукция, призванная популяризировать научное знание, музеи, разного рода справочники и энциклопедии — связаны с потребностью человека в сознательном «добраивании» собственной личности. Иными словами, когда человек ставит перед собой задачу самоидентификации (я — русский, что это такое? я — коренной ростовчанин, что это такое?), сознательно и активно интересуется историей своей земли, своего народа, желает обрести «ориентацию во времени» — так же, как обладает он ориентацией в пространстве, он прибегает к перечисленным выше источникам. Однако здесь его ожидает меньший субъективизм. Это вызвано приоритетами идейного программирования масс со стороны интеллектуальных элит социума.

---

¹ Вводная лекция в курс источниковедения отечественной истории (2004 год, исторический факультет МГУ). Сам термин «теория источниковедения» или «теоретическое источниковедение» введен в научный оборот С.О.Шмидтом (1969 г.), см.: Современные проблемы источниковедения // Шмидт С.О. Путь историка. Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С.28.

Таким образом, историческое знание, вышедшее за пределы строго научного сектора, живет по законам тех интеллектуальных страт, тех маркетинговых стратегий, в рамках которых оно используется. В большинстве случаев историческую реконструкцию (воссоздание прошлого) делают профессиональные историки, а пользуется ею популяризаторы и любители разного рода. Таким образом, в момент перехода исторического знания в состояние «накрытия» общественного запроса, оно всегда субъективизируется. Но это последняя стадия субъективизации; ей предшествует целый ряд иных стадий.

Прежде всего, историк-исследователь, занимающийся сборкой мозаики исторических фактов и созданием исторического повествования (нарратива) обладает определенной «ментальной оснасткой». Он принадлежит к определенному этносу, социальному слою, полу, сексуальной ориентации, общественно-политической группировке, научной школе, он живет в столице или провинции, может быть неверующим или отдать свое сердце какой-либо конфессии, быть человеком, приближающимся по своему психическому здоровью к медицинской норме или же, напротив, отклоняться от нее достаточно далеко. Все это формирует в личности историка определенный набор фильтров, через которые он и воспринимает реальность, в том числе любую информацию исторического плана. В результате «фильтрации» складывается гамма акцентов, влияющих на преподнесение историком полученного в итоге исследовательской работы знания. Никто от нее не свободен, никто не может претендовать на кристально чистую объективность. Подобный процесс (интеллектуальную фильтрацию) можно оценивать как искажение, а можно — как оформление исторического знания на научном этапе, поскольку неискаженного исторического знания на этой стадии не существует, и, следовательно, искажение (субъективизация) является неотъемлемым условием его существования. В Средние века к этому относились спокойно: наш летописец, византийский или западноевропейский хронист были прежде всего верующими христианами; любая информация проходила через горнило христианского мировидения и выходила преобразенной в соответствии с ним. Средневековый публицист-аристократ (например, князь Андрей Курбский) прямо манифестировал себя как представителя определенной социальной группы с ее правдой, и точно также самодержавный монарх (например, Иван IV) отстаивал свою правду с открытым забралом, не пытаясь сослаться на некую «объективность». Исторические события под их пером обретали модальность аргументов/контраргументов. В Новое и Новейшее время апелляция к объективности стала хорошим тоном, однако она не должна обманывать историка: через столетия ученые грядущего будут легко различать в «объективных» статьях, книгах и даже учебниках явные маркеры, скажем, либерально-гуманистического мировоззрения или же консервативно-традиционалистского.

Любой исторический факт существует в двух формах: действительной и нарративной. Что касается первой из них, то здесь все просто: когда-то нечто произошло. Некое изменение реальности стало фактом. Но в силу того, что путешествие в прошлое пока невозможно, ни один историк не видел, не знает, не имеет полного представления о факте хотя бы двухсотлетней давности, не говоря уже о фактах времен Древнего Рима. Следовательно, прежде чем использовать тот или иной факт в своей исторической реконструкции, ученый обязан получить о нем представление, пересказать его самому себе, т.е. составить нарратив факта. Представление историка о факте прошлого и есть нарративная форма существования факта. Иными словами, нарративная форма — плод творческих усилий историка. Допустим, исторический факт — сражение между российскими и прусскими войсками при Цорндорфе в ходе Семилетней войны. Историк, изучая этот факт, проводит границу очевидного и неочевидного в его картине. Он точно знает, когда произошло сражение, способен приблизительно очертить поле боя, но

при определении того, кому досталась победа, начнутся логические спекуляции, ибо обе стороны понесли тяжелые потери, точный размер которых выяснить сложно, оценить тактическое и стратегическое значение битвы — намного сложнее сложнее, а мнение полководцев о достигнутом (или не достигнутом) успехе — еще того менее достойный материал для суждения. Даже известные всему миру исторические факты, вроде того, что Цезарь был зарезан заговорщиками в определенный день, а Реконкиста закончилась в 1492 г., также представляют собой составные композиции, в рамках которых очевидное и неочевидное смешаны воедино. Это, так сказать дробь, где в числителе стоит очевидное, а в знаменателе — неочевидное.

Одна из главных задач историка получить в результате исследования возможно большее количество фактов с возможно *большим* значением числителя.

С этой целью историк обращается к источникам. *Источником является любой носитель информации, который может дать историку сведения об интересующем его аспекте прошлого.*² Носитель информации, не замеченный историками, не использованный ими в работе, источником не является. Ни один историк не способен отыскать и собрать все носители информации по избранной для исследования теме, однако занижение количества источников ведет к тому, что полученная картина прошлого окажется нерепрезентативной. Иначе говоря, непредставительной, неполной. Вопрос о репрезентативности/нерепрезентативности определяется конвенционно, т.е. сообществом практикующих на данный момент историков, выявившим некий обязательный набор источников по кругу вопросов, коими занимается наш гипотетический исследователь. Так, например, Ливонскую войну 1558-1583 гг. можно изучать, пользуясь летописными известиями и русским приказным делопроизводством (сравнительно небольшим по объему). Оба источника, особенно летописи, весьма информативны, многие события войны переданы там с большой подробностью, в цифрах и датах. Но если ограничиться только данными двумя группами, то источниковая база исследования будет нерепрезентативной, поскольку современным историкам известен значительный пласт иностранных источников. Это ливонские и польско-литовские хроники, историко-философские трактаты, дневники участников боевых действий, агитационные «листовки», а также довольно большой комплекс делопроизводства (прежде всего, на немецком и польском языках). Любой из названных источников сам по себе дает лишь часть большой мозаики, любой из них недостаточно репрезентативен. Но в совокупности получается весьма детализированная картина войны, достаточно обстоятельная ее реконструкция.

Другой вопрос, возникающий при обращении к любому источнику — экспертиза его достоверности. Этот вопрос вплотную подводит к учению об информации. Собственно, современное научное источниковедение выросло из сопряжения проблем достоверности и репрезентативности источника с учением об информации.³

Оно родилось в 40-х гг. XX в. Главная заслуга в его создании принадлежит американскому инженеру К.Шеннону, специалист по системам связи: радио и телеграфу. В 1948 г. он разработал и опубликовал схему передачи любого сообщения по линиям дальней связи. Пять ее элементов: источник информации — передатчик — канал связи — приемник — адресат образовывали линейную связь. Каждый элемент выполняет определенную функцию. Источник информации создает сообщение или последова-

---

² Вопросу об адекватной дефиниции исторического источника посвящена обширная литература. Автор этих строк попытался сформулировать наиболее краткое и прагматичное определение.

³ По мнению А.Г. Голикова и Т.А.Кругловой, «...Учение об информации позволило теоретически обосновать содержательную неисчерпаемость исторических источников». — Голиков А.Г., Круглова Т.А. Источниковедение отечественной истории. М.,2000. С.6.

тельность сообщений. Передатчик преобразует сообщения в сигналы, которые по каналу связи поступают к приемнику. Приемник восстанавливает сообщение. Адресат получает расшифрованное сообщение. Чтобы использовать эту схему в изучении общественных отношений, потребовалось провести специальные исследования, в ходе которых в 60-70-е годы сформировалось учение об информации.⁴

В СССР философскую связь между учением об информации и историческим познанием высветил И.Д. Ковальченко. По словам Ивана Дмитриевича, субъект — наблюдатель мира (объекта) принципиально не ограничен в получении о нем информации, поскольку «...информация как совокупность тех или иных знаний и сведений, несмотря на ее идеальный характер (информация не вещь, а мыслительная категория), объективна по своей природе. Информация как отраженное разнообразие объективных свойств реального мира независима от субъекта... Поскольку объективный мир представляет собой безграничное разнообразие свойств и связей, постольку и информация как отражение этого мира неисчерпаема». Социальная информация представляет собой сочетание объективного и субъективного. «В субъективной информации всегда имеет место ценностное, целевое отношение к информации. Субъект выбирает только те сведения об объективной реальности, которые необходимы для достижения поставленной цели... Однако прагматическое отношение к социальной информации... не устраняет объективного характера этой информации. Для достижения поставленной цели субъект должен стремиться получить объективную информацию. Субъективные искажения информации порождаются не ее целевым назначением, а социальной ограниченностью в понимании цели... Важнейшим итогом учения об информации является выделение двух ее видов. Один вид — это информация, которая воспринята, осознана и используется субъектом, т.е. это выраженная, или актуальная информация. Другой вид — это информация, которая существует, но неизвестна субъекту и не используется им, т.е. это скрытая, потенциальная информация. Более того, в общем объеме социальной информации она составляет подавляющую часть... В силу многообразия и безграничности свойств и взаимосвязей явлений объективного мира при их отражении в сознании субъекта, наряду с чертами, которые фиксируются как видимые, неизбежно улавливаются и невидимые. Этой невидимой, скрытой частью информации являются отраженные в воспринятых и сознательно учитываемых чертах объекта сведения о присущих ему взаимосвязях. Скрытая информация меньше подвержена субъективным воздействиям в момент фиксирования. Она наиболее адекватно отражает объективную реальность»⁵. В сущности, эта позиция тяготеет к неокантианству, поскольку трактует источник как своего рода «вещь в себе», в принципе до конца не познаваемую, хотя и неисчерпаемую по заложенной в ней историко-социальной информации.

Итак, источник в огромной большинстве случаев был где-то, когда-то и кем-то произведен, т.е., у него есть творец, некий субъект, наблюдавший историческую реальность, в том числе объект исследовательских интересов нашего историка и отразивший результаты своего наблюдения в источнике (хотя есть небольшая группа бессубъектных источников, например, природная среда⁶). Творец источника создавал его с определенными целевыми установками. Его наблюдение, его способы сбора информации

---

⁴ Голиков А.Г., Круглова Т.А. Там же. С.5.

⁵ Ковальченко И.Д. Источниковедение истории СССР. М., 1981. Изд. 2-е. С.8-9.

⁶ Природные объекты могут содержать информацию исторического характера: так, например, знания об уровне моря в разное время способны многое прояснить по части расположения приморских городов или истории судоходства. С.О.Шмидт в числе источников называл «естественно-географическую среду», — см. Шмидт С.О., там же, С.36. Подробнее: Проблемы взаимодействия общества и природы в источниковедческом аспекте // Шмидт С.О. Путь историка... С.54—73.

могли быть более или менее совершенными. Он в такой же степени обладал ментальной оснасткой, а значит, интеллектуальными фильтрами, как и любой другой человек. Следовательно, он «загрузил» в источник информацию, которая заведомо не может быть абсолютно адекватной реальности. В ряде случаев искажение (субъективизация) производилось сознательно, а в ряде случаев — без воли и желания субъекта (создателя источника).

В качестве примера можно привести средневековые западноевропейские хроники Робера де Клари и Жоффруа де Виллардуэна, повествующие о 4-м крестовом походе и, в частности, о погроме, учиненном рыцарским воинством в Константинополе. Очевиден конфликт интересов среднего/бедного рыцарства и аристократической верхушки похода. Во всех случаях противостояния, столкновения целевых установок этих социальных групп, хронисты дают принципиально расходящиеся, слабосовместимые трактовки событий. В данном случае ясно видна сознательная субъективизация (и не очень понятно, кто из двух авторов ближе к исторической реальности). Но сам захват Константинополя и его разграбление поданы в обоих источниках как благо, а действия крестоносцев — как героические. Те же события в изложении византийских историков и православных русских летописцев столь же однозначно поданы как зло. Интеллектуальные фильтры заставляют создателей всех этих источников подсознательно, на уровне социального инстинкта, выступать на стороне «своих». В данном случае «свои» определяются хронистами и летописцами по конфессиональному признаку (католики vs православные).

Вместе с тем, информация абсолютно искаженной, или, иными словами, субъективизированной на 100 % быть не может. Наблюдение за реальностью, ее восприятие, фильтрация и дальнейшее изложение всегда оставляют мощный слой объективной информации, нетронутой субъективизацией в силу того, что внутренние социально-психологические механизмы субъекта срабатывают в случае присутствия в результатах наблюдения вызова личности наблюдателя, вызова, безусловно требующего ответа. В силу отсутствия подобного вызова некая часть информации оказалась нейтральной для субъекта наблюдения, творца источника, а потому попала в источник в неискаженном виде⁷. Так, например, западноевропейские хронисты, византийские историки и русские летописцы единодушно пишут о достаточно слабом сопротивлении, оказанном защитниками Константинополя, — правда, объясняют этот факт разными причинами; и, разумеется, ни один источник не отрицает ни самого факта падения города перед крестоносным воинством, ни последующего разграбления византийской столицы, ни установления там власти латинских (западноевропейских) императоров.

Таким образом, информация, содержащаяся в источнике, пребывает в смешанном виде. Историк, интересующийся определенной темой, выделяет в источнике сектор

---

⁷ Выдвинул концепцию «двойной субъективизации» информации И.Д.Ковальченко. По его мнению, историческое знание «...является дважды субъективизированным отражением. Первый уровень субъективизации имеет место при фиксации исторической действительности той или иной эпохи творцами исторических источников, второй уровень связан с восприятием этой действительности историком на основе исторических источников. Естественно, что это делает историческое познание значительно более сложным по сравнению с теми областями науки, где такой двойной субъективизации нет. Использование историком в качестве исходной базы субъективизированной картины прошлого, оставленной его современниками, требует тщательного предварительного критического анализа этой картины для выявления степени адекватности и полноты отражения ею исторической действительности. Важность и самостоятельность этой задачи привели к возникновению специальной исторической дисциплины, занимающейся ее решением — источниковедения». — Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987. С.105.

представляющий для него исследовательский интерес, а затем в этом секторе отделяет наименее субъективизированные слои от более искаженных, а потом вторую группу — от безусловно сомнительных, крайне субъективных фрагментов источника. Достоверность, соответственно, будет уменьшаться от группы к группе и в последнем случае падает почти до нуля в силу явной личной заинтересованности творца источника.

Причиной слабой достоверности источника может быть также невысокая информированность его создателя.

В силу названных причин, историк должен произвести общую оценку источника, т.е. определить, какими каналами пользовался его творец, собирая информацию и где он излагает события по личным наблюдениям (наиболее ценный канал); к какому социально-политическому кругу он принадлежит; каковы его семейно-клановые, дружеские, ученические, профессиональные связи и интересы; кто он в этническом и профессиональном смысле; до какой степени может на него повлиять гражданство/подданство; сколь значителен временной промежуток от получения творцом источника определенной информации до использования ее в тексте; какова цель, с которой источник был создан; велик ли интерес создателя источника к теме или событию, которые стали предметом исследования современного историка. Если первичный текст впоследствии редактировался, нужно всю описанную выше процедуру «запустить» и в отношении редакторов текста. Если источник составной и создан группой лиц, необходимо определить последовательность создания отдельных кусков и общую схему работы всей группы. Кроме того, следует отыскать «параллельные» источники (если они есть, разумеется) и сопоставить информацию каждого из них с каждым.

После того, как информационная ценность источника определена, его первичное описание сделано, становится ясно, на какие вопросы данный конкретный источник способен ответить исследователю; где его сведения надо подвергнуть сомнению, а где можно им довериться; по каким вопросам содержащейся в нем информации вполне достаточно, по каким ее не хватает, а по каким она не имеет смысла без привлечения «параллельных» источников.

Получив ясную «карту» источника, исследователь составляет список вопросов, которые он может задать его тексту. Причем руководствоваться при создании «опросника» придется не только «картой» источника, но и трудами коллег: быть может, некоторые пункты «опросника» давным-давно выяснены ими, более того, ответы взяты из того же самого источника... Здесь следует проявить большую корректность и знание специальной литературы.

Начинающему историку следует научиться четко разделять источники и научную литературу по интересующему его вопросу. XVIII век создал профессиональную науку (в том числе историческую науку), основанную на опытно-рациональных способах познания, общей терминологии, соотносимых теоретических установках и разветвленной инфраструктуре. Вся литература — исследовательская, популярная, учебная, — возникающая в недрах профессиональной науки по любым вопросам и темам, не может рассматриваться как источник. Это результат освоения научной мыслью исторической действительности, дистанцированный от нее в силу положения познающего субъекта, неслиянного с познаваемым объектом. Исключение допускается только в одном случае. А именно, когда объектом исследования становится сама историческая наука. Специалист подобного профиля (историограф), изучая, например, Василия Осиповича Ключевского, его теоретические выкладки, исследовательскую методику, артистизм в изложении русской истории, будет обращаться к его трудам как к особому, историографическому источнику по истории русской исторической науки в конце XIX — начале XX столетия.

Любому источнику можно задать бесконечное количество вопросов — в зависимости от темы исследования, ракурса, масштаба.⁸ Но ни один источник не может дать исчерпывающей информации по какому бы то ни было объекту научного исследования. И даже использование целого комплекса источников, весьма обширного и весьма разностороннего по тематике, не способно доставить историку абсолютно полной информации. Причин две. Первая из них лежит на поверхности: современная материально-техническая база не позволяет историку любой подготовки и любого административного уровня решить эту задачу. Но, кроме того, не существует даже теоретических разработок, позволяющих допустить возможность абсолютной полноты познания исторической реальности. Данная проблема в настоящее время отдана на откуп фантастике. И в ближайшем будущем видны лишь... мистические способы ее решения. Историческое познание в целом *ограничено*. Возможности каждого источника также *ограничены* относительно задач, которые ставит историческая наука.

С другой стороны, ничего печального в этом нет. До сих пор сфера гуманитарных наук не выдвигала столь амбициозных проектов, чтобы для их осуществления понадобилась абсолютная полнота информации, хотя бы и в строго определенных рамках. Здравый смысл велит рассматривать поставленные историку ограничения как нечто естественное и непреходящее. Так сказать, вечные условия игры.

В современной научной мысли время от времени предпринимаются попытки преодолеть эти условия, а лучше — разрушить их. Так, О.М.Медушевская ставит глобальную проблему, не решаемую методами традиционного источниковедения: «...главная теоретико-познавательная трудность гуманитарного познания: цель гуманитаристики — изучение человека, но... как познать человека, внутренний мир которого скрыт от внешнего наблюдателя, не объективирован». С точки зрения О.М.Медушевской, следует изменить предмет источниковедения, повысить его статус, части гуманитарного знания, и тогда откроются принципиально новые возможности: «Совокупность произведений [созданных людьми], рассматриваемых как целостный системный объект, как исторический источник, является предметом источниковедения. Для источниковедения (как науки об источниках) эти произведения выступают и как объект, и как предмет изучения. Источниковедение исследует произведения, созданные людьми целенаправленно и осознанно, как целостный, внутренне взаимосвязанный объект, как совокупность с присущими данной эпохе (культуре) типологическими и видовыми свойствами, способами функционирования, особенностями информационного поля. Изучая свойства источников, источниковедение на реальной основе разрабатывает методы получения социальной информации различного рода, методы ее критической проверки и истолкования и формирует критерии оценки произведений как явлений культуры. Поэтому источниковедение для историка (социолога, этнолога и пр.) не только вспомогательная дисциплина, как это представлялось в рамках традиционной методологии истории, но самодостаточная область знания, наука об источниках. Она разрабатывает (пока еще не всегда целенаправленно) специфические теоретико-познавательные проблемы, имеющие фундаментальное значение. Поэтому гуманитарий должен ясно представлять себе, что такое источниковедение, его метод и перспективы развития. Источники составляют объективную основу гуманитарных наук как наук о человеке и его деятельности»⁹. В итоге должна бы появиться новая наука, кото-

---

⁸ В значительной степени количество и профиль вопросов будут зависеть от теоретико-философской базы, избранной историком. Идеально, если источниковедческая практика прямо, осознанно и продуманно поставлена историком в зависимость от философии и методологии исследования. В случае смены теоретико-философской базы источниковедческие проблемы могут принять совершенно новый вид, хотя бы источниковая база и осталась прежней.

⁹ Медушевская О.М. Источниковедение: теория, история и метод. М., 1996. С.5-6.

рая призвана заполнить пустующую нишу в системе гуманитарных дисциплин, — системе искусственной, никак не соотношенной с реальной научной жизнью. Основной порок предложения О.М.Медушевой состоит в том, что неясна целевая установка всех усилий, прилагаемых к модернизации источниковедения. В сущности, новая «область знания» с междисциплинарным уклоном — результат бесплодного теоретизирования, в то время как традиционное источниковедение насквозь практично, можно сказать, прагматично. Возврат к здравому прагматизму, к доброй традиционности — одна из важнейших задач современной источниковедческой практики.¹⁰

Источниковедение необходимо современному историку-профессионалу в двух ипостасях. Прежде всего, источниковедческое исследование может оказаться самоценным. Существуют источники, к которыми исследователи обращаются постоянно, поколение за поколением. Таковыми являются, например, трактаты иностранцев о Московском государстве, древнерусские летописи и жития святых. Важным подспорьем для историка является в подобном случае работа источниковеда, оставившего ему подробное описание источника, его «карту». Это сильно облегчит последующую работу. В иных случаях, знакомство с трудами источниковедов просто необходимо: нельзя работать с Повестью временных лет, не прочитав предварительно трудов А.А.Шахматова; не стоит подступаться к «Запискам о Московии» Сигизмунда Герберштейна, не зная фундаментального исследования Е.Е.Замысловского; слишком самонадеянным было бы исследование трактата Джильса Флечера «О государстве Русском» без изучения книги С.М.Середонина о названном трактате как историческом источнике... И, во-вторых, источниковедение очень полезно как твердо усвоенная на студенческой скамье вспомогательная дисциплина.

Итак, источниковедение — научная дисциплина, изучающая исторические источники.¹¹ Несмотря на сложное философское обоснование и дискуссии, время от времени возникающие вокруг предмета источниковедения, суть его проста. Во-первых, источниковедение дает четкое представление: реальность прошлого достижима лишь посредством изучения памятников, «следов» прошлого. Это единственный путь научного познания нашей истории, поскольку сама она не дана нам как объект прямого и непосредственного наблюдения. Во-вторых, источниковедение показывает, что памятники эти, а следовательно, и вся историческая реальность, познаваемы, хотя и с определенными ограничениями. В-третьих, источниковедение разрабатывает методы оценки упомянутых памятников — источников. В-четвертых, источниковедение располагает сводом методических и технических правил как извлечь из них необходимую информацию, притом в наименьшей степени искаженную. Этот свод непрерывно увеличивается в объеме и совершенствуется — таков путь развития источниковедения.

Конечно, источниковедение — служебная по отношению к исторической науке область знания, но она исключительно важна. Технические, т.е. прежде всего, источни-

---

¹⁰ С точки зрения автора этих строк, заслуги источниковедческой мысли XX столетия сравнительно невелики. Фундамент, заложенный в период между Ранке и Виндельбандом, остается наиболее здоровой частью теоретического источниковедения. Предпринятые с тех пор попытки модернизации нередко оказывали на него разрушительное воздействие, но в большинстве случаев оказывались бесплодными в отношении практической работы историка. Любопытно, что в недавнем фундаментальном труде «Источниковедение новейшей истории России: теория, методика и практика» (М., 2004, под ред. А.К.Соколова) производится попытка преодолеть отрыв теоретических и методологических проблем исторической науки от ее эмпирических оснований; само по себе исключительно здравая интенция, однако, приводит, отчасти к смешиванию методологических и источниковедческих слоев исторической науки, а это вряд ли правомерно.

¹¹ В данном случае речь идет об историческом источниковедении, источниковедческие исследования, предпринимаемые в рамках других сфер гуманитарной науки, здесь ни при чем.

коведческие навыки историка-профессионала позволяют коллегам определить его статус «по гамбургскому счету». Возможно, на основе набора данных навыков и самой простой, общедоступной терминологии, в XXI столетии сформируется новый язык исторической науки, общий для самых разных школ, направлений, течений и вспомогательных дисциплин.¹²

Володихин Дмитрий Михайлович – кандидат исторических наук, доцент Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

---

¹² Это, на мой взгляд, более вероятный сценарий событий, нежели складывание общего языка историков на основе достижений высших эшелонов теоретико-методологических штудий, социологии, филологии, семиотики или даже естественнонаучного знания. Более функциональное более жизнеспособно!

САВИЦКИЙ П.Н. ЗАПИСКА О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ЕВРАЗИЙЦЕВ С «ТРЕСТОМ»

Одной из наименее исследованных и преданных огласке сторон деятельности постреволюционной русской эмиграции являются ее регулярные попытки идеологически и организационно «вернуться» в Россию, завоевать симпатии населения и оказать реальную политическую конкуренцию большевикам. В свою очередь советские чекисты тщательно отслеживали подобные попытки и стремились либо пресечь их в корне, либо перевести их в безопасное русло. В этом смысле проведенная ГПУ в первой половине 1920-х гг. операция «Трест» является одной из наиболее удачных. Советской власти в условиях НЭПовской «реставрации» было чрезвычайно важно сохранить политическую стабильность в стране, пресечь любую антикоммунистическую активность. Поэтому, объединив все наиболее влиятельные оппозиционные силы внутри СССР под эгидой псевдоподпольной организации и замкнув на нее контакты наиболее непримиримой части белой эмиграции, чекисты сумели практически парализовать «активистскую» и заговорщицкую деятельность своих противников. Учитывая серьезный общественный и политический резонанс этой операции, советские спецслужбы спустя некоторое время даже обнародовали некоторые подробности «дела Треста», сняв по этим событиям одноименный художественный кинофильм и подготовив роман-хронику «Мертвая зыбь». Однако не менее интересным представляется ознакомиться со взглядом на эти события самих участников «Треста», к которым может быть отнесен и лидер русского зарубежного евразийства, известный экономист и геополитик П.Н. Савицкий. Подготовленная им по «горячим следам» справка публикуется ниже. Орфография и стилистика текста приводятся по оригиналу. Публикация подготовлена кандидатом политических наук, доцентом А.Б. Шатиловым.

Совершенно секретно

Трест — конспиративная организация, возникшая в Москве в 1921 г., представлявшая собой с самого начала сплетение подлинных антикоммунистических элементов с провокацией, с одной стороны, и иностранной разведкой, с другой.

Подлинные антикоммунистические элементы Треста состояли главным образом:

1) на верхах — из людей старшего поколения, прежде занимавших ответственные посты в Императорской России, после революции оставшихся в СССР либо на положении спецов, либо вновь оперившихся благодаря НЭПу;

2) в низах — из «окопавшихся» недовольных советским режимом и остатков разгромленных в 1918-1920 гг. многочисленных подпольных организаций всяких «правых» толков;

3) наконец, отдельные члены Треста являлись представителями т.н. «новых людей» и выдвинутых как из РККА, так и из ВКП(б), но эти элементы были в ничтожном количестве¹.

Окончательная кристаллизация Треста была осуществлена ГПУ и по следующим причинам. ГПУ учло, что после ликвидации белого движения, борьба против Советской власти продолжаться все же будет, но приняв уже иной, а именно — конспиративно-подпольный характер. Взяв под свое «покровительство» нарождающийся Трест, ГПУ обеспечило себе контроль и руководство значительной частью противокommунистического движения. Но если ГПУ хотело при помощи искусственной поддержки антикоммунистических элементов канализировать антикоммунистическое движение, то эти элементы стремились использовать ГПУ для своих целей. Таким образом, вся рабо-

¹ По признанию самих чекистов, подобные «новые люди» в своем большинстве являлись «подставными» и выполняли задание ГПУ. К таковым, например, относился лидер «евразийской фракции» Треста А.А. Ланговой.

та Треста была долго многосложным действием, в котором почти всегда слагались обе основные стороны Треста.

Одним из таких многосложных действий было дело установления и укрепления связи Треста с эмигрантскими группировками. Связь эта была нужна как подлинным антикоммунистическим элементам, так и ГПУ.

Первоначально связь эта была установлена с Высшим Монархическим Советом², который был тогда, в период непосредственно после Рейхенгальского съезда и еще до выступлений вел. кн. Николая Николаевича и Кирилла Владимировича, в зените своего влияния в эмиграции. Однако Трест стал стремиться определить свою связь с зарубежьем так, чтобы эта связь давала бы в его распоряжение максимальное количество возможностей. ВМС, начавший с 1923 г. терять свое значение, этим условиям не удовлетворял. Врангель и организация «русской армии», с которыми Трест вошел в сношение в 1923 г. через генерала Климовича³, тоже представляли Тресту лишь незначительную часть эмигрантских сил. Надлежало создать в самой эмиграции центр, который бы сгруппировал ее разрозненные и враждующие силы.

С лета 1923 г. Трест посредством своих эмиссаров в эмиграции выступает решительным фактором в деле подготовки и осуществления возглавления вел.кн. Николаем Николаевичем эмигрантских активных элементов. Вел. кн. Николай Николаевич, отказывающийся выступить, «доколе его не призовут из России» - поддается Тресту и выступает возглавителем антибольшевистского движения. Трест центрирует всю свою связь на вел. кн. Николае Николаевиче, постепенно прекращая связь с остальными группировками, признававшими верховный авторитет великого князя (ВМС, Врангель и т.д.).

За кулисами эмигрантской сцены начинает, однако, разыгрываться новая борьба — борьба за связь с Трестом. Вел. кн. Николай Николаевич назначает заведовать этой связью генерала Кутепова⁴. Генерал Врангель, однако, пытается сначала заменить Кутепова своим человеком (Климовичем), а засим, потерпев в этом неудачу, занимает решительно враждебную позицию по отношению к Тресту. Позиция эта, хотя в значительной степени продиктованная вышеизложенными мотивами, дает П.Н. Врангелю и, в особенности, его политическим друзьям (Струве, Шульгину, Ильину) повод говорить сейчас, что генерал Врангель единственный человек, который не поддался на провокацию Треста. На самом деле вопрос обстоит иначе, что видно хотя бы из того, что, несмотря на эту открытую вражду к Тресту, генерал Врангель делает за 1924-1926 гг. ряд попыток связаться с Трестом. К таким попыткам надо отнести между прочим: 1) поездку Шульгина в январе 1926 г. в Россию; 2) поездку в течение 1926 г. Струве в Варшаву, где он делает усиленные, о тщетные попытки связаться с Трестом.

Первый контакт с Трестом у евразийцев наметился в декабре 1922 г., когда представитель Треста (Федоров⁵) приезжал в Берлин для свидания и переговоров с ВМСом.

---

² Высший Монархический Совет — наиболее влиятельная в начале 1920-х гг. эмигрантская монархическая организация, возглавляемая бывшим депутатом Государственной думы, лидером российских крайне правых Н.Е. Марковым (2-м). Организация в своей деятельности ориентировалась на вел.кн. Николая Николаевича, объявившего себя в эмиграции «местоблюстителем российского престола».

³ Климович Евгений Константинович — глава полиции в составе «крымского» правительстве П.Н. Врангеля. В эмиграции возглавлял спецслужбы, близкие к Врангелю.

⁴ Кутепов Александр Павлович — генерал-лейтенант. Активный участник белого движения. Командир корпуса во ВСЮР А. Деникина и командующий 1-й армией в вооруженных силах П. Врангеля. В эмиграции занимал непримиримые позиции по отношению к советской власти. С 1928 г. — председатель Русского общевоинского союза (РОВСа), являвшегося центром вооруженной борьбы против СССР. В 1930 г. при попытке похищения оказал сопротивление и был убит советскими агентами.

⁵ Федоров — он же Якушев Александр Александрович. Бывший крупный царский чиновник, с начала 1920-х гг. по заданию ГПУ возглавлял «Трест».

В дальнейшем отношения Треста с евразийцами складывались так. Сначала со стороны Треста был проявлен средний интерес к евразийству. Содействие Треста ограничилось чисто технической помощью по распространению литературы. Холодное отношение правления Треста объяснялось в значительной мере перевесом в Тресте элементов бывших людей — «внутренних эмигрантов». Настроения этих людей были естественно контрреволюционными, реставраторскими и особых симпатий евразийцам от них, конечно, ждать было нельзя.

Однако вскоре «интерес» Треста к нам увеличился. Но представители Треста стали стремиться создать такое положение, при котором евразийцы отказались бы от какой бы то ни было своей работы в России, поручив монопольное представительство Тресту. Формулировалось это так: «Вы будете нашей идеологической лабораторией, а мы будем осуществлять своими методами ваши идеи». Как только эта линия стала явной, подобные предложения Треста были отвергнуты самым категорическим образом. С другой стороны, это время совпало с периодом столь желанного Тресту торжества объединительных тенденций в эмиграции. Трест начал усиленно нажимать на евразийцев и муссировать необходимость для евразийского движения войти в «общий фронт» эмиграции под эгидой вел. кн. Николая Николаевича. Однако слишком глубокие расхождения в целях с остальными эмигрантскими группировками заставили евразийцев отказаться и от этих предложений Треста.

Отношения с Трестом, однако, не были прерваны, т.к. Трест по-видимому, не желал терять контакт с евразийцами, а нам к этому моменту довольно близкое знакомство с Трестом позволило установить присутствие в нем более интересных элементов, преимущественно «новых людей» - военных и спецов, которые являлись восприимчивыми в отношении евразийских идей.

Благодаря этим людям и после поездки одного из представителей евразийского центра осенью 1924 г. в Москву природа Треста для евразийцев была уже более или менее ясной. Тогда же, как и неоднократно позже, некоторые из евразийцев в порядке дружеской услуги предупреждали о провокационных элементах в Тресте как генерала Врангеля, так и генерала Кутепова.

...Провокация была несравненно более опасной для группировок, стремящихся исключительно к созданию конспиративных подпольных организаций в целях производства «механического» переворота, нежели идеологическому движению, подобному евразийскому. Провоцируя нас, ГПУ создавало бы силу, с которой потом оно не могло бы справиться. Провокация вскоре обратилась бы против провокатора. ГПУ лишь осторожно подходило к мысли провоцировать евразийство и, что видно еще из первых предложений Треста, тщательно старалось, не раздувая евразийство, просто его парализовать.

Евразийцы же, наоборот, со своей стороны могли не бояться провокации как вследствие вышеизложенных причин, так и потому, что, сознавая, что всякая подпольная организация в России рано или поздно натолкнется на агентов ГПУ, предпочитали знать наверное, кто эти агенты и осторожно иметь с ними дело, чем работать вслепую.

...С начала осени 1924 г. Трест обещал евразийцам организованную помощь, но, конечно, и тогда обещанное не могло сравниться в масштабе с помощью, оказываемой вел.кн. Николаю Николаевичу и «активистам» всех сортов. Однако очень скоро попытки осуществить полностью обещания и вести евразийскую пропаганду в самом Тресте и вне его организации, вызвали сперва неудовольствие правления Треста, а затем глухой, но все усиливающийся отпор. Евразийство обвиняли в том, что, не проповедуя достаточного «активизма», оно расслабляет дух конспиративной организации, и требовали от нас более открытого признания необходимости «активной борьбы». Нараставший на этой почве конфликт с Трестом привел к тому, что в начале 1926 г. евразийцы резко

разошлись с Трестом. Однако, несмотря на это, некоторый контакт был сохранен, и со стороны Треста продолжали оказываться услуги чисто технического характера, но мы тогда же решили постепенно отмежевываться от Треста. А самом Тресте мы сохранили самое незначительное количество своих людей, вполне проверенных и надежных, которые бы облегчили нам наблюдение за дальнейшим его развитием.

В то время как евразийская работа направлялась в общих чертах в вышеупомянутом направлении, Трест, продолжая усиленно сотрудничать с «активистскими» организациями, проделывал обратный путь все более интенсивного «закапсулирования», отрыва от жизни и параллельно с этим все более и более попадал в тенеты ГПУ.

Одновременно враждебность к евразийству увеличивалась. Дошло до того, что со стороны некоторых представителей правления Треста, особенно со стороны небезызвестного Оперпута⁶, во время свидания осенью 1926 г. с одним из представителей Евразийского Центра в Москве, делались угрозы и попытки шантажа, дабы принудить евразийцев к отказу от их тактики и заставить их пойти на «активизм». Настоящую злобу Оперпута вызывало широкое распространение евразийства в СССР в кругах посторонних Тресту. Оперпут угрожал воздействовать на эмиграцию и разоблачить «согласительскую» природу евразийства.

В то самое время как постепенно осуществлялся полный отрыв евразийцев от Треста, в самом Тресте назревал раскол... В то время как часть возглавителей Треста продолжала прежнюю сложную игру, ГПУ решило придать делу совершенно новый оборот. Член Правления Треста, Оперпут, исполняя задание ГПУ, начал форсировать темп работы, требуя перехода к более решительным методам действий и, в частности, к террору.

Такая тактика встретила довольно решительный отпор и противодействие со стороны других членов правления Треста. ГПУ не могло сломить этого противодействия путем простой ликвидации этих строптивных элементов, так как вся игра слишком скоро обнаружилась бы. Поэтому был избран способ более сложный и окольный, но пожалуй еще более действенный, так как он позволял ГПУ решить сразу три задачи:

- 1) спровоцировав — ликвидировать в корне «активизм» и террор;
- 2) ликвидировать надолго и скомпрометировать в глазах иностранцев самую возможность антикоммунистической работы в СССР;
- 3) ликвидировать строптивную часть Треста, окончательно скомпрометировав ее в глазах антикоммунистических сил.

Оперпут по приказанию ГПУ, симулируя «раскаяние» бежал в апреле 1927 г. за границу. Здесь он произвел свои «разоблачения», в которых правда искусно сочеталась с ложью, спутав окончательно все карты эмиграции и иностранных штабов. Одновременно, добившись доверия определенных русских и иностранных кругов, Оперпут «организовал», по приказу ГПУ, ряд террористических и активистских выступлений. Все эти выступления, как известно, закончились весьма печально. С лета 1927 г. Трест фактически перестал существовать. «Оперпутовская» история меньше всего задела евразийскую работу в СССР, так как контакт евразийцев с Трестом был сведен до минимума, и у нас пострадало лишь несколько отдельных человек.

...Нельзя, однако, не усмотреть последствий «оперпутовской истории» в той травле и клеветнической кампании, которая значительно позже поднялась против евразийства в эмигрантской прессе.

Настоящая краткая записка показывает, насколько эта кампания извращает дей-

---

⁶ Оперпут (Стауниц) — активный деятель «Треста», однозначной точки зрения касательно его роли в указанных событиях нет. По одной из версий он был агентом ГПУ и способствовал разгрому организации, по другой являлся непримиримым противником советской власти и был убит при задержании летом 1927 г. вместе с легендой эмигрантского «активизма» Марией Захарченко-Шульц.

ствительное положение вещей в деле Треста и отношений евразийцев с ним, Делается ли это сознательно или по неведению — безразлично, но по существу важно то, что такая кампания только на руку ГПУ.

ГАРФ. Ф. 5783. Описание 1. Ед. хр. 415. Лл. 45-49.

Шатилов Александр Борисович – кандидат политических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета

**Н.Н. МЫШИНСКАЯ (МГУ)
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ИВАНА ГРОЗНОГО О ЗАДАЧАХ ГОСУДАРСТВА.**

В XVI веке многое переменилось в жизни европейских народов. На континенте еще господствовал феодальный строй, тогда как в передовых западноевропейских странах стали зарождаться буржуазные отношения. Германия и Италия ещё не смогли преодолеть феодальную раздробленность, в то время как Франция и Англия уже превратились в абсолютистские централизованные монархии. На востоке же Европы возникла огромная держава — единое Российское государство.

Страны Восточной Европы достигли в XVI веке крупных экономических успехов, выразившихся в расцвете торговли и ремесел, в росте городских центров. В силу неблагоприятных исторических условий, среди которых немаловажную роль сыграло татарское нашествие, Русское государство несколько отставало в своем развитии от своих западных соседей. Губительные последствия иноземного ига давали о себе знать в течение длительного времени.

Политическое развитие России в XVI веке было отмечено противоречиями. Объединение русских земель в рамках одного государства не могло привести к немедленному исчезновению многочисленных пережитков феодальной раздробленности, которые опутывали русское общество. Между тем потребности политической централизации диктовали необходимость преобразования отживших институтов. Это время и сформировало сложную личность Ивана Грозного.

Едва ли в русской истории найдется другой исторический деятель, который получил бы столь противоречивую оценку у потомков. Одни считали его выдающимся военачальником, дипломатом и писателем, образцом государственной мудрости. В глазах других он был тираном, почти сумасшедшим.

Где истина? В чем заключались его государственные преобразования? Ответ на такие вопросы могут дать только исторические факты и сочинения самого Ивана Грозного.

Вторая половина XVI в. — важный этап в истории Русского государства. Поворот от боярского правления к реформам и последовавшая затем опричнина — таковы важнейшие вехи политического развития того времени. XVI век в истории России, равно как и в других государствах, был движением вперед, и проходило оно с кровью, войнами, насилием, угнетением. Однако в России эта общая закономерность приняла более жестокие и тяжелые формы.

Историография

Противоречивость личности Ивана Грозного и неоднозначность оценки его деятельности отмечены практически во всех посвященных ему трудах. Впрочем, еще современники царя подчеркивали многоликость его деяний. Так Андрей Курбский, рассказывая об «Истории о великом князе Московском», считает необходимым сначала похвалить «прежде доброго и нарочитого царя», и только затем подробно рассказать о его злодеяниях¹. «Муж чудного рассуждения, в науке книжного поучения доволен и многоречив зело, ко ополчению дерзостен и за свое отечество стоятелен», — написано о нем в 20-е годы XVII века, и там же добавлено: «...на рабы своя, от бога данные ему,

---

¹ Курбский А.М. История о великом князе Московском. Спб., 1913. Стб. 1-2, 10-13, 50-52, 99-116.

жестокосерд велми и на пролитие крови и на убиения дерзостен и неумолим. Множество народу от мала даже и до велика при царстве погуби...»²

Позднейшие оценки правления Ивана Грозного расходятся еще больше. Так, для В.Н. Татищева все, что написано о царе негативного — «плод пристрастия». Сам же он считает, что «сей государь к распространению своего государства, к приобретению славы и богатства великую ревность и прилежание имел»³. Н.М. Карамзин, в противоположность Татищеву, пишет о Грозном: «Жизнь тирана есть бедствие для человечества, но его история всегда полезна для государей и народов: вселять омерзение ко злу есть вселять любовь к добродетели...»⁴.

До середины XIX века при рассмотрении периода правления Ивана Грозного превалировала оценка личности царя. Появление нового подхода связано с именем историка С.М. Соловьева. «Долго Иоанн Грозный был загадочным лицом в нашей истории, — писал он, — долго его характер, его дела были предметом спора. Причина недоумений и споров заключалась в незрелости науки, в непривычке обращать внимание на связь, преемство явлений. Иоанн IV не был понят потому, что был отделен от отца, деда и прадедов своих», оттого и не видна была «борьба старого с новым»⁵. Целью же исторического процесса по Соловьеву было создание государства, могучей и обширной империи. Если Карамзин в своем труде опирался на произведения Курбского, то для Соловьева важнейшим источником стали послания самого Грозного Курбскому. Спор царя и Курбского истолкован как спор сторонников нового (начал «государственных») и старого (начал «родовых»).

Академик С.Ф. Платонов попытался развить концепцию Соловьева и наполнить её более конкретным содержанием, определяя опричнину как реформу, направленную якобы против бояр-княжат, потомков удельных и великих князей, которых Грозный выселял с их родовых земель. Исследовательская работа по изучению царствования Ивана Грозного продолжалась в советской науке до конца 30-х годов. Ощущавшееся сходство режима Сталина с режимом Ивана Грозного привело к резким изменениям в трактовке этой исторической темы. Официальная установка диктовала всему, что писали тогда о Грозном, апологетический характер⁶.

«Иоанн был, конечно, вполне подходящим человеком для решения тех великих задач, которые достались ему в наследие от предков, — по собиранию Русской земли под единою властью Московских государей ... Русский народ, чуткий и отзывчивый, оценил, конечно, все тяжелые условия, в которых царствовал Иоанн... Казни эти совершались им только во имя блага всей земли — для искоренения крамолы, и если при этом гибли иногда невинные, то справедливо карались и виновные...»⁷

Удивительным на первый взгляд было сходство в отношении к Ивану Грозному между историками, считавшимися марксистами и принадлежавшими, казалось бы, к противоположному направлению исследователями. Р.Ю. Виппер занимал в предреволюционной исторической науке либеральную позицию, но после революции его взгляды претерпели кризис, и опубликованная в 1922 году книга «Иван Грозный» была апологетической: царь сопоставлялся с западными абсолютными монархами XVI века, а также всячески подчеркивалось, что в жестокости он их не превосходил.

В исследованиях советских историков 1930-1940-х годов истории России XVI века, преимущественное внимание уделялось политическим преобразованиям и право-

² Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI- начало XVII в. Вып. 9. М., 1987. С.422.

³ Татищев В.Н. История Российская с древнейших времен. М., 1988.С. 182.

⁴ Карамзин Н.М. История государства Российского. Москва, 1990.Т. VIII. С.260.

⁵ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М.,1960. Кн.3.С.704-705.

⁶ Богатырев С.Н. История создания психологического портрета Ивана Грозного. М.,1997. С. 45.

⁷ Нечволодов А. Сказания о Русской земле. Спб., 1913. Ч.4. С.263-264.

вой стороне феодальных отношений. В исторической науке постепенно прочно утвердилось представление о том, что по сравнению с государственным строем периода феодальной раздробленности централизованное монархическое государство было относительно прогрессивней, и его образование способствовало хозяйственному и культурному развитию страны, сохранению ее государственной независимости и успешному отпору внешним врагам. Это представление нашло отражение в книгах И.И. Смирнова и С.В. Бахрушина «Иван Грозный», хотя все они были посвящены не биографии первого русского царя, а истории России того периода в целом.

Все это привело к преувеличенной оценке исторической роли Ивана Грозного, оправданию его личных пороков и отрицательных явлений времени его правления, в частности опричнины.

После 1953 года апология прекратилась. Тогда и были опубликованы труды С.Б. Веселовского, не изданные при его жизни. Но едва ли можно говорить о создании какой-либо развернутой и последовательной характеристики эпохи Грозного. Чаще всего мы встречаемся с традиционными рассуждениями по принципу: с одной стороны, — царь, конечно, был жестоким тираном, погубил множество людей, но, с другой стороны, при нем были присоединены Казань, Астрахань, Западная Сибирь.

Сопоставление русского удельного порядка до Грозного с порядками западного феодализма провел русский историк XX века Н.П. Павлов-Сильванский. Сходство целого ряда институтов неоспоримо. Древнерусское общество к концу XV — началу XVI было по преимуществу сельскохозяйственным, основанным на внеэкономическом принуждении, с развитой иерархической системой власти и подчинения.

Обращаясь к размышлениям С.М. Соловьева об Иване как носителе новых начал, Г.В. Плеханов писал: «Весь вопрос в том, что именно внес Иван IV в теорию и практику Московского государства... Введенная им новизна означала полное уничтожение всего того, что так или иначе задерживало окончательное превращение жителей Московского государства в рабов перед лицом государя, совершенно бесправных как в личном, так и в имущественном отношении». Противопоставляя самодержавие Ивана Грозного западной абсолютной монархии, где абсолютизм лавировал между феодалами и буржуазией и не мог не считаться с общественными силами, Плеханов характеризовал Грозного как идеолога «самодержавной власти в восточном смысле слова»⁸.

Но даже не входя в эту теорию по существу, не выясняя меру сходства между Российским и Турецким или Персидским государствами, необходимо подчеркнуть то глубокое и принципиальное разное различие, которое существовало между централизованными государствами Англии и Франции, основывавшимися на развитии буржуазных отношений и социальных компромиссах, и централизованным Российским государством, основывавшимся на подавлении всех основ буржуазных отношений, на внеэкономическом принуждении. Судьбы русских крестьян царя вовсе не интересовали. Государственный порядок представлялся ему идеальным, и недовольными могли быть только изменники⁹. Эта уверенность ясно демонстрирует, что Иван IV стремился отнюдь не изменить русскую жизнь, а, напротив, сохранить и укрепить тот ее уклад, что сложился еще в ордынские времена¹⁰.

Исследования последних лет позволили прийти к выводу о том, что реформы государственного аппарата в 1530-1550 гг. начались с местного управления, а это вызвало в дальнейшем необходимость перестройки центральных органов власти. Начало анализу процесса складывания местных органов централизованного аппарата насилия

⁸ Плеханов Г.В. История русской общественной мысли. М., 1914. Т.1. С.191-192.

⁹ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С.232.

¹⁰ Мапельман В. Три концепции политической морали, неоднократно производимые в России.// Наука и жизнь.1995. №12. С. 16.

положила основанная на большом фактическом материале, монография Н.Е. Носова¹¹, специально изучившего возникновение и развитие институтов городских приказчиков и так называемых губных старост. Исследованиями Н.Е. Носова и С.М. Каштанова¹², подчеркивается классовая сущность этих реформ, опровергается утверждение русской дореволюционной и современной зарубежной буржуазной историографии о том, что они якобы отвечали интересам народа.

А.А. Зимин исследовал роль дворцового управления в процессе уничтожения самостоятельности отдельных княжеств и в централизации местного управления, а также состав Боярской думы и наместников в XVI веке¹³. В монографии А.К. Леонтьева детально изучаются основные реформы в области приказного управления в первой половине XVI в. Автор попытался установить несколько этапов этих реформ и показал, что образование каждого из приказов имело свои специфические особенности и являлось «результатом синтеза деятельности ряда существовавших в то время ведомств»¹⁴. Так, именно в период правления Ивана Грозного начинают закладываться две важнейшие темы русской истории — самодержавие и крепостное право.

Источниковедение

В данной работе в качестве источника используется «Переписка Ивана Грозного с Курбским», перевод которого был осуществлен Я.С. Лурье и О.В. Твороговым под редакцией Д.С. Лихачева. К сожалению, текст переписки не дошел до нас в современных ей списках, бурные годы опричнины не способствовали сохранению литературных памятников. Существование полемики между Иваном Грозным и князем Курбским отмечено в документах XVI века, но сами послания дошли до нас в отдельных списках и сборниках с первой трети XVII века. Данное издание полностью посвящено переписке Грозного с Курбским, ему предшествовала длительная работа детального изучения рукописей, посланий.

Появлению писем Ивана IV способствовала интрига Старицких «государей»: бояре хотели заменить неугодного им царя Ивана IV его двоюродным братом-князем Владимиром. Вина Старицких была очевидной для Ивана Грозного, и царь отдал приказ о конфискации их княжества и о предании суду удельных владык. Так, начались первые судебные процессы против измены государю. После полоцкой кампании в руки Морозова попал литовский пленник, заявивший, что литовцы собирают свои силы под Стародубом, наместник которого обещал им сдать крепость. Морозов поспешил сообщить о показаниях пленника царю. Во время суда были выявлены новые изменники, в результате власти обвинили всех родственников покойного правителя Стародуба. Вскоре в проскрипционные списки стали записывать не только «сродников», но и друзей и соседей. Жертвами террора стали «великие» бояре Иван и Никита Шереметевы, бояре и князья Репнин, Юрий Кашин и многие другие.

Страх и подозрения омрачили взаимоотношения Ивана Грозного с его прежними друзьями, к числу которых принадлежал князь Андрей Михайлович Курбский. Царя

---

¹¹ Носов Н. Е. Очерки...

¹² Каштанов С.М. К проблеме местного управления в России первой половины XVI века.// История СССР. №6, 1959.

¹³ Зимин А.А. О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV-XVI в.// История СССР. М.,1958. Т.63; Он же. Состав Боярской думы в XV-XVI веках.// Археологический ежегодник за 1957 год; Он же. Список наместников в первой половине XVI в. Археологический ежегодник за 1960 год.

¹⁴ Леонтьев А.К. Образование приказной системы управления в Русском государстве: Из истории создания центрального государственного аппарата в конце XV-первой половине XVI в. М.,1961. С.193.

уязвило «согласие» князя с изменниками, и он подверг воеводу «малому наказанию», отправив его в крепость Юрьев с почетным титулом наместника Ливонии¹⁵. Пробыв год на воеводстве, Курбский 30 апреля 1564 года бежал в литовские владения, в спешке бросив почти все имущество. Причиной было то, что московские друзья тайно предупредили боярина о грозящей ему царской опале. Находясь в Ливонии, Курбский решил объясниться с царем. Усилия беглого боярина были направлены на доказательство того, что его измена была вынужденным шагом человека, подвергшегося преследованиям на родине.

Так началась полемика двух выдающихся публицистов XVI века, отразившаяся во всех их формально адресованных посланиях. «Из деловой переписки и постановлений, принимаемых в ответ на челобитья, Грозный усвоил, видимо, распространенную манеру ответов на письма. В начале обычно излагалось содержание документа или части документа, из которого составлялся ответ или по которому принималось решение. Изложение было кратким, по возможности близким к тексту, иногда дословно близким...»¹⁶

Грозный как бы повторяет вслед за своим противником его аргументы, а затем разбивает, отмечая, что возражения противника и сам противник достойны только смеха: «...тем же убо смеху принадлежит сие», «и аще убо, подобно тебе, хто смеху быти глаголет, еже попу повиноватися». Лихачев охарактеризовал царя так, «он «вел себя» в своих посланиях совершенно так же, как в жизни, писал так, как говорил, обращался в посланиях к своим противникам так, будто бы они были непосредственно перед ним, в своих сочинениях с удивительной непосредственностью высказывая свой характер»¹⁷

В письмах царь обращается не только к Курбскому, но и к другим «крестопреступникам», постоянно употребляя обращения «вы», «ваши». Скорей всего послание было обращено и к зарубежным читателям или слушателям, хорошо знакомым с посланием Курбского и прислушивающимся к его рассказам о России и Иване Грозном. Царя возмущал сам факт, что там, за рубежом, обсуждают его поступки: «Доселе русские владетели не истязуемы были ни от кого же, но повольны были подвластных своих жаловати и казнити, а не судилися с ними не перед кем»¹⁸.

В посланиях царь доказывал, что истинной является монархия с неограниченной властью. Аргументами служат прежде всего факты из прежней истории, согласно которым «самодержавство» существует в Русской земле «божиим соизволением» «издревле» — с князя Владимира Святославича¹⁹. Однако в малолетство Ивана IV «бояре и вельможи» «от бога державу данную мне от прародителей наших отторгли»²⁰. Это, по мнению царя, грозило гибелью государству. Теперь настало время вернуть самодержавную власть, при которой не царь действует для блага подданных, а обязанностью их является верная служба государю. Все жители страны — от холопа до князя — это ударевы холопы. «А жаловати есмь своих холопей вольны, а казнити вольны же»²¹ — так лаконично сформулировал царь свой принцип неограниченного правления.

Произведения Грозного принадлежат эпохе, когда индивидуальность уже резко проявилась у государственных деятелей, и в первую очередь у самого Грозного. Сознание необходимости реформ достигло крайнего напряжения в царствование Ивана IV. Деятельность царя очутилась в центре внимания русской литературы. Она подверглась

¹⁵ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С.134.

¹⁶ Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1979.

¹⁷ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 201.

¹⁸ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1972. С.146.

¹⁹ Там же. С. 122.

²⁰ Там же. С.138-139.

²¹ Там же. С.141.

обсуждению: одни осуждали его, другие одобряли. Грозный — политический деятель, стремившийся доказать разумность, правильность своих поступков и действовать силой убеждения не менее, чем террором и приказами.

I Обоснование права на правление

Конец XV века и век XVI — это период образования и укрепления русского централизованного государства. В связи с этим на смену старым пришли новые взгляды на власть «великого князя всея Руси», которые по-новому позволяют рассматривать его деятельность, задачи и положение в государстве. Появляются реформаторы государственной и социальной жизни России. Под влиянием назревших экономических потребностей начинают меняться старые порядки в государственном управлении и в быту, в церковной организации и культурной жизни. Усиливалась борьба между классами, а внутри класса феодалов — между старым боярством и поднимающимся дворянством, которое требовало усиления государственного управления.

I.1. Наследственный характер власти

Государственная идея об исторической преемственности власти московских великих князей от князей владимирских и киевских, а через них — от византийских императоров была воплощена в «Сказании о князьях Владимирских», на которое опирается в своей переписке Иван Грозный.

«Богом нашим Иисусом Христом дана была едиnorodного слова божия победоносная и во веки непобедимая хоругвь- крест честной первому из благочестивых царю Константину и всем православным царям и хранителям православия ... искра благочестия достигла и Российского царств. Исполненное этого истинного православия самодержавство Российского царства началось по божьему изволению от великого князя Владимира, просветившего Русскую землю святым крещением, и великого князя Владимира Мономаха, удостоившегося высокой чести от греков, и от храброго великого государя Александра Невского, одержавшего великую победу над безбожными немцами, и от достойного хвалы великого государя Дмитрия, одержавшего за Доном победу над безбожными агарянами, вплоть до отомстителя за неправды деда нашего, великого государя Василия, и до нас, смиренных скипетродержателей Российского царства»²².

Иван Грозный создавал представление, будто его венчание на царство было не чем иным, как принятие принадлежавшего ему родительского и, следовательно, исконно русского царского венца русских самодержцев. «Российского Царствия самодержавство божьим изволением почен от великого царя Владимира Мономаха ... Мы же ... божьим изволением ... яко же родихомся во царствии, тако и воспитахомся, и возрастхом, и воцарихомся ... »²³, — так писал царь в своем «отвещании» Курбскому.

Царь с гордостью заявляет, что он ни у кого не похитил престол, а законно получил его по наследству от отца: «Меня батюшка пожаловал, благословил государством, да и взрос есми на государстве»²⁴

Иван IV являлся сторонником и идеологом неограниченной монархии. Его политическим идеалом было патриархальное «православное истинное христианское самодержавство»²⁵ Царю бог поручил «владеть» царством и «строить» его, то есть — быть владыкой над подданными и направлять свою власть на государственное устройство²⁶.

---

²² Там же. С.122.

²³ Там же. С.321.

²⁴ Там же. С.210.

²⁵ Там же. С.10,71,125.

²⁶ Там же. С.27-28, 87-88.

I.2. Помазанник божий

Среди основных задач государства Иван Грозный особо выделял необходимость учения о покорности подданных царю и борьбу против политического безвластия. Богом не только создано государство, но и передана власть над ним непосредственно царю — помазаннику Божию. По идее русской монархии, только Бог является источником власти монарха. Эта мысль была с предельной четкостью сформулирована Иваном Грозным в одном из его писем князю Курбскому. «Ваше дело холопые повиноваться, а я за вас отвечу перед богом!»

II Право на неограниченность власти царя

Недостаточная последовательность политики Грозного вовсе не означает, что эта политика не имела идеологического обоснования и не могла рассчитывать на поддержку определенных общественных слоев. Черносошные крестьянские земли были заменены помещным землевладением; местное самоуправление сменено дворянской администрацией; все это привело к установлению «военно-феодальной диктатуры дворян-крепостников как наиболее верной и надежной в глазах опричного правительства Ивана Грозного опоры самодержавного строя»²⁷.

II.1. Единовластие

«Если не будет единовластия, то даже если и будут люди крепки, и храбры, и разумны, но все равно уподобятся неразумным женщинам, если не подчиняться единой власти»²⁸. Грозный, формулируя идею «божественного происхождения» своей власти, настаивал на своей особой ответственности лишь перед богом за врученное ему государство. Иосифлянский тезис о божественном происхождении царской власти содержал в себе идею нравственного руководства государством и, соответственно, особо важного влияния церкви на царя. В своей концепции о государстве Иван Грозный сделал упор на другую сторону вопроса — право на неограниченность и неподконтрольность своей власти, как полученной от самого бога. Писания говорят о том, что «дети не должны противиться родителям, а рабы господам ни в чем кроме веры»²⁹. «Разве это и есть «совесть прокаженная» — держать свое царство в своих руках, а своим рабам не давать господствовать? Это ли «против разума» — не хотеть быть под властью своих рабов? И это ли «православие пресветлое» — быть под властью и в повиновении у рабов?»³⁰.

Сила русских правителей заключается в том, что они «изначала сами владеют своим государством, а не их бояре и вельможи!»³¹ Те же страны, где цари были «послушны епархом и сигклитом», в «погибель приидоша»³². Царь является верховным владыкой для своих подданных и за свои действия не несет ответственности ни перед кем кроме Бога. «До сих пор русские властители ни перед кем не отчитывались, но вольны были жаловать и казнить своих подданных, а не судились с ними ни перед кем»³³.

Царь верил, что народовластие или хотя бы его подобие есть нечто безобразное по сравнению с властью самодержца, руководимого одной силой проведения. «Мы же

²⁷ Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969. С. 9-13.

²⁸ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1972. С.134

²⁹ Там же. С.124.

³⁰ Там же. С.125.

³¹ Там же. С.126.

³² Там же. С.26, 87-88.

³³ Там же. С.144.

уповаем на милость Божию ... и, кроме Божия милости и пречистой Богородицы и всех святых, от человек учения не требуем, ниже подобно есть, еже владети множества народа от инех разума требовати».³⁴ «Ибо всегда царям следует быть осмотрительными: иногда кроткими, иногда жестокими, добрым же — милосердие и кротость, злым же — жестокость и муки, если же нет этого, то он не царь. Царь не страшен для дел благих, а для зла. Хочешь не бояться власти, так делай добро...»³⁵

II.2. Покорность Богу и царю

«Почему же ты презрел слова апостола Павла, который вещал: «Всякая душа да повинуется владыке, власть имеющему; нет власти как от бога: тот, кто противится такой власти, противится божьему повелению»... Кто противится Богу — тот именуется отступником, а это наихудший из грехов... (апостол Павел): Слушайся своих господ... повинуйся не только добрым, но и злым, не только за страх, но и за совесть».³⁶ Царь был уверен, что служить ему — нравственный и христианский долг его подданных.

Сам Господь поручил их ему в «работу», то есть в рабство и повиновение. Царь, например, утверждал, что Курбский, совершив побег, не только сам стал «крестопреступником», но и своих «прародителей души погубил», ибо они были даны в «работу» еще Ивану III и «вам, своим детям приказали служить деда нашего детям и внучатом».

Самодержавную власть Грозный считал единственно возможной формой правления. С презрением пишет он о тех «безбожных» государях, которые «царствую своим не владеют, како повелят работные». Царь и деятелей Избранной Рады обвинял прежде всего в узурпации царской власти: они «во всем свое хотение улучиша», «от прародителей наших данную нам власть от нас отъяша». Иван Грозный же считал, что верность своему господину в любых обстоятельствах, вне зависимости от того, прав или нет господин, — священный долг подданного.

Права верховной власти, в понятиях царя, определяются христианской идеей подчинения подданных. Этим дается широта власти, в этом же ее пределы. Но в указанных границах безусловное повиновение государю, как обязанность, предписанная верой, входит в круг христианского благочестия. Если царь поступает жестоко или даже не справедливо, то это его ошибка. Однако это не освобождает подданных от повиновения. Если даже Курбский и прав, порицая Ивана Грозного, как человека, это не дает ему права противиться божественному закону. «Если ты праведен и благочестив, то почему же ты не захотел от меня, строптивого владыки, пострадать и наследовать венец жизни?» «Не полагай, что это справедливо — разъярившись на человека, выступить против бога; одно дело — человек, даже в царскую порфиру облеченный, а другое дело — бог».

Иван Грозный, ссылаясь на опыт боярского правления в 30-40-х годах XVI века, доведших страну до развала, обвинял своих недавних советчиков в корыстолюбии и непонимании государственных интересов. Ссылаясь на многочисленные тексты «священного писания» и подчеркивая древность царского рода, Иван Грозный отрицал этим право бояр на любое участие в управлении государством. Никто, в том числе и священнослужители, не могут вмешиваться в дела светской власти. «Блаженный и дарованный нам богом законодатель справедливо почитает того недостойным управлять церковью, кто не умел хорошо управлять своим домом...»³⁷

---

³⁴ Там же. С.356.

³⁵ Там же. С. 129.

³⁶ Там же. С.124.

³⁷ Там же. С.159.

К тезису Курбского о старинном праве свободного отъезда бояр к другому государю Грозный приравнял понятие государственной измены. Бояре, как сословие и общественная группа, не были единственным объектом опричного террора, однако это не мешало делать из них удобную мишень в идеологическом споре.

Проблема тяжелой жизни крестьян совершенно не интересовала Ивана Грозного, он не принимал никаких мер по улучшению их положения. Это подчеркивается и в его переписке с Курбским, в которой он говорит лишь о необходимости беспрекословного подчинения холопов.

II.3. Церковь и государство

«Блаженный и дарованный нам богом законодатель справедливо почитает того недостойным управлять церковью, кто не умел хорошо управлять своим домом...»³⁸ Церковь должна следить за тем, чтобы нравственные устои постоянно поддерживались и соблюдались.

Именно церковь должна заниматься воспитанием граждан, быть верховным нравственным авторитетом во всех вопросах. Для истинно верующего христианина монархическая форма правления является сама собой разумеющейся. Согласно высказываниям Ивана Грозного, повиновение православному царю является частью христианского благочестия. Немало полемических усилий затратил он на доказательства тезиса: даже церковь не имеет права покушаться на государственную власть. «Или мниши сие быти светлость и благочестие, еже обладатися царству от попа невежи, от злодейственных и изменных человек, и царю повелеваему быть? — с сарказмом спрашивает царь Курбского. — Нигде же обрящеши, еже не разоритися царству, еже от попов владому»³⁹.

Он приводит множество примеров гибели различных царств, где управляли священники-«попы». Из-за них, утверждает Грозный, погибли Израиль, Рим и Византия. Обзор примеров на эту тему он заключает выводом: «Смотри же убо тамо быша царие послушные епархом и сигклитом, и в какову погибель приидоша. Сия ли Убо нам советуеши, в еже таковой погибели приитти?»⁴⁰. Никто, в том числе и священнослужители, не могут вмешиваться в дела светской власти. «Не видишь разве, что власть священника и управителя с царской властью несовместима?»⁴¹

По мнению Грозного, православная вера исключает поддержку церковью притязаний подданных государя на власть. «И се ли православие пресветлое, еже рабы обладанному и повеленному быти?»⁴². Всемирная история была для Грозного неисчерпаемым арсеналом аргументов против ограничения власти монархов, к которому он неустанно обращался. В первом послании Курбскому царь в наиболее законченном виде излагает свою собственную историческую концепцию всемирной истории от империи Августа до падения Константинополя. В ней все подчинено единой мысли, все служит доказательству главного опыта мировой истории, как его понимал Грозный: при единодержавии царства процветают, при самоуправстве священников они разрушаются. «Нигде ты не найдешь, чтобы не разорилось царство, руководимое попами...»⁴³

III Задачи государства и монарха

---

³⁸ Там же. С.159.

³⁹ Там же. С.314.

⁴⁰ Там же. С. 31.8

⁴¹ Там же. С.131.

⁴² Там же С. 343.

⁴³ Там же. С. 130.

Своеобразие идеологической позиции Ивана Грозного заключалось в том, что идея нового государства, воплощавшего правую веру, «изрушившуюся» во всем остальном мире, освобождалась у него от прежних вольнодумных и социально-реформаторских черт и становилась официальной идеологией уже существующего «православного истинного христианского самодержавства».

III.1. Защита государства от внутренних врагов

Поэтому главной задачей становилось не проведение реформ в государстве, а защита его от всех антигосударственных сил, которые «растлевают» страну «нестроением и междоусобными браньями». Испытывая враждебность к «вельможам», царь делает из этого важный вывод: негодных и бояр-изменников должны были сменить новые люди. «Неужели не следует казнить разбойников и воров? А ведь лукавые замыслы этих преступников еще опаснее! Тогда все царства распадутся от беспорядка и междоусобных браней. Что же должен делать правитель, как не разбирать споры своих подданных?»⁴⁴

«Я же усердно стараюсь обратить людей к истине и свету. Чтобы они познали единого истинного бога, в Троице славимого, и данного им богом государя и отказались от междоусобных браней... Если царю не повинуются подданные, они никогда не оставят междоусобных браней...»⁴⁵ «А всеми родами мы вас не истребляем, но изменников повсюду ожидает расправа и немилость...»⁴⁶ Условием могущества страны является повиновение граждан возглавляющему ее правителю: «Слушайся своих господ... повинуйся не только добрым, но и злым, не только за страх, но и за совесть»⁴⁷ — Любая же попытка бояр и вельмож захватить власть ведет к усобицам и опасна для целостности государства.

В шести словах Иван Грозный сумел выразить основную социальную сущность своего отрицания представительной системы правления: «Тамо особь каждо о своем печеся ...»⁴⁸. Вот в чем, по его убеждению, корень зла. Соответственно единовластие государя, неподвластного чьим бы то ни было частным или сословным интересам, является единственной действительной гарантией соблюдения всегда и во всем государственных интересов. Самодержавие — истинный представитель не «особь каждого» и не отдельных сословий, а «всей земли». Свои мысли о самодержавии Грозный аргументирует примерами из истории. В том числе, он ссылается на судьбу Византийской империи, погибшей из-за междоусобных распрей местных правителей.

В.О. Ключевский обратил внимание на «историческую угрозу» боярам, высказанную царем в послании: «может бо бог и от камня сего воздвигнути чада Аврааму»; не менее выразительно звучали за несколько месяцев до опричнины слова: «...а з божиею помощью имеем у себе воевод множество и опричь вас, изменников». Царь по личному опыту обрисовывает бедствия, настроения и мятежи, порождаемые боярским самовластием. Расхитив царскую казну, самовластники набросились и на народ: «Горчайшим мучением имения в селах живущих пограбили».

Положить этому конец может лишь самодержавие. «Князья твои не благочестивы, сообщники воров, любители мзды, и ждут подарков, не в пользу бедных вершат суд и не внемлют обиженным вдовам»⁴⁹. «Подумай, какое управление бывает при многоначалии и многовластии, ибо там цари были послушны епархам и вельможам, и как по-

⁴⁴ Там же. С.128.

⁴⁵ Там же. С.144.

⁴⁶ Там же. С.148.

⁴⁷ Там же. С.124.

⁴⁸ Там же. С. 268.

⁴⁹ Там же. С.132.

гибли эти страны»⁵⁰ «в этом ли состоит достойная служба нам наших бояр и воевод, что они, собираясь без нашего ведома в такие собачьи стаи, убивают наших бояр, да еще наших родственников? И так ли душу свою за нас полагают, что всегда жаждут отправить душу нашу из мира сего в вечную жизнь? Нам велят свято чтить закон, а сами нам в этом последовать не хотят!»⁵¹

Иван Грозный ставил перед собой задачу несколько ограничить права и привилегии крупных вотчинников, без чего была невозможна дальнейшая централизация государственной власти. Государственное управление по мнению Ивана Грозного должно представлять собою стройную систему. «Как дерево не может цвести, если корни засыхают, так и это: аще не прежде строения благая в царстве будут, то и храбрость не проявится на войне». «Так же не приемлемо и ваше желание править теми городами и областями, где вы находитесь. Ты сам своими бесчестными очами видел, какое разорение было на Руси, когда в каждом городе были свои начальники и правители, и потому можешь понять, что это такое»⁵².

«Подданным своим воздаем добром за добро и наказываем злом за зло, не желая этого, но по необходимости, из-за злодейских преступлений их и наказание следует»⁵³. Благо подданных Грозный объявлял главной целью своего существования: «... за них желаем против всех враг их томко до крови, но и до смерти пострадати»; «Аз убо уверую, о всех своих согрешениях вольных и невольных суд прияти, ми ... и не томко о своих, но и о подвластных дати ми ответ, аще что моим несмотрением погрешится».

III.2. Защита государства от внешних врагов

Российское государство, по словам Ивана Грозного, было бы уничтожено так же как и другие, если бы царь остался без реальной власти. Без царя праведные войны будут проиграны, так как христианский Бог на стороне лишь справедливой власти. «Если бы и христиане были в тех странах, то мы воюем по обычаям своих прародителей, как и прежде многократно бывало; но сейчас, как нам известно, в этих странах нет христиан, кроме мелких церковных служителей и тайных рабов господних. Кроме того, и война с Литвой вызвана вашей же изменой, недоброжелательством и бессовестной нерадивостью»⁵⁴. «Бывали такие походы на Казанскую землю, когда бы вы ходили не по принуждению?»⁵⁵

«Никаких козней для истязания христиан мы не придумываем, а, напротив, сами готовы пострадать ради них в борьбе с врагами не только до крови, но и до смерти»⁵⁶. Для защиты Российского государства от иноземных захватчиков, для существования государства Иван Грозный подчеркивал необходимость служилых людей — «воев»: «На заец потреба множество псов, на враги множество вои: како убо безлепа казнити подвластных, имуще разум!» Служилая масса с ее постоянными требованиями жалования и притязаниями на земли, на привилегии, с ее стихийными вооруженными выступлениями, с ее мятежными колебаниями в моменты выступлений царского войска в походы была главной политической и военной опорой самодержавия, его социальной базой. Именно поэтому ее было необходимо организовать и укрепить.

* * *

---

⁵⁰ Там же. С.134.

⁵¹ Там же. С.139-140.

⁵² Там же. С.134.

⁵³ Там же. С.155.

⁵⁴ Там же. С.123.

⁵⁵ Там же. С.146.

⁵⁶ Там же. С.155.

Отвечая на письма князя, Иван Грозный подчеркивает, что главной задачей было сохранение территориальной целостности государства, единства власти и установление единовластного монархического правления. Для этого он считал необходимым обосновать свое право на царствование, на неограниченную и неподконтрольную власть. Право же на царствование он подтверждал наследственностью и исторической преемственностью власти царя, не подконтрольность — божественным происхождением власти. В результате, в отличие от западноевропейских монархий, Иван Грозный претендовал на личную ответственность перед Богом. А все его подданные от крестьян до высшей знати и священнослужителей подотчетны царю — «ставленнику Божиему».

Лишь царь имел право принимать решение кого казнить, а кого миловать. В силу исключительности его положения, Иван Грозный мог и был даже обязан ограничить в правах своих подданных (боярско-княжескую оппозицию и их привилегии), так как от этого напрямую зависела судьба целостности и жизнеспособности государства.

Наглядным примером для подтверждения своей позиции царю служили трагические истории исчезновения прежде великих империй. Именно поэтому в своей переписке с Курбским Иван Грозный развивает идею о необходимости сильной самодержавной власти, именно поэтому он говорит лишь о центральной власти, не вдаваясь в подробности работы всей системы органов власти.

На данном этапе Иван Грозный, борясь с мятежами и изменами феодалов, видел в них главную причину неудач своей политики. Опричнина не уничтожила окончательно боярско-княжеского землевладения, но сильно ослабила его мощь. Была подорвана политическая роль боярской аристократии, выступавшей против централизации. Но в момент написания писем Курбскому Иван Грозный ещё не подозревал, что впоследствии ему придется столкнуться с новым проявлением сепаратизма, и на этот раз со стороны верхушки опричников. Неоспорима в этот период необходимость борьбы с феодальными пережитками, потребность централизации и укрепление государственности, вопрос стоял лишь о путях и методах реализации.

Существовала ли для Русского государства XVI века какая-либо альтернатива той самодержавной деспотии, которая утвердилась во второй половине века? Вопрос этот был поставлен в монографии Н.Е. Носова, отметившего, что объединение русских земель в конце XV-начале XVI в., включение в состав Русского государства обширных земель с черносошным крестьянским землевладением и вызвало в первой половине XVI в. «такой интенсивный подъем экономики, который мог явиться началом сдвигов буржуазного, вернее предбуржуазного свойства». Но развитие этих предбуржуазных отношений, как и связанное с ним становление сословно-представительных учреждений, было предотвращено объединенными силами господствующего класса еще середины XVI в.

Плеханов же настаивал на тезисе, что: «Весь вопрос в том, что же именно внес Иван IV в теорию и практику московского государства <...> Введенная им новизна означала полное уничтожение всего того, что так или иначе задерживало окончательное превращение жителей Московского государства в рабов перед лицом государя, совершенно бесправных как в личном, так и в имущественном отношении»⁵⁷

К ситуации сложившейся при Иване Грозном, подходят слова Н.М. Карамзина: «Внутри самодержавие укрепилось. Никто, кроме государя, не мог ни судить, ни жаловать: всякая власть была изливанием воли монаршей. Жизнь, имение зависели от произвола царей, и знаменитейшее в России титуло было не княжеское, не боярское, но титуло слуги царева». «Правда пишет далее историк, — и у нас писали: «Государь указал, бо-

---

⁵⁷ Плеханов Г. В. История русской общественной мысли. Т. 1. М., 1914, с. 191-192.

яре приговорили», но сия законная пословица была на Руси ... панихидой на усопшую аристократию боярскую»⁵⁸.

Сложно сказать, что было бы лучше для государства, так как историю и факты изменить невозможно, возможна лишь разная интерпретация событий.

---

⁵⁸ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России. СПб., 1914. С. 12, 65.

К. Я. ПАРОМОВ (МГУ)
НАИВНЫЙ КОНСЕРВАТОР.
А.И. РОЗИН И ЕГО «ОЧЕРКИ ИЗ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ».

Обладая, по сути, неиссякаемым содержанием, заново интерпретируемым после каждого нового прочтения, любой текст неизбежно говорит больше, нежели хотел и задумал его автор. «Очерки из Крымской войны» А.И. Розина, демонстрирующие ряд центральных противоречий «николаевской» эпохи, одновременно служа памятником ее лучшим чертам, а также и своего рода эпилогом, — с формальной стороны это лишь отчет армейского обер-офицера об участии в военных действиях.

Автор «Очерков», «имея честь сделать всю Крымскую кампанию под знаменем Владимирского полка и, по мере возможности, следя за ходом всех его действий» просто «счел справедливым разъяснить те из них, которые впоследствии, вероятно по недостатку положительных и подробных сведений, остались в исторических описаниях пропущенными или затемненными»¹. «Милостивое Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича (будущего Александра III — *К.П.*) внимание вызвало участников обороны Севастополя к собранию относящихся к тому времени фактов. Призыв этот дал мне смелость к исправлению и дополнению воспоминаниями веденного в продолжение Крымской войны дневника своего»². И действительно, «Очерки из Крымской войны (дневник очевидца)» вскоре по окончании (22 мая 1871 г.) вошли в «Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне Севастопольцами», увидевший свет в следующем 1872 г. в Санкт-Петербурге.

Полный послужной список³ дает следующие сведения об авторе воспоминаний. Александр Иванович Розин родился 1 июля 1823 года, происходил из обер-офицерских детей⁴ Ярославской губернии, куда и удалился по отставке. Причем недвижимого имущества ни родового, ни благоприобретенного за ним на момент отставки не значилось. Вероисповедания Православного. Окончил курс в Ярославском Демидовском лицее (где, кстати, после Калужской гимназии до перевода на медицинский факультет Московского университета недолгое время — осенью 1849 г. — обучался его младший современник К.Н. Леонтьев⁵, к оценкам которого нам еще предстоит обратиться). Служба Розина проходила в строю, некоторое время в должностях полкового адъютанта и казначея⁶, и для ситуации середины XIX в. не отличалась каким-либо своеобразием. Начав унтер-офицером во Владимирском пехотном полку 9 марта 1845 г. (т. е. не полных 22 лет от роду), через год произведен в прапорщики, в 1854 г., к началу описываемых событий, уже год как штабс-капитан и командир роты с 8-го сент. 1854 г. — сражения при р. Альме. За кампанию награжден орденом св. Анны 4-й ст. с надписью «за храб-

---

¹ Сборник рукописей, представленных его императорскому высочеству государю наследнику цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами. М. 1998. С. 189.

² Там же.

³ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 9. Д. 3880. Лл. 12 — 17 об. Послужной список майора 64-го пехотного Казанского е. и. в. вел. кн. Михаила Николаевича полка майора Розина, составлен 19 июля 1868 г.

⁴ Т. е. фактически из дворян. Первое ограничение доступа в дворянское сословие штаб-офицерским чином произошло 11 июня 1845 г.

⁵ Русская социально-политическая мысль XIX — начала XX века: К.Н. Леонтьев. М. 2000. С. 6.

⁶ На должности полковых казначеев назначение до 1876 г. проводилось по результатам выборов всеми офицерами части.

рость»⁷ (отбитие штурма 26 мая), произведен в капитаны (за штурм 27 авг.), а скоро после — 16 дек. 1857 г. — в майоры, в каком чине и прослужил следующие десять лет до отставки, подполковником с мундиром и пенсией в окт. 1868 г.⁸, в должности командира батальона в Казанском пехотном полку той же 16-й пехотной дивизии (куда переведен 10 июля 1858 г.).

«Очерки» — памятник непосредственного участия их автора в боевых действиях в Крыму, длившегося с осени 1854 г. более года. А.И. Розин еще «по случаю войны в Венгрии в 1849 г. находился в походах Армии к западным пределам Империи», «в кампанию в Придунайских княжествах... находился в составе обсервационного корпуса на границе Трансильвании»⁹, а боевое крещение получил в Крыму — у Альмы. Затем, перемежаемые маневрами и стычками, следовали одно за другим в непродолжительном времени — 12 окт. Балаклавское, 24 окт. Инкерманское сражения. Накануне последнего, 23 окт., автор впервые принял команду над батальоном в связи с общим перемещением вверх по должностной лестнице офицеров дивизии, вызванным тяжелыми потерями¹⁰. С 16 апр. 1855 г. и до сдачи города Розин участвовал, командуя то ротой, то батальоном в обороне Севастополя, с перерывом 27 мая — 30 июля на лечение раны в симферопольском госпитале. По оставлении города полк занимал позицию на Мекензиевых высотах, затем, пиведенный в штатный состав, 18 ноября оставил Крым. 12 февр. 1856 г. Александр Иванович, получив предписание о назначении его членом одной из хозяйственных комиссий, убыл из полка и, объездив Херсонскую губернию и Бессарабскую область, встретил известие о заключении мира в Одессе в штабе Южной армии. Этот последний этап его деятельности только обозначен в «Очерках» — автор придерживался требований заказчика. Впрочем, переживание севастопольской эпопеи как эпицентра противостояния, возникшее с самого начала осады и ставшее всеобщим, и без того заставляло всех пишущих о войне концентрироваться на событиях обороны.

Именно в буквальном следовании призыву цесаревича к «сбору фактов» видел свою задачу А.И. Розин. Факт уже сам по себе — как таковой — казался достойным известности, а «реальность фактов исторической действительности усматривалась в их «документированности». И на страницах «Очерков» сами факты предстают «элементарными, неделимыми, неизменными и изолированными друг от друга выражениями действительности... исчерпываемыми по своему содержанию «кирпичиками» реальности, а их совокупность... строго определенной. Никаких сложных исторических фактов сама действительность не содержит... Само же знание может быть лишь чувственно-опытным и должно ограничиваться выявлением фактов об изучаемой реальности»¹¹.

Так, мемуарист лишь раз, да и то вскользь, упоминает о своих личных обстоятельствах: «Получив... из выдававшихся от имени Государыни Императрицы сумм возвращавшимся в Севастополь раненым офицерам 150 рублей и не в зачет третное жалованье, я мог значительно поправить свои финансовые обстоятельства: послать 125 рублей старухе матери и закупить необходимое»¹². А ведь в конце 1853 г. автор «Очерков»

⁷ Самая массовая боевая награда Крымской войны. См. напр.: Волков С.В. Русский офицерский корпус. М. 1993. С. 341.

⁸ РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 3880. Л. 18, 19.

⁹ Там же. Л. 14 об.

¹⁰ После Альминского сражения полк «разсчитан был в один батальон... составив роту из каждого батальона», в Инкерманском сражении участвовал уже в трехбатальонном составе, а в конце апр. 1855 г. был переформирован в двухбатальонный состав.

¹¹ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М. 2003. С. 141 — 142.

¹² Сборник рукописей... С. 255.

подал прошение об отставке по домашним обстоятельствам¹³. Повествование строго ранжировано, Розин отсекает все то, что формально не относится к теме, делая свой рассказ похожим скорее на развернутый рапорт, на ту графу послужного списка, в которой записана «бытность в походах и делах против неприятеля, с объяснением, где именно, с какого и по какое время». Личным обстоятельствам, вероятно, далеко не простым, нет места среди воспоминаний, в данном случае они «неисторичны» и никак не влияют на ход повествования, делая его максимально одномерным.

Жанровое своеобразие «Очерков» заключается в практически полном отсутствии аналитической части. Желая запечатлеть действия родного полка вкупе с «некоторыми записанными и уцелевшими в памяти эпизодами из без искусственной, но можно сказать смело, не лишенной своей доли героизма боевой жизни русского солдата», которую ему удалось наблюдать,¹⁴ автор чужд также излишнего психологизма, только раз, перед описанием Альминского дела, останавливаясь на «чувстве солдата перед боем». Публикуя известные ему факты, Розин предоставляет другим, в том числе и военным специалистам¹⁵, делать выводы.

Только дважды на протяжении почти ста страниц, мы сталкиваемся с авторской оценкой происходящего, высказанной неожиданно своеобразно. Так, передав информацию о попытке отбить занятые французами траншеи, Розин замечает: «мне случалось слышать мнение компетентных в военном деле людей, что траншеи эти вовсе не стоили стольких жертв...»¹⁶. Другой раз, получив 24 августа 1855 г. приказ привезти на 3-й бастион два орудия и попав под обстрел, восклицает о своей команде: «И это были 2-я и 3-я гренадерские роты, которыми некогда любовался в Бозе почивший Император Николай Павлович, — слышавшие в последнее время от Его Величества приветливое царское «спасибо» на маневрах под Красным селом в 1852 году и в 1853 году на Ходыньском поле, и которые теперь таяли на моих глазах... я еще более пожалел о том впоследствии, когда привезенное с таким невероятным трудом и жертвами орудие, вовсе не было поставлено на бастион до окончания штурма»¹⁷, т. е. до оставления Севастополя русскими войсками. Критика не входит в намерения автора, его замечания лишены необходимой напористости, убежденности, вызывают на разговор и ждут возражений. Особенно красноречива в этом отношении оговорка «мне случалось слышать мнение компетентных в военном деле людей», сделанная мемуаристом, за плечами которого 23 года службы. А ведь для отставного военного обладание самостоятельной точкой зрения является зачастую единственной возможностью заявить о своем профессионализме, даже оправдать собственное существование. Таковы, например, также включенные в «Сборник рукописей» «Воспоминания о Севастопольской обороне» Г. Чаплицкого¹⁸, содержащие в основном нелюбимый разбор действий Крымской армии. Для Розина же вообще не характерно акцентирование собственного мнения, будь то противоречие казенной историографии или нарочитая солидаризация с ней. Однако, «картина мира» в «Очерках» не становится от этого менее полной, ни даже менее осознаной, а разве не столь формально ясной. Так, «позитивистская методология» мемуариста дает парадоксальную, на первый взгляд, возможность приблизиться к смыслу происходяще-

¹³ РГВИА. Ф. 395. Оп. 45. Д. 578. Л. 8. И получил отказ в связи с запретом увольнять офицеров на таком основании, последовавшим 15 дек. 1853 г.

¹⁴ Сборник рукописей... С. 189 — 190.

¹⁵ На обращение к этой категории читателей указывает подстрочная полемика с работой Тотлебена «Описание обороны Севастополя» по вопросам численности и действий полка.

¹⁶ Сборник рукописей... С. 238.

¹⁷ Там же. С. 271 — 272.

¹⁸ Георгий Чаплицкий в 1854 — 1855 гг. адъютант генералов Данненберга и Урусова, в 1859 г. вышел в отставку полковником лейб-гвардии Царскосельского стрелкового батальона.

го. Только лишь констатируя, обозначая в ряду иных событий явную ошибку, промах, одним словом — деструкцию, автор не дает ей завладеть вниманием читателя настолько, чтобы, выделившись из общего повествования, она смогла разрушить восприятие исторической действительности как сугубо целостной и непрерывной. Претендуя на абсолютность, правда факта уступает место правде смысла — ведь история еще не кончилась, даже со сдачей Севастополя.

Характер изложения событий показывает, что в работе над воспоминаниями автор не выходил далеко за пределы своих дневниковых записей, лишь фиксируя действия его самого, его подразделения, полка, избегая попыток анализа. Так, читатель не найдет не только обычного для военных мемуаров разбора боевых действий, участником которых довелось быть автору, но даже не встретит их полного описания. Розин отмечает только то, чему он был непосредственным свидетелем или то, как в случае с кратким изложением действий полка за время его отсутствия, что удалось узнать из первых рук, и этот интерес опять-таки не выходит за непосредственно служебные, шире — полковые, рамки. Лишь несколько раз встретим ряд военных анекдотов, чей круг хождения — армия, корпус. Практически отсутствуют описания громких боевых эпизодов, которым автор не был свидетелем, в то время как для большинства писавших о войне, а особенно о защите Севастополя, рассказы о подвигах «нижних чинов Черноморского флота Арсения Рыбакова, Петра Кошки, Игнатия Шевченко, Федора Заики, морских офицеров Астапова, Бирилева, Завалишина, Титова, Макшеева, армейских офицеров Рытова, Брейтнера, Кишельского, Ляпунова и многих других» обязательны, хотя бы потому, что являлись неотъемлемой частью их жизни в осажденном городе, предметом собственных тогдашних разговоров, переживаний и забот¹⁹. Очевидно, при составлении записок автор руководствовался глубоким убеждением, что сообщения вроде: «14-го сентября полк наш занял позицию близ д. Отар-Кой, верстах в 5-ти от Бахчисарая, и раскинул цепь в окружавших селение садах. Для удобства сообщения с аванпостами, устроены были мостики через канавы садов»²⁰, — столь же важны и интересны. Для сомневающихся напомним, что рукопись А.И. Розина ждал августейший читатель.

«Дисциплинированность», «иерархичность сознания» автора, начавшего «студентом»²¹ и прослужившего затем в строю без малого четверть века, твердое знание «своего места», пределов компетенции, — в этом своеобразии воспоминаний А.И. Розина. И тем больше веса приобретает выносимое из записок впечатление о глубоко иррациональном ходе кампании. Так, заняв 14 октября 1854 г. известную нам позицию, в полку испытывали недостаток в продовольствии, т. к. «запас взятых из Севастополя сахарей истощился... обоза же своего, оставленного в Севастополе, мы встретить не надеялись. Зная слабость Южной стороны и малочисленность оставленного в городе гарнизона, состоявшего только из нескольких батальонов, не без основания можно было предположить, что союзники не преминут воспользоваться выгодой своего положения и не замедлят взять город... 18-го обозы наши и продовольствие, наконец, прибыли. Никто не мог отыскать причин, понудивших неприятеля не прямо занять город, что он мог бы сделать почти беспрепятственно, а приступить к правильной осаде Южной стороны, на которой энергично начатая вице-адмиралом Корниловым укрепления подавали надежду на упорную оборону»²². А вот и «камешек в свой огород», правда, в оче-

¹⁹ Голикова Л. «... Каждый рядовой — Шевченко, каждый офицер — Бирилев» // Родина. № 3 — 4. 1995.

²⁰ Сборник рукописей... С. 200.

²¹ РГВИА. Ф. 395. Оп. 38. Д. 32. Л. 5. «Послужной список определенного во Владимирский пехотный полк студента А.И. Розина».

²² Сборник рукописей... С. 200, 202.

редной раз свидетельствующий об отказе автора «Очерков» от критической позиции: «По отбитии, 13-го октября, четырех турецких редутов, отряд генерал-лейтенанта Липранди занял местность командующую над Балаклавской бухтой, находясь от последней на расстоянии не более двух верст. Поэтому, люди опытные в военном деле (опять они! — *К.П.*) не без основания ожидали, что стоявшие в бухте, довольно многочисленныя, прибывшия из Франции и Англии с боевыми снарядами и продовольствием суда будут сожжены. Для выполнения чего... с полным вероятием успеха могли быть употреблены конгревовы ракеты... Но ожидания наши не сбылись, должно быть потому, что севастопольское артиллерийское ведомство ракет не имело»²³. Сделанное тут же издателем примечание — «Ракеты были присланы» — только усугубляет ситуацию, доводя ее до накала «немой сцены» и свидетельствуя о непонимании автором «Очерков» своего читателя, ждущего понятных авторитетных объяснений.

«Подобное действие было непостижимо, и как бы не желалось защитить действительных виновников наших неудач в Крыму, общественное мнение давно их осудило. — Общественное мнение чутко; оно, так сказать, сложило свое суждение об этом деле на месте преступления»²⁴, — Г. Чаплицкий более внимателен к «магистральным запросам» своего времени. Но в «долгой исторической перспективе» актуальность остается все-таки за «Очерками» Розина, которые хороши именно отсутствием подобных апелляций — факт для автора слишком очевиден, самодовлеющ, жив и не терпит никакой игры — ни на повышение, ни на понижение. Так, вспоминая своего полкового товарища, Розин замечает: «С «Мертвыми душами», как я запомню, Брестовский никогда не расставался, и часто на укреплениях развлекал солдат чтением о похождениях Коробочки, Плюшкина и других. Вокруг его собирался довольно большой кружок, доказывающий, что даровитый писатель и здесь находил себе отголосок и популярность»²⁵. Как видно, и в 1871 г. Гоголь оставался для Розина тем, кем по существу и был — «писателем», здесь нет речи о Гоголе — обличителе «гнусной расейской действительности», столь проявившейся именно в период Крымской войны, знамени борьбы с ней, или одиозном авторе «Выбранных мест из переписки с друзьями» и т. д., т. е. о том популярном, пошлом, восприятии гоголевского наследия, повлиявшем и «на таких... мыслителей, как Константин Леонтьев и Василий Розанов, которые усматривали в Гоголе именно «отрицателя», нанесшего тяжкий вред русской литературе и русской культуре в целом...».²⁶

Вообще же, читая Розина, постоянно вспоминаешь известный анекдот о К.Н. Леонтьеве. «Раз он ехал по Москве на извозчике. «Куда едешь», — поправил возницу полицейский и направил на другой путь; ленивый возница пробормотал что-то с неудовольствием. Вдруг кроткий Леонтьев ударил его в спину. «Что вы, барин?»... — «Как же, ты видишь мундир: и ты смеешь не повиноваться ему или роптать на него, когда он поставлен... (тем-то, а тот-то) губернатором, а губернатор — царем. Ты мужик и дурак — и восстаешь, как петербургский адвокат, против своего отечества»²⁷. Автор «Очерков из Крымской войны», чьи воспоминания — акт субординации, был бы идеальным «возницей» для К.Н. Леонтьева. Более того, образ, тип Розина свойственен творчеству

²³ Там же. С. 211 — 212.

²⁴ Сборник рукописей... С. 97.

²⁵ Там же. С. 211 — 212.

²⁶ Кожинов В.В. Победы и беды России. М. 2002. С. 163. В этом смысле знаменательно, что в начале первого письма Леонтьева Розанову читаем: «*Чрезвычайно* (Курсив везде Леонтьева — *К.П.*) ценю ваши смелые укоры *Гоголю*; это *великое* начинание. Он был очень вреден, хотя и непреднамеренно» (Розанов В.В. Литературные изгнанники. Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. М.2001. С. 329).

²⁷ Розанов В.В. Литературные изгнанники... С. 327 — 328.

Леонтьева, близок ему лично. В определенной степени автобиографичен: «Не знаю, как решить теперь, — хорошо ли это было или худо, что мы так мало входили в дела, до нас прямо не касательные? Я думаю, что была тут, как и во всем, и доля хорошего: мы полагались по чувству доверия и по привычке на высшее начальство, без больших и часто бестолковых рассуждений; и кто хуже, а кто лучше, но занимались каждый своим ближайшим делом, каждый своими личными интересами, — идеальными или практическими, все равно»²⁸, — эти слова о службе автора «Сдачи Керчи в 55 году» младшим ординатором Керчь-Еникальского военного госпиталя, явились бы достойным предувещанием «Очеркам».

Воспоминания А.И. Розина являют особый тип исторического деятеля. Наиболее характерную черту которого можно определить как «онтологическое спокойствие», святую уверенность, что мир, может быть даже и не весь, но Россия точно, находится в твердом, неизменном порядке, признание которого естественно и неизбежно, а служение ему действительно освобождает от всего, кроме «своих личных интересов». В самом деле, формы ответственности просты, понятны и охотно приняты. А «чего хочет личность как личность? Она хочет, конечно, *абсолютного самоутверждения* (здесь и далее выделено самими авторами — *К.П.*). Она хочет ни от чего не зависеть или зависеть так, чтобы это не мешало ее внутренней свободе. Она хочет не распадаться на части, не метаться в противоречиях, не разлагаться во тьме и в небытии»²⁹. Причем сакрализация миропорядка, включая его политическую составляющую, еще не требовала, как в недалеком будущем³⁰, особого религиозного напряжения.

Так, Розин пишет лишь о действиях своего полка потому, что он, во-первых, честен и не будет говорить о том, чего не знает, т.е. так или иначе не пережил сам, а во-вторых, в этом просто нет необходимости — более общие, «высокие», вопросы решены, их разъяснение входит в компетенцию духовенства и профессоров. Грубо говоря, автор «Очерков» выступает с позиции «что вижу, то пою», в уверенности, что любые дополнения излишни. И навязчивый отказ от какой бы то ни было систематизации в изложении событий, кроме натуральной — день за днем, — на самом деле лишь подчеркивает безусловность системы, в рамках которой действует автор «Очерков», не нуждающейся ни в чьей санкции, но, наоборот, все утверждающей. Иначе «Очерки» придется считать не более как перечень военных эпизодов, своего рода словником, подспорьем для будущего писателя или историка, и только, изначально отказав им в самостоятельной ценности. А ведь в той веренице перечислений и констатаций, которой являются воспоминания А.И. Розина, можно разглядеть и желание остановить прекрасное мгновение, и уверенность: «у Бога все живы». И тогда текст наполнится уже не «приметами быта», но бытия.

Именно это превращение объясняет Константин Леонтьев, вспоминая старшего брата Александра: «Я готов верить, что чувства брата в то время были гораздо глубже и *непосредственнее* моих... Он был бедным офицером *просто* потому, что не мог быть

---

²⁸ Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в двенадцати томах. Т. 6 (1). СПб. 2003. С. 625. Далее все ссылки на это издание: Леонтьев. ПССП. Т. 6 (1).

²⁹ Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М. 2001. С. 197.

³⁰ Для нач. XX в. в этом отношении характерно деятельное участие в правомонархическом движении духовенства, чьи представители зачастую становились во главе черносотенных организаций разных уровней. О. Сергей Булгаков, вспоминая, что к 1917 г. только о. Павел Флоренский и протоиерей о. Иосиф Фудель разделяли его политические взгляды: «А я, повторяю, чувствовал себя единственным трезвым среди пьяных, единственным реалистом среди всяческих иллюзионистов, и мой реализм было православие, моя трезвость — любовь к Государю» (Булгаков С.Н. Христианский социализм. Новосибирск. 1991. С. 310, 311). Да и сам К.Н. Леонтьев под конец жизни принял тайный постриг.

ничем иным; он не искал сам, подобно мне, *освежения* и здоровья в грубой и тяжелой жизни в глуши, ибо был и без того здоров и свеж и телом и душою. Он жил без *рефлекса...*»³¹. Разница смыслов в словах и поступках, разница рефлексий, как и всегда, мешает адекватному прочтению розинского текста. Специфика ситуации в том, что непреодолимый обычными средствами барьер вырос уже при жизни автора. «Традицию, возможно, уобнее всего было бы определить как обыденную символизацию моделей социального порядка», — отметил С. Эйзенштадт³². Сам Александр Иванович слишком консервативен, порядок, который он продолжает символизировать на страницах «Очерков», уже в прошлом. «Напрасный труд», ибо: «Быть *поросто консерватором* в наше время было бы трудом напрасным. Можно любить прошлое, но нельзя *верить* в его даже приблизительное возрождение»³³.

«А впрочем, вот еще анекдотик: тут по уезду пехотный полк. В пятницу вечером я в Б-цах с офицерами пил... Об атеизме говорили и, уж разумеется, Бога раскассировали. Рады, визжат... Один седой бурбон капитан сидел, сидел, все молча, ни слова не говорил, вдруг становится среди комнаты и, знаете, громко так, как бы сам с собой: «Если Бога нет, то какой же я после этого капитан?» Взял фуражку, развел руки и вышел.»

Нельзя не признать, что суждение капитана находится, логически, свершенно в рамках принятой субординации, что, однако, по всей видимости, не оберегает офицера от отчаяния. Также и «то, что было милой простотой и непосредственностью в прежнем добром *Саше*, стало гадкой и подлой глупостью в изношенном и необразованном холостяке»³⁴. Тот же конфликт, по сути, являют нам и «Очерки Крымской войны» А.И. Розина. Разойдясь с «требованиями времени», они обречены на самодостаточность, в прямом смысле слова, удовлетворяя разве что общественному чувству автора. Все трое одинаково лишены способности актуализировать свою правоту именно тогда, когда она терпит поражение, теряя общее признание. Они отказываются от принятия решения, т. к. ситуация, в которой приходится его формулировать, непонятным образом изменилась, став незнакомой, чуждой, и всем троим ничего не остается, кроме как продолжать по-прежнему «заниматься... своим ближайшим делом... своими личными интересами». У непонимания есть и своя хорошая сторона. Прозрение же опасно тем, что может иметь катастрофическую реакцию.

Вышесказанное ни в коем случае не отменяет девиз мемуариста, которым вполне могли бы стать слова: «делай, что должно, пусть будет, что будет». Сказанное нами лишь указывает на подвижность наполнения и границ этого «должно». И беда и счастье А.И. Розина в том, что он думал иначе. И остался в определенный момент, сам того не замечая, «вне истории». «Все мимо...» — наивный консерватор...

---

³¹ Леонтьев. ПССП. Т. 6 (1). С. 138, 139.

³² Цит. по: Лурье С.В. Историческая этнология. М. 2004. С. 231.

³³ Русская социально-политическая мысль XIX в.: К.Н. Леонтьев. М. 1995. С. 59. Цитата из статьи «Чем и как либерализм наш вреден?» (1880 г.).

³⁴ Леонтьев. ПССП. Т. 6 (1). С. 139.

С. В. АЛЕКСЕЕВ

ЕЩЕ РАЗ О ТЕМНОМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И СВЕТЛОМ ВОЗРОЖДЕНИИ

За последнее время выходило немало работ о «другом Средневековье». Школа «Анналов» внесла немалую лепту в реабилитацию этого блестящего периода в истории Европы. Остались, однако, два весьма значительных «но». Во-первых, в отечественной науке, где идея линейного прогресса многократно зацементирована десятилетиями единственно верного марксистского подхода, во многом нерушимы остаются представления о «темном средневековье», выход из которого к революционному Новому времени указан Возрождением. Во-вторых, уцелел (не только у нас) сам последний термин — не как самообозначение определенного явления в культурной истории Европы, но как адекватное научное понятие.

Но — с научной точки зрения — сколько было Возрождений в Средние века? Вопрос не должен казаться странным. Не секрет уже не только для ученых, что границы понятия чрезвычайно расширились. Оно распространено и на иные периоды обращения средневековья к античному наследию, которых, как мы — в отличие от просветителей XVIII в. — уже знаем, в истории IX — XV вв. было немало. Сейчас никто не станет спорить, что период VII — VIII вв., когда античная культура практически исчезла, во всяком случае пришла в упадок — это еще не столько Средневековье, эпоха европейского «феодализма», сколько пролог к ней, «темные века». Что же после них? Используем только те выводы, к которым уже пришла современная и вполне традиционная наука.

Византия. IX — XII вв. — «Византийское Возрождение», сбор и «публикация» античного наследия, расцвет византийской культуры с опорой и на эллинские, и на христианские образцы. XIV — XV вв. — эпоха «византийского гуманизма» или «Палеологовского Возрождения», общепризнанная (в том числе и современниками) прологом к Возрождению в Западной Европе. Напомню — в XIII в. (кроме последних десятилетий) Византии практически не существовало, она была в 1204 г. разгромлена западными крестоносцами и раздроблена. А в 1453 г. Империя пала под ударами турок. Итак, практически вся история средневековой Византии есть история «Возрождения» — точнее, надо полагать, поступательного развития культуры с античной основы. Собственно «Возрождений» было, следовательно, два — в IX и в XIV вв. Далее не всегда, быть может, ровно шел прогресс от восстановленного, в неразрывном слиянии античных прообразов и новых, вытекающих из христианского лика культуры, достижений.

Западная Европа. IX в. — «Каролингское Возрождение». X — XI вв. — «Оттоновское Возрождение». XII в. — эпоха крестовых походов, также единогласно признаваемая периодом расцвета культуры и науки в живом общении с Византией («возрождавшейся») и усвоившим часть античных богатств мусульманским Востоком. XIII — XIV вв. — «Предвозрождение», названное так, должно быть, лишь затем, чтобы отличаться от последующего собственно Ренессанса. На самом деле — пора также весьма ярких культурных достижений, сочетающих античное и «средневековое», христианское. Итак, мы видим, что на Западе зазоры между «Возрождениями» не превышают нескольких десятилетий. Периодическое обращение к античному наследию из разных источников подпитывало европейскую культуру после коротких упадков, но в целом развитие носило тоже вполне естественный, поступательный характер. Хотя, конечно, мощные пережитки первобытности в быту и всей повседневности делали это развитие у потомков «варваров» менее ровным, чем у византийцев.

Что касается Руси и других славянских государств, то для них Средневековье и было переходом к цивилизации. Новый уровень культуры выстраивался не на греко-

римском, а на вполне «варварском» первобытном фундаменте, пусть и отчасти из привозного материала. Культура Руси — с самого начала христианская, «средневековая». говорить здесь о каких-либо «Возрождениях» неуместно. Одни ученые чувствовали это, но другие с завидным упорством ревнуют о европейских мифах более, чем сами европейцы.

Вывод прост до элементарности — Средневековье и было Возрождением всего ценного, что могла новая христианская культура почерпнуть из античного наследия. Возрождение это произошло после хаоса темных веков в первой половине IX в. Краткие периоды культурного упадка, которых и античность знала немало, не в счет. Развитие культуры в европейские Средние века носило естественный, поступательный, если угодно — прогрессивный характер. Катастрофических отступлений к варваризму в существенных для творческой культуры вещах (скажем, в традициях искусства или литературы) не произошло. Культура иная, чем античная — несомненно. Но «худшая» или «лучшая» — это уже вопросы вкуса и, кстати, религиозного самоопределения. Просто новая и, значит, другая.

Что же «возрождал» Ренессанс XIV — XVII вв., если античная культура и так была воспринята и «возрождена» Средневековьем? С одной стороны, действительно, несколько волн эксода из гбнущей Византии познакомили Запад с древнегреческой литературой и философией. Но все согласится, что главное содержание Ренессанса и его фундаментальное отличие от средневекового культурного Возрождения IX в. не в этом. Суть — в «раскрепощении», в том, что Ренессанс знаменовал всецелое и неограниченное обращение к отжившей старине. Его творцы, по сути, отбрасывали наработки предшествующих поколений, порывая с традицией христианской культуры и подменяя ее имитацией давно сгинувшей античности. Даже святые стали напоминать под их руками и кистями античных богов. Воспринимались античная философия, этика, эстетика, даже религиозные и оккультные представления. Все же, что противоречило им в окружающей жизни и вере, третировалось и отвергалось. Ренессанс носил если не тотально антихристианский, то, во всяком случае, антицерковный характер. Против воли самих «возрожденцев» он стал прологом и аккомпанементом к кровавым эксцессам Реформации, в которых едва не сгинули все достижения культуры Средневековья. Но и вне сумятицы религиозных войн, эти достижения подтачивались и подменялись «людьми Возрождения» — подменялись их собственным подражанием умершей века назад культуре.

Если коротко суммировать напрашивающийся вывод — Ренессанс был языческой Реакцией на христианскую культуру, очевидным шагом назад на пути поступательного развития Европы. Реакция эта, продлившись в последующие столетия, привела к разложению христианской цивилизованности и современному культурному кризису, признаваемому даже апологетами Нового времени. Это зримо откликается и в начале Ренессансом кризисе христианской религиозности, теснимой ныне неоязыческими культурами группы Нью-Эйдж и примитивнейшим оккультизмом. Даже не вставая на «субъективную» христианскую позицию (которую автор, впрочем, без стеснения разделяет) нельзя не признать, что это откат назад, к явному варваризму. Чего стоит хотя бы возрождение в рамках легальных религиозных культов ритуальных оргий, а в рамках нелегальных — и человеческих жертвоприношений.

Но ограничилась ли Реакция культурной и религиозной сферой? Подобный вывод был бы нелогичен. И действительно — в сфере общественной мысли мы видим начиная с Ренессанса идеализацию социально-политического строя античных государств, строя, еще в античности доказавшего свою полную недееспособность. Чтобы проиллюстрировать и подкрепить эту исходную констатацию, обратимся к более давней истории. Возможно, нижеследующее покажется кому-то парадоксальным. Но все

дальнейшие выводы исходят из общепринятого в теории прогресса постулата о прогрессивности цивилизации по сравнению с первобытностью («дикостью» и «варварством»).

Переход от варварства к цивилизации характеризовался у всех народов мира появлением двух важнейших новшеств в сфере политики и социального устройства. Первое — монархическая власть, выступающая как консолидирующая и организующая сила. Второе — сословное устройство, при котором в качестве высших сословий выступают светская земельно-военная аристократия и духовная знать, будь то языческое жречество или священство единобожия. Эти две силы, складывающиеся в любом цивилизованном обществе, выступают как уравнивающие по отношению к двум другим, неизбежным побочным продуктам цивилизации — бюрократии и плутократии. Все четыре «класса» при этом уравниваются во взаимном соперничестве и друг друга. На балансе этих четырех социальных групп, отделяющих лидера-монарха от массы народа и посредничающих ему, и строится в конечном счете здание государственности и цивилизованного общества. Цементирует же его, связывает воедино закон, исполняемый последовательно и жестко, если угодно — авторитарно.

Такова ситуация при переходе к цивилизации и в большинстве локальных цивилизаций. Такова, следовательно, норма цивилизации. Автократия и сословность — признаки цивилизации, черты, отделяющие ее в числе прочего от первобытности. Симпатии и антипатии конкретного исследователя не должны играть роли — вывод этот трудно оспорить. Демократия и эгалитаризм — напротив, черты первобытности. Причем подлинными они являются лишь в эпоху дикости, родового строя, тогда как в эпоху варварства, строя племенного, они начинают исчезать и заменяться автократией и сословностью. С появлением цивилизации демократия и эгалитаризм исчезают вовсе. Вернуться в реальности они не могут, не разрушив всего здания цивилизации. Революции приводили лишь к подменам легальной и естественной иерархии в обществе иерархией нелегальной и неестественной. Уничтожение сословий реально приводило только к всевластию плутократии или бюрократии. И то — в условиях фиктивного равенства возникали и возникают суррогаты и духовной, и землевладельческой знати. Единственным обществом, которому удалось не создавать долгое время подобных суррогатов и уничтожить любую властную силу, кроме бюрократии, был «реальный социализм». Как бы то ни было, стремление к недостижимому в условиях цивилизации эгалитаризму и демократии есть стремление назад к первобытности — стремление во всех отношениях реакционное по отношению к цивилизации.

Наш вывод можно подкрепить имевшей в последнее время немалый успех теорией «большой феодальной формации». Не обсуждая удачность или неудачность термина «феодализм», вслед за создателями этой теории приложим его ко всем обществам мира, основанным на социально-экономическом и государственно-политическом лидерстве землевладельческой знати, как правило, во главе с монархом. Результаты исследований сторонников концепции показали, что подавляющая часть мировых цивилизаций вписывается в понятие «большой феодальной формации». Иными словами, «феодализм» в этом смысле есть норма цивилизованного общественного устройства. Исключений, по сути, выделяется два — греко-римская античность и Новое время (с краткой и неоднозначной прелюдией в виде итальянских коммун и Швейцарии). Эти периоды сторонниками концепта определяются как «капитализм».

Для нас очевидно, что античный «капитализм» являлся реакцией периферийного по отношению к тогдашним центрам цивилизации общества на привносимые извне нормы, разрушавшие привычные племенные устои. Он возник в результате уничтожения крито-микенской цивилизации варварскими племенами, не желавшими воспринимать политическое наследие древних царств. Выживанию этого рецидива первобытно-

сти способствовало использование античной плутократией географических возможностей Средиземноморья. В решающие моменты «разлагающиеся» под влиянием развитых цивилизаций греческие полисы спасались приливом свежей, полуварварской военно-демократической силы — сперва Македонии, затем Рима. Это еще продлило античную эпоху и позволило ей, в конечном счете, воссоединиться с главным потоком цивилизации через покорение Востока. Далее — через восприятие христианства — Европа окончательно превращается из реакционной периферии мировой цивилизации в ее центр универсального значения. Стоит отметить, что полисным революциям не везде и не полностью удалось ликвидировать сословный строй и избавиться от пережитков автократии. После восстановления последней в Риме сословия легализуются и постепенно закладывается (восстанавливается) основа нормального «феодального» общественного строя.

Новая Реакция оказалась глубже и агрессивнее. В качестве идеала, разумеется, была принята Ренессансом, а затем и Просвещением античность, а никак не первобытность. В своей культурологической слепоте деятели той эпохи даже противопоставляли античность «варварству», относя к таковому и цивилизацию средневековья. Сначала они избрали в качестве идеала именно ту античность, которая была более «цивилизованна» и менее первобытна — античность позднюю, имперскую. Но именно эта античность убила некогда саму себя. Империя оказалась несовместима с эгалитаризмом и «гражданским» демократическим идеалом. Поэтому от имперского абсолютизма просветители не единогласно, но все-таки переходят на республиканские позиции. Наступает пора революций.

Отметим здесь, что мы не разделяем мнения тех сторонников концепта «большой феодальной формации», которые рассматривают «реальный социализм» как форму феодализма. «Реальный социализм» — логическое следствие и развитие «капиталистической» реакции, общество, которому удалось ближе всего подойти к провозглашаемой ею социальной цели — бессословности. В некотором смысле советский строй — максимально возможное воплощение эгалитарного идеала в условиях цивилизации. Из четырех вышеназванных игроков на подмостках власти остался лишь один — бюрократия. Автократия (и изначально отрицавшаяся) была подменена в итоге почти безликой бюрократической олигархией, авторитарный закон — тоталитарной идеологией. Большого Совету, к несчастью для сторонников равенства, просто не могли достичь. Хотя долго и хотели — коммунизма, возврата к первобытности «на новом уровне производительных сил». Полное равенство и цивилизация несовместимы.

Итак, первая и вторая европейские контрцивилизаторские Реакции имеют между собой существенные различия. Античная Реакция развивалась сообразно с логикой здравого смысла — постепенно отрицая сама себя, от демократии и эгалитаризма обратно к сословности и автократии. Античная цивилизация стремилась остаться цивилизацией и постепенно отбрасывала наиболее безумные проявления реакционности — вроде Афин. Новая Реакция, увы, развивается, по обратной логике, по логике самоубийства цивилизации. Она становится все радикальнее и радикальнее на протяжении уже четырех с лишним столетий. Путь от идеалов «просвещенной тирании» или абсолютизма, сколь бы ни были они странны, к «равенству» должен, очевидно, иметь логическим завершением возврат к племенным советам или родовым общинам. Впрочем, поражение политических радикалов в XX в., кажется, отводит эту угрозу. Другое дело, что новая сословность и неизбежно новая автократия, необходимые для выживания цивилизации, пестуются в рамках самой Реакции, на основе ее идеологии. Результат может вполне оказаться для человека традиционных воззрений страшнее самого крушения. Но Надежда есть всегда.

Д. М. ВОЛОДИХИН ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ АКМЭ РОССИИ

Все размышления, содержащиеся в этой статье, не имеют отношения к точной науке. Скорее, их можно назвать историософскими. Автор понимает всю рискованность своих построений, но о тонких вещах иначе и говорить невозможно: не хватает твердой критериологии, да и не будет, наверное, хватать. Никогда.

***

Признанные отечественные авторитеты в области цивилизационного подхода не сходятся во мнениях, насколько стар русский культурно-исторический тип, да и жив ли он вообще. Соответственно, дата его рождения и хронология цивилизационных «возрастов»¹ также трактуются по-разному.

Н.Я.Данилевский, основатель цивилизационного подхода, считал, что пик развития Европы, ее эпоха «цветения», пришелся на XVI—XVII века, а Россия имела перед Европой фору в 400-500 лет, следовательно, акмэ еще только ожидало ее в ту пору, когда вышел главный труд Данилевского — «Россия и Европа».²

К.Н.Леонтьев отсчитывал историю Русского культурно-исторического типа с периода между вокняжением Рюрика в Новгороде (862 г.) и Крещением Руси (988 г.),³ а период акмэ, или время «цветущей сложности», по его терминологии, уходит корнями в XVII век, во времена Алексея Михайловича, по-настоящему же разворачивается в XVIII — начале XIX столетия.⁴ Ко времени написания главного труда Леонтьева — «Византизм и славянство» — русский культурно-исторический тип был, по мнению философа, очень стар и допивал последние глотки жизни.

Гумилев думал, что последний «пассионарный толчок» на территории, занятой русским народом, был около 1200 г., — тогда и родилась новая цивилизация, соответственно, ее «акматическая фаза» падает на XVI—XVIII столетия.⁵ Наше время Русскому суперэтносу («цивилизации») обещало, с точки зрения Льва Николаевича, одно из двух: либо «золотую осень», либо скорую смерть.

Автор этих строк полагает, что Русская или Вторая Православная цивилизация родилась во второй половине XIII в. и умерла в гражданской войне, просуществовав, таким образом, около 650 лет.⁶ Вопрос о ее акмэ решается в рамках настоящей статьи.

По всей видимости, причиной подобного разнобоя кроется в отсутствии твердых критериев перехода от одного цивилизационного «возраста» к другому.

---

¹ Для цивилизационного подхода характерна «органическая метафора» макросоциальных процессов. С точки зрения «цивилизационщика» любой культурно-исторический тип меняет «детство» на «юность», дорастает до «зрелости» (возраст акмэ), стареет и умирает.

² Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С.170, 493-494. Впервые этот труд был опубликован в 60-х гг. XIX в. Данилевский нигде не говорит, когда именно зародился Русский культурно-исторический тип, но, по всей вероятности, связывает его появление с возникновением русской государственности, а это событие, по мнению Николая Яковлевича, следует ассоциировать с призванием Рюрика.

³ Византизм и славянство // Леонтьев К.Н. Избранное. М., 1993. С.113.

⁴ Володихин Д.М. «Высокомерный странник». Философия и жизнь Константина Леонтьева. М., 2000. С.116-119, 131.

⁵ Это ясно сформулировано им в трактатах «Этногенез и биосфера Земли», «Древняя Русь и Великая степь», «От Руси к России».

⁶ Володихин Д.М., Алексеев С.В., Бенедиктов К.С., Иртенина Н.В. Традиция. Сила постоянства (Историко-философский феномен Традиции). М., 2004. С.26-29. В настоящее время на российской территории, возможно, рождается новая, Третья Православная цивилизация.

Н.Я.Данилевский даже не приближается к критериологии цивилизационных «возрастов». К.Н.Леонтьев определяет акматическую фазу как наиболее «пеструю» и эстетически «сложную» в биографии культурно-исторического типа. Его критерий, таким образом, эстетический. Л.Н.Гумилев анализирует поведенческие паттерны: с его точки по мере истощения жизненной («пассионарной») энергии внутри суперэтнуса одни модели жизненной стратегии сменяются другими, и так несколько раз. Определив наиболее устойчивый для данного времени паттерн, можно назвать стадию цивилизационного развития.

Очевидно, возможны и другие индикаторы.

***

По всей видимости, культурно-исторический тип можно считать состоявшимся, если он выделяется в общественном сознании далеких потомков как нечто самостоятельное, автономное, способное претендовать на сольную партию в том концерте, где роль музыкантов исполняют многие десятки цивилизаций.⁷ Иначе говоря, культурно-исторический тип всегда на сцене, а не среди тех, кем заполнен партер и амфитеатр. Он прежде всего — социальный субъект, исполненный творческой силы. Лишь это может заставить историков, культурологов, людей искусства и литературы обращаться к его историческому опыту. Но какова природа названной творческой автономии? Ни в коем случае не социальная и не экономическая; в какой-то степени политическая, но только среди знатоков; широкие слои интеллигентности воспринимают любой культурно-исторический тип прежде всего через эстетический образ. Здесь, конечно, сказывается колоссальное отличие между социокультурными конструкциями, высшими духовными смыслами, формами государственности, порожденными самой цивилизацией, и ее восприятием из крайне удаленной во времени точки. Порой эстетический образ цивилизации обманчив, иллюзорен, иными словами, слабо связан с исторической действительностью. Но в большинстве случаев он все-таки формируется на основе реального культурно-исторического опыта, так или иначе адаптированного к восприятию современного интеллектуала. Степень искажения в каждом конкретном случае определить исключительно сложно. Более того, в силу того, что человечество не стало единым и, надо надеяться, не станет таковым в будущем, представители различных цивилизаций *нашего времени* по-разному воспринимают цивилизации *прошлого*. Например, европейское средневековье для русского — прежде всего, романтический антураж: рыцари-замки-менестрели-мечи-плюмажи, а сами европейцы, судя по социальным опросам, мыслят собственное прошлое в терминах «старого доброго городского быта», по-бюргерски. Кроме того, эстетический образ может модифицироваться в зависимости от вкусов поколения, умственной моды, которой придерживается та или иная эпоха, литературных и политических предпочтений правящего круга. Так, средневековье для представителя «республики философов» XVII или XVIII столетия — тупая готика, варварство, утрата уважения к высоким античным образцам, невнятное мракобесие. А философски мыслящий человек нашего времени тот же период в истории европейской цивилизации воспринимает в красках теологической и художественной утонченности, изысканной куртуазии, эпической мощи. Речь идет *об одном и том же*, но сдвигка нюансов восприятия приводит к модифицированию эстетического образа. Следовательно, у одной цивилизации может быть несколько разных эстетических образов.⁸

---

⁷ В данном случае термины «культурно-исторический тип» и «цивилизация» используются как синонимы.

⁸ Хотя, по всей видимости, в эстетических образах должно присутствовать «твердое ядро», общее для них всех.

Культурно-исторический тип, в сущности, самый крупный пример «вещи в себе», информационно неисчерпаемой, и в то же время принципиально не познаваемой до конца. Эстетический образ культурно-исторического типа представляет собой своего рода интеллектуальные сливки, снятые потомками с прошлого. Вне зависимости от степени искажения реального исторического содержания при формировании эстетического образа, он никогда, ни при каких обстоятельствах не складывается на пустом месте. Почва, породившая его, когда-то существовала и была достаточно плодородной, чтобы на ней могло подняться мощное творческое усилие, способное вырвать у хаоса бесформичи нечто яркое, запомнившееся, не выцветшее по прошествии многих столетий.

Когда, в каком цивилизационном возрасте, культурно-исторический тип порождает те элементы, которые впоследствии ложатся в основу эстетического образа? Ясно, что на протяжении «детства» и «юности» это просто невозможно: культурно-исторический тип еще до конца не раскрылся, не отлился в четкие формы, он еще, по большей части, потенциален. Так же очевидно, что «дряхласть» творчески инвалидна, а «бодрая старость», гумилевская «золотая осень» — время самоосознания и самоколлекционирования; для этого периода характерно составление разного рода антологий, энциклопедий, компендиумов по истории; «золотая осень» — век реестров. Все, что могло сложиться, уже сложилось, потенциал равен нулю, творческая сила равна нулю, все преждесозданное костенеет, а потом разрушается. Кроме того, стадии упадка и разложения в большинстве случаев непривлекательны для потомков, немногие используют их как источник эстетического переживания.

Следовательно, искомый промежуток — фаза цивилизационного акмэ, пика в биографии любого культурно-исторического типа, плюс стадия перехода от вершины к развитию по нисходящей, период превращения зрелости в старость. Тогда и само акмэ может быть определено по эстетическому критерию: именно тогда цивилизация получила предельное, наиболее полное свое выражение, творчески состоялась; именно оттуда потомки неосознанно и сознательно берут «строительный материал» для создания эстетического образа. Значит, анализ массовых представлений современного интеллектуалитета об определенном культурно-историческом типе (в идеальном случае — о собственном или о его «предке») может дать ответ об акматическом периоде в его судьбе. Разумеется, полученный ответ будет отдавать субъективизмом, его уязвимость для критики очевидна. С другой стороны, если рассматривать прошлое прежде всего как источник религиозно-философского опыта, подобная связь между общественным сознанием современности и ушедшими эпохами не покажется столь уж экзотичной. Как ни парадоксально, цивилизационный подход актуален именно тем, что в его рамках можно изучать культурно-исторические типы и нуклеары⁹, вызвавшие повышенный социальный интерес; всеобщность, всеохватность не имеют ценности для его сторонников. Ему не присуще академическое стремление без конца складировать «фундаментальное знание».

Большая часть мировой истории — история этнографического материала, но кому он интересен?¹⁰

Таким образом, предложенный здесь критерий выделения акматической фазы в биографии культурно-исторического типа, хотя имеет ту же эстетическую природу, что и «цветущая сложность» К.Н.Леонтьева, но по сути своей резко отличается от нее.

---

⁹ Кластеры «родственных» цивилизаций.

¹⁰ «Цивилизация» прежде всего — дитя гносеологии, термин, обозначающий категорию исторического познания, и работают с ним в основном вследствие мощного общественного запроса; онтологическая составляющая цивилизации неизменно бывает несколько размыта.

***

Определить, из каких элементов состоит эстетический образ России, укоренившийся в умах современной интеллектуальной элиты? Причем позитивное или негативное отношение тех или иных ее страт к эстетическому образу нашего культурно-исторического типа совершенно не важно, имеет значение только его содержание.

По всей видимости, символику и эстетику советского периода следует полностью исключить из него. Это, скорее, «конкурирующий» строительный материал, — за исключением, может быть, периода Великой Отечественной войны...

Вряд ли составной частью эстетического образа могут служить смысловые «кирпичики», взятые из XVIII-XIX столетий. Эта эпоха многими искренне любима, хотя и за разное. Одна линия восприятия проходит через полосу либерально-революционных предпочтений: героический декабризм, бескорыстное и пламенное народничество, борьба за демократизацию политической системы России, «смягчение нравов» в гуманистическом духе, расшатывание «тюрьмы народов», реформаторство, прогрессизм, устремленный в будущее. Другая линия восприятия ориентирована на Традицию: патриархальный деспотизм и единодержавие, спасительное для страны; «Век золотой Екатерины»; суворовские гренадеры; старчество; живая вера, пронизывающая народные массы; блистательный двор; «Империя света»; крепкая витальность казачества и добрый аристократизм дворянства; благодушные мирки усадеб... Первый комплекс отлично передан в фильме «Звезда пленительного счастья». Второй — в фильмах «Сибирский цирюльник» и «Русский ковчег». Разумеется, и то, и другое, как уже говорилось, — сливки, снятые с исторической реальности, вершины, индицирующие сложные и неоднородные информационные поля. Более того, и «модернисты», и «традиционалисты» прекрасно понимают: для Петербургского периода нашей истории характерна высокая степень европеизации; вестернизационная прививка оказалась настолько мощной, что о собственно Русском культурно-историческом типе в чистом виде говорить не приходится. Остается перейти к более ранним эпохам.

Времена язычества, «богатырства», былинного двора Владимира Красна Солнышка, великого князя киевского, находят отклик в сердцах современных российских неоязычников, а также некоторых «красных патриотов», однако эти группы сравнительно малочисленны и слабо влияют на общее состояние умов. Кроме того, еще вопрос, стоит ли включать дохристианский период в анналы Русской цивилизации. Большой вопрос...

Что в сухом остатке? Времена Киевской «империи Рюриковичей», домонгольская и ордынская части удельного периода, а также эпоха Московского государства.

Древнекиевская эпоха явно не годится на роль акматической фазы. С точки зрения Л.Н.Гумилева, весь домонгольский период принадлежит истории особой Древнерусской цивилизации, но никак не Русской. Если даже не принимать во внимание гумилевское мнение и считать историю нашего культурно-исторического типа единой от Рюрика до Новейшего времени, все равно, возвести Русь Киевскую на пьедестал акмэ не получится. Зрелости должны предшествовать более «юные» этапы, цивилизация не может достигнуть пика на заре своей биографии.

Времена перехода исторической эстафеты от Киева к Владимиру (вплоть до катастрофы 30-х гг. XIII столетия) крайне слабо известны широкому кругу образованных людей. Разбираются в этом периоде лишь профессионалы. Начитанные дилетанты в основном довольствуются представлением о белокаменной архитектуре Владимиро-Суздальской земли, да «Словом о полку Игореве».¹¹ Для акматической фазы этот период слишком беден и слишком размыт в представлениях потомков.

---

¹¹ Вне зависимости от споров о том, когда именно эпическая поэма о событиях 1185 года была написана — в XII-м, XV-м столетии или позднее.

Остается ордынская часть удельного времени (вторая половина XIII — середина XV в., от Батыевой рати до начала правления Ивана III), да Московское государство (вторая половина XV — конец XVII в., от Ивана III, до первых лет правления Петра I).

Что осталось от них в интеллектуальном быту? От XIII — первой половины XIV столетия — почти ничего. Некоторые помнят о титанических фигурах Даниила Московского и его сына, Ивана Калиты. На втором плане — об антиордынских восстаниях (главным образом, о Тверской трагедии 1327 г.), смерти Семена Гордого и его завещании («...свеча бы не погасла!»). Но быт, стиль, прибитое к земле искусство той эпохи, разгромленное и угнетенное ремесло, нищие города мало кого интересуют и мало кому известны.

Так же мало осталось от середины — второй половины XVII столетия. Помнят в основном отдельные события: присоединение Украины, бунты разного рода, правление Софьи, учреждение Славяно-греко-латинской академии. Меньше задержалось в массовом сознании интеллектуалитета имен, процессов, бытовых черт эпохи. Разве что московское барокко, да прозвище Алексея Михайловича — Тишайший... Закатное время Московского царства оставляет впечатление некоторого общественного окостенения.¹² Живой отклик в сердце сегодняшнего интеллектуала вызывает, пожалуй, лишь история церковного раскола, драматичная, жутковатая, глубинно-русская, вся писаная в красках пламени и крови. Иногда кажется, что великий Раскол — вне времени, это сюжет, раз за разом повторяющийся в нашей истории. Будто срабатывает вечный механизм, встроенный в плоть народа, принадлежащий ей, как кожа и волосы принадлежат человеческому телу...

Итак, сердцем русской истории и временем, когда русский культурно-исторический тип сформулировал себя как устойчивую систему, является эпоха, протянувшаяся от последней четверти XIV-го до первой половины XVII столетия. Исторические фигуры, «маркирующие» ее с обоих концов: митрополит Алексей, преподобный Сергей Радонежский, великий князь Дмитрий Иванович, может быть, церковный просветитель Стефан Пермской, и — царь Михаил Федорович, патриарх Филарет, вожди 2-го земского ополчения князь Дмитрий Пожарский и Козьма Минин. Первые инициировали громадные изменения в судьбе русского общества, для их времени подходят слова «буря и натиск» — даже в отношении церковных реформ, стремительно трансформирующих Московскую митрополию. А вторые должны были защищать Россию, ее общественный, культурный и религиозный уклад, ее территорию, ее народ.

Вот оно, акмэ.

Вернее, акматическая фаза плюс первые шаги под уклон, по нисходящей.

И отделить одно время от другого можно лишь интуитивно. На глазок. С очень большой долей условности. Ведь разница не в цвете, а в оттенках...

При Иване III (1462—1505 гг.) происходит рождение России из чресел Руси. Тогда — все впервые. Первый свод законов,¹³ первые попытки устройства общегосударственного Двора, первая примерка царского титула, сложное и бурное развитие административного аппарата, масштабные военные операции, централизация...

При Василии III и Иване IV развитие продолжается, но уже замедленными темпами. Реформы 50-х гг. XVI в. представляют собой, во-первых, «косметическую довод-

¹² Если обратиться к фактам, то впечатление «окостенелости» сменится на прямо противоположное: Россия бурно развивалась в сторону разрушения устоявшихся социальных структур, вестернизировалась, общество пребывало в нестабильном состоянии.

¹³ Судебник 1497 г., по общему смыслу своему напоминающий современных Уголовно-процессуальный кодекс. Он опирается на уже существующую правовую систему, которая сложилась намного раньше, и в то же время устанавливает единые процессуальные нормы для всей страны.

ку» отдельных архитектурных деталей, после того, как здание государства и культуры возведено; во-вторых, каталогизацию и закрепление Русской Картины.

К первому относится, например, окончательное формирование системы приказов и Государева Двора, возникновение стрелецкого войска, перестройка управления на местах.

Ко второму — создание «Стоглава» и Макарьевских Миней Четких, «надстраивание» и уточнение Судебника 1497 г. в Судебнике 1550 г., упорядочение местничества,¹⁴ ликвидация последних серьезных очагов еретичества на территории страны¹⁵, присоединении Казани и Астрахани.

Таким образом, в 50-х годах XVI столетия социальное, политическое и, отчасти религиозное развитие перешло от прогрессирующей стадии, усложнения, цивилизационного движения вверх, к «плоскогорью». А в середине 60-х годов, кажется, пошло под гору. Можно назвать и более точную дату: перелом произошел в 1563—1565 гг.: от величайшей победы русского оружия под Полоцком и величайшего приобретения русской культуры (начало государственного книгопечатания) через страшное поражение 1564 г. к воздвижению опричнины...

Теперь Русское акмэ видно совершенно ясно. Оно занимает хронологическое пространство между правлением митрополита Алексия (1354—1378 гг.) и опричниной (1565—1572 гг.).

***

Полагаю, в акматической фазе раскрывается не только истинная суть цивилизации, но и все основные линии ее будущего. В расцвете виден закат, видна будущая причина смерти, будущая слава, будущий позор и все основные реплики будущих сцен действия. Акмэ, по сути, представляет собой концентрат, постепенно разбавляемый временем до полной прозрачности.

«Онтологию» Русского культурно-исторического типа составляет несколько твердых принципов. Их очень огрубленно представили в полубеспамятные времена Российской империи боевым кличем «За веру, царя и отечество!»

Русская цивилизация — прежде всего цивилизация церковная, религиозная. Православие — самый глубинный ее код. Все в России можно объяснить либо исходя из православия, либо исходя из нарочитого противостояния православию. Лучшее в русской культуре так или иначе вышло из православной веры. Со второй половины XIII столетия христианство на Руси укрепилось. Его закалило иноплеменное и иноверное иго. Церковь — одна на всю раздробленную до состояния политического крошева страну — была самым мощным объединяющим фактором. А укрепившись, русский побег христианского куста дал прекрасный цветок северной «Фиваиды». Возникшая в местах диких, лесных, суровых, на неплодородных землях и в условиях неласкового северного климата, «Русская Фиваида» оказалась, может быть, лучшим из всего, что подарила Россия миру. «Русская Фиваида» раскинувшаяся на просторах от Северного Подмосковья до Кольского полуострова и Соловков, свидетельствует о великом времени, когда тысячи людей ради Христа и веры Христовой искали тишины, уединения, спокойствия духа и бежали суетной жизни, оставляя мирские блага, не думая об условиях простейшего комфорта.

---

¹⁴ Местничество — гениальная система отношений внутри правящего военно-служилого сословия, дававшая возможность сглаживать острые межаристократические отношения, выходить из конфликтных ситуаций путем компромисса, а не смертоубийства, как в Польско-Литовском государстве.

¹⁵ Деятельности Матвея Башкина, Исаакия Белобаева и Феодосия Косого.

«Русская Фиваида» — место во времени и пространстве, где монашество спокойно и сладостно.

Если кто-нибудь приезжает в северные наши земли беспокойным, мятущимся, духовно бездомным, то здесь он чувствует: вот он, истинный дом! Где-нибудь у стен Спасо-Прилуцкого монастыря на окраине Вологды, или в ферапонтовской глуши, или в маленькой лодочке посреди лабиринта соловецких каналов, или на пустошах макарьевских находишь необыкновенную, неповторимую тишину. Приехав из шумных мест, из Питера какого-нибудь, из Москвы или Нижнего, здесь находишь нечто более родное, нежели в местах, где родился и провел всю жизнь. Здешняя трава, здешний ветер, здешние иконы в старинных церквях как будто приглашают: «Останься тут! Останься тут навсегда! Разве не видишь — тут тебе лучше всего...». Вся пестрота городов, биение делового нерва, вся некрасивая громада политики тут обретает смысл и оправдание. И если бы дала Русь только одну эту молитвенную тишину, только монастырские стены в лесной глухомани, только подвиги пустынников, постников и подвижников на берегах неспешных северных рек и вечных озер, то и тогда лоно ее следовало бы считать плодоносным и благословенным.

Леонтьев писал: «Тысячелетняя бедность творческого духа еще не ручательство за его богатые плоды». И, далее: «Мы прожили много, *сотворили духом мало* и стоим у какого-то страшного предела...».¹⁶ Пророчество его относительно страшного разлома революции, куда рухнул Русский культурно-исторический тип, сгинув в 20-х годах на последних своих плацдармах в Крыму и на Дальнем Востоке, сбылось. Но «Русская Фиваида», ее история и ее особенный дух были неизвестны Константину Николаевичу,¹⁷ хотя монастырский быт он знал не понаслышке: учился монашеству на Афоне, послушничал в подмосковном Николо-Угрешской обители, постригся в Оптиной, кончил дни свои в гостинице Троице-Сергиевой лавры. А знал бы, так наверное примирился бы с ужасной судьбой падающей России: она успела сотворить духом самое главное, она успела создать сущность новую, доселе невиданную и включить ее в мелодию всемирного концерта...

Николай Сергеевич Борисов как-то подметил, что святость в высших ее проявлениях словно кочует по Руси. Покидает одно место и появляется в другом, а побыв там, вновь ищет себе иного пристанища. Так, Троица, великая духом при Сергии и Никоне, отпустила тонкий дар праведности на север, в Белозерье.

Русская церковь и русская вера привыкли жить в условиях осажденной цитадели. То противник на дальних подступах, то у самых стен, вот он занял первую линию укреплений, а вот обессилел и отступает... В XIV—XVI столетиях наша Церковь обязана была стать воинствующей и благословлять пересветов на рать с басурманами. Эта традиция сохранилась даже после падения Русской цивилизации, она и до сих пор жива. И чем более в ней хранительства, тем большим авторитетом обладает она в народе.

В XV—XVI веках наше православие было пестро и разнообразно. Оно вмещало в себя заволжских старцев с их проповедью скитского пустынножительства, бедности, отказа от сокровищ материальных ради главного сокровища — стяжания Духа Святого; рядом с ними существовало и до поры до времени мирно уживалось домовитое, практичное иосифлянство; народная стихия плодила романтические образы христианства, а заодно и корявые, неуклюжие апокрифы. Казали рожки горластые еретики, да их не

¹⁶ Леонтьев К.Н. Указ. соч. С.115,117.

¹⁷ Средневековая русская история, кажется, не была в достаточной степени известна Леонтьеву, да и любви к ней он тоже не испытывал. С его точки зрения, «...жизнь Византии была несравненно самобытнее и богаче разнообразием содержания, чем жизнь старой, полудикой и однообразной Руси». — Письма к Владимиру Сергеевичу Соловьеву // Леонтьев К.Н. Избранное. М.,1993. С.380.

жаловали, хотя до поры кое-кто и увлекался их речами...¹⁸ Да и рясофорная Русь в середине XIV — первой половине XVI вв. отличалась многоцветьем: знала и монастырскую киновию, заботливо поддержанную Свв. Алексием и Сергием Радонежским, и скиты, и величественную монашескую колонизацию, и хозяйство больших обителей, работавшее как часы, и одинокое нищее пустынноничество, и утонченное исихастское учение, и византийскую обрядовую строгость, и византийскую же литургическую роскошь.

Церковь послемонгольских времен выпестовала Русь, дала ей правильную, регулярную форму и открыла ей дорогу в Россию...

Монархическая власть знала в эпоху Русского акмэ разные виды и формы. Патриархальная ее форма досталась в наследство от XIV столетия, прошла испытание на прочность в горниле междоусобной войны второй четверти XV в., испытания не выдержала и была переделана Иваном III в спокойное эффективное единодержавие, стоящее над военно-служилым сословием, хотя и зависимое от него в разумных пределах. Их хаоса XV в. родилась стройная, почти византийская иерархия следующего столетия. И единодержавие, и подчеркнуто иерархичная структура политической власти, и весьма значительный комплекс ее прав по отношению к подданным также стали частью русского цивилизационного узора. Мощь центральной власти была необходима, необходима по сию пору и будет необходима, вне зависимости от количества демократических завитков у подножия трона. В пору, когда рыхлая, аморфная, неоднородная администрация пыталась управлять огромной страной, из которой можно было уйти на новое место поселения куда угодно, страной, бедной природными ресурсами, страной, с трех сторон не защищенной от сильных врагов, самодержавная («македонская»)¹⁹ форма высшей власти *обязана* была родиться. А наличие ее впоследствии неоднократно оказывалось спасительным для России. Вместе с благой стороной «русской македонщины» родилась и ее противоположность. Суровое и прагматичное единодержавие хорошо только тогда, когда государь — первый из христиан, сам осознает это и к подданным относиться как к братьям и сестрам во Христе,²⁰ когда он помнит свой главный долг — защитить своих подданных и создать наилучшие условия для спасения души каждого из них. Если этого нет, простой злой деспотизм²¹ ничем оправдан быть не может. Впрочем, такой же дух должен овеять лиц, стоящих ближе всего к монарху, иначе нет оправдания и их честолюбию²²; простое стремление к свободе, независимости и процветанию таким оправданием служить не может. У монарха российского — как бы он ни назывался — есть только три ограничителя власти, и ни один из них к правовой сфере не относится. Это, во-первых, бунт, который подданные могут устроить, если увидят в монархе разрушителя веры или же бессмысленно жестокого мучителя христиан,²³ во-вторых, заговор вельмож, высшей аристократии любого рода, если ее самовластие допущено при дворе, и, в-третьих, непримиримый конфликт с Церковью. Монархическая власть, если Церковь не поддерживает ее своим пастырским словом, бесконечно много теряет в авторитете. Только симфония Священства и Царства дает России благое состояние. Так было, например, в середине XVI в. при митрополите Макарии.

---

¹⁸ Включая великого князя Ивана III и «первого диссидента» Андрея Курбского.

¹⁹ Выражение К.Н.Леонтьева.

²⁰ А не как к быдлу, электорату или контрагентам какого-то невозможного «общественного договора».

²¹ Та же опричнина, например.

²² Вариант «семибоярщины», например.

²³ Полагаю, участие в подобном бунте — грех, но вдвойне грешна власть, вводящая народ в соблазн бунтарства.

Последний принцип Русского культурно-исторического типа таков: все население страны, кроме иноверцев, должно чувствовать себя частью мировой христианской общины, исповедовать чистую веру, чтить Церковь и со смирением подчиняться власти ради благого долга перед миропомазанным государем. Терпение, смирение, милосердие, трудолюбие и добротолюбие сочетаются с исповеднической твердостью. «Отечество» суть преданность этим идеалам,²⁴ утвержденная в народе.

Таково ядро Русской цивилизации, родившееся в недрах нашего акмэ.

Акматическая фаза в культуре нашей отмечена необыкновенным подъемом. Именно тогда творили живописцы и воздвигались постройки, ставшие впоследствии эталоном русскости, основой «русского стиля»: Даниил Черный, Андрей Рублев и Дионисий; Успенский собор в московском Кремле, церковь Вознесения в Коломенском, Покровский собор на рву (собор Василия Блаженного). Летописание и хронография испытали расцвет.²⁵ Общественная мысль наполнилась шумом полемик, идеи, рожденные тогда, остаются в интеллектуальном быту вплоть до нашего времени («Москва — Третий Рим», «Москва — Второй Иерусалим», диспут между властью лице в Ивана Грозного и «первым диссидентом» — князем Андреем Курбским, диалог стяжательского и нестяжательского мировидения). В стране утверждается книгопечатание, вводится целый ряд технических новинок.

И в то же время акмэ нашего культурно-исторического типа проходило в условиях, когда чужой нож редко удалялся от русского горла. Пока Россия была достаточно сильна и организована, ей удавалось удерживать стальной хваткой руки своих убийц. Но московский разгром 1571 года был тревожным звоночком, преддверием страшной Смуты: нож никуда не делся, страна не имеет права быть слабой. Равнинное расположение России, отсутствие естественных географических рубежей по границам делало необходимым тратить прорву ресурсов на поддержание обороноспособности. Это — ахиллесова пята России, и «перегрев» всего социального механизма в конечном итоге сильно укоротил жизнь Русского культурно-исторического типа...

Собственно, хронологическое пространство от опричнины до петровских реформ трагично. Россия исполнена колоссальной жизненной силы, ей устраивают кровопускания — одно другого ужаснее, она болеет, встает на ноги, получает еще один удар, опять болеет, и все-таки опять встает на ноги... На протяжении нескольких десятилетий старомосковское общество, вздыбленное опричниной, болезненно пережившее конец династии Рюриковичей и годуновское самовластие, находится в состоянии еле сдерживаемого взрыва. Наконец, рванула Смута. В 1611 г. России не существовало. Размеры катастрофы Смутного времени сейчас трудно себе представить. По всей вероятности, потери, понесенные тогда русским народом, сравнимы с последствиями гражданской войны, если только не больше.²⁶ Сильная вера, сильная нравственность и огромная жизненная энергия, содержащиеся в людях того времени, дали возможность спасти рушащийся дом. А потом пережить нашествие королевича Владислава, поражение в Смоленской войне, Разинщину, городские бунты всех сортов, тяжкие войны на юге и западе, мятежные выплески стрелецкой стихии. Сохранение того, что родилось в эпоху акмэ, требовало чудовищного напряжения, огромных жертв — и от простого народа, и от правящего сословия. В XVII столетии Московское государство (и, значит, Русский культурно-исторический тип) проявило необыкновенную волю к жизни. И величественное здание Российской империи — наша «золотая осень» — встало на прочный фундамент старомосковских ценностей, старомосковской Традиции...

---

²⁴ А не крови или земле. Русское отечество — Святая Троица.

²⁵ Симптоматично, что масштабное государственное летописание прервалось 1567 годом...

²⁶ В относительном, процентном смысле.

***

Вернуться в акмэ невозможно. Но стоит надеяться, что Бог дарует нашим потомкам новое, иное акмэ. Надеяться и готовить их к этому.

С. Алексеев
Возвращение эпохи

Елисеева О.И. Григорий Потемкин. М.: Молодая гвардия, 2005. 665 с. — (Жизнь замечательных людей; Вып. 916).

Когда историк еще только окунается в изучение описываемой им эпохи по ее источникам, он, как правило, сталкивается с одной и той же проблемой — все происходило не совсем так, «как учили». Не потому, что «учили» плохо, — просто среднее образование склонно, неизбежно склонно к некоторым упрощениям, к следованию не всегда справедливой традиции. К тому же часто мы подсознательно ставим вровень с учебником тот вал дополнительной к нему информации, которую поставляют нам художественная литература, кинематограф...

Дальше — два пути. Либо историк начинает подстраивать себя под «традиционную» даже не в науке, но в культуре точку зрения — особенно если она поддержана «сверху». Либо он поставит себе сознательную задачу внести лепту в ее изменение, не только в научной среде, но и на широком культурном фронте, перед лицом всех заинтересованных. Нет сомнений, что такой выбор — правильный.

О.И. Елисеева, думается, сделала его довольно давно, если не с первых, то с весьма ранних шагов в науке. Жизнеописание Г.А. Потемкина писали в России враги и доброжелатели, политики и литераторы. Конечно, и историки (странно, что XX век не дал ни одной биографической работы по эту сторону границ России) — но в последнее время голоса их заглушались любителями мифотворчества о «галантном веке». Образ в итоге получался противоречивый, но скорее отрицательный, где-то издевательски-ироничный (разумеется, не без «потемкинских деревень», хотя сам этот миф уже давно опровергнут). Слово «фаворит», особенно за советские годы превратившееся в ругательство, определило отношение к Потемкину, включенному в череду «временщиков» XVIII столетия.

Но обращение к источникам или, хотя бы, просто объективное изложение известных фактов меняет отношение и к екатерининской эпохе, и к ее Герою. О.И. Елисеева и пишет — Героя, и это вовсе не уступка биографическому жанру книги. Достоинства заглавного персонажа (впрочем, как и его нескрываемые автором слабости) очевидны при обращении к истории России времен Екатерины Великой. Рядом с этой правительницей, раздвинувшей границы страны, удержавшей власть в тяжелейших условиях, содействовавшей экономическому и культурному процветанию, закономерно предстает фигура ее ближайшего советника, одаренного полководца — и супруга. Автор разворачивает перед нами картины эпохи с живостью и талантом не только тщательного специалиста, но и одаренного художника. Перед нами проходят и труды по устройству государства, и драма личных отношений императрицы и ее подданного. Попутно развеивается ряд бытующих в популярной литературе легенд — в том числе живучая, хотя и тоже опровергнутая опубликованными источниками, легенда о вражде Потемкина и Суворова.

Для ученого, однако, важно, чтобы результаты его трудов были не только замечены и одобрены коллегами, но не пропали втуне и для широкого читателя. Особенно важно это в подобном случае, когда поставлена сознательная задача разрушения накопившейся за века именно в массовом сознании околоисторической мифологии. Поэтому нельзя не порадоваться выходу монографии О.И. Елисеевой в массовой и заслуженно популярной книжной серии, которая продолжает сочетать на страницах своих выпусков научные и литературные достоинства.